В 70 Гавриил Воскресенский X

ИСТОРІЯ

ФИЛОСОФІИ.

Архимандрита Гавріила.

ЧАСТЬ I.

Изданіе второе съ перемѣнами.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1839.

„Пров 38“

ПРОВ. 1957

B 7D

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный комитетъ *три* экземпляра. Москва. Декабря 29 дня 1838 года.

Цензоръ Иванъ Снегиревъ.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

1281

30

ПОНЯТІЕ

Объ Исторіи Философіи.

Опредѣленіе науки.

§ 1. Исторія Философіи есть наука, излагающая достопримѣчательныя умозрѣнія о естествѣ существъ и правильно опредѣляющая какъ заслуги Философовъ, такъ равно ихъ заблужденія и недостатки дабы путемъ ученія достигнуть мудрости. Отъ Исторіи Философскихъ системъ она отличается какъ цѣлое отъ своей части, какъ содержащее отъ содержимаго.

Вещество науки.

§ 2. Вещество Исторіи Философіи есть внутреннее и внѣшнее. Внутреннее и непосредственное вещество исторіи любомудрія состоитъ въ безпрестанномъ стремленіи ума къ изысканію коренныхъ-началъ природы и свободы, въ разсмотрѣніи различныхъ Философскихъ произведеній, какъ то ученій, способовъ преподаванія науки, системъ и въ постепенномъ раскрытіи и образованіи Философскаго ума, какъ орудія Философіи, примѣтномъ какъ въ каждомъ недѣлимомъ лицѣ, такъ во всякомъ особенномъ народѣ и вообще во всемъ че-

ловѣчествѣ. Внѣшнее вещество Исторіи любомудрія слагается изъ причинъ, событій и обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на раскрытіе философскаго ума и на свойство его произведеній. Сюда принадлежатъ 1) Личность философовъ т. е. степень ихъ образованія, соразмѣрность и направленіе ихъ умственныхъ силъ, обширность занятій, долгота жизни, побужденія къ трудамъ и нравственный ихъ характеръ. 2) Вліяніе причинъ внѣшнихъ, какъ то степень образованности отечественной, господствующій духъ времени, даже климатъ, особенности земли, воспитаніе, постановленіе политическое, вѣроисповѣданіе и самый языкъ. 3) Вліяніе особъ, влекущихъ за собою толпу послѣдователей ихъ мнѣніямъ и подражателей ихъ поступкамъ. Эти двоякаго рода матеріалы исторія любомудрія сосредоточиваетъ въ одинъ ученый составъ, и потому правильно называется наукою.

Постороннія пособія къ изученію Исторіи философіи.

§ 3. Вспомогательные источники Исторіи Философіи суть исторія человѣчества, исторія образованія человѣческаго ума, исторія наукъ, жизнеописанія философовъ, разборъ ихъ сочиненій, исчисленіе ихъ мнѣній, библіографія философіи вообще, и прочія науки.

Исходный пунктъ Исторіи философіи.

§ 4. Исторія философіи не есть исторія всѣхъ идей человѣческаго ума. Этотъ внутренній міръ, въ ко-

торомъ таинственно оттѣняется и чудесно изображается міръ внѣшній, самъ по себѣ обширенъ. Безчисленныя нужды, ненасытимое любовѣденіе, борьба со стихіями, грозящими вредомъ. который можно предотвратить силою разума, пробуждаютъ въ человѣкѣ дѣятельность его разума. — Онъ творитъ математическія и физическія науки, изобрѣтаетъ торговлю, политическія правила; по чувству справедливости, ему впечатленному, устрояетъ гражданское общество, установляетъ правительственныя мѣста, пишетъ законы; чувство изящнаго воодушевляетъ поэта и управляетъ кистію или рѣзцомъ художника; чувство религіозное даетъ форму Богослуженію, и установляетъ догматы. Достигши такой высоты, умъ человѣческій въ очарованіи и удивленіи отъ своихъ безчисленныхъ успѣховъ, останавливается, вопрошаетъ самаго себя., и требуетъ отчета въ этомъ множествѣ идей, которыя вращаются въ восторженномъ его духѣ, и отпечатлены на всѣхъ предметахъ. Человѣкъ до сихъ поръ руководимый инстинктомъ, впечатленнымъ Самимъ Богомъ, пріобрѣтаетъ познанія о всѣхъ предметахъ такъ сказать, только идя по прямой линіи; но въ это время его вдохновенія обращаются въ размышленія, умствованія въ Философію. И здѣсь полагается начало исторіи любомудрія. Двѣ эпохи, эпоха вдохновенія, и эпоха Философіи, различныя по внѣшней формѣ, въ основаніи совершенно сходны. Размышленіе не знакомитъ разума съ инымъ міромъ, оно заставляетъ только подснять то, къ чему

влечетъ человѣка естественное его побужденіе; и тѣже самыя способности, которыя побудили его какъ бы посредствомъ волшебства, заниматься науками, художествами, гражданственностію, Богопочтеніемъ, должны дѣйствовать и въ Философіи. Но Философія смотритъ на эти науки съ особенной точки зрѣнія; и по сему отношенію она не должна смѣшиваться съ науками ею объясняемыми. Исторія Философіи не есть исторія гражданскаго образованія, художествъ, законодательствъ, наукъ, религій. Она есть исторія опытовъ, изъясненія цѣли, хода и взаимныхъ отношеній религіи, наукъ, законодательства, художествъ, гражданскаго образованія Безъ сомнѣнія Философія касается всѣхъ наукъ, поколику объясняетъ ихъ; но она имѣетъ бытіе самостоятельное и опредѣленный видъ. Какъ около солнца, около любомудрія обращаются науки; но она движется въ особенномъ пространствѣ, и описываетъ свою окружность. Отсюда и очевидно, что побуждаетъ насъ въ настоящемъ предметѣ нашихъ занятій отдѣлить Философію отъ религіи. Такое отдѣленіе не есть тотъ гибельный разрывъ Философіи и религіи, который въ разныя времена старались произвесть слѣпотствующіе; тѣмъ болѣе оно не проистекаетъ отъ неуваженія къ вѣрованіямъ религіознымъ. Провидѣніе, благодѣющее въ своихъ чудныхъ дѣйствіяхъ, какъ младенцу, такъ и взрослому человѣку, какъ людямъ простымъ и необразованнымъ, такъ и образованнымъ, однихъ просвѣщаетъ чрезъ религіозное чувство; которое простосердечной

вѣрѣ открываетъ законы ихъ безсмертнаго назначенія, а другихъ руководствуетъ чрезъ Философію, которая подчиняясь откровенію касательно вѣры, объясняетъ и доказываетъ разумомъ правила вѣры. Въ душѣ истиннаго Философа религія и Философія соединены совершенно; онѣ существуютъ не смѣшиваясь, и различаются, не уничтожая себя взаимно. Православный Христіанинъ ни мало не страшится Философіи, которая идетъ за нимъ въ храмъ, — жилище вѣры, единственно для того, чтобы размышленіемъ уяснить тѣ истины, кои открываетъ вѣра, и чтобы мышленія ума сотвореннаго повѣрить и освятить глаголами ума безконечнаго.

Методъ преподаванія науки.

§ 5. Порядокъ преподаванія Исторіи Философіи состоитъ въ тѣхъ правилахъ, по которымъ матеріалы этой науки должны быть изысканы, собраны, обработаны и приведены въ единую стройную ученую совокупность. Эти матеріалы суть или сочиненія Философовъ, сохранившіяся до нашихъ временъ, или свидѣтельства другихъ писателей о жизни и ученіи различныхъ мудролюбцевъ. Если мало Философъ писалъ, или если мало дошло до насъ его сочиненій: то больше должно собирать свидѣтельствъ о его жизни и догматахъ, но свидѣтельствъ подлинныхъ и достовѣрныхъ. Если остались одни отрывки; то должно разсматривать ихъ не токмо Философски, но и Филологически. Къ тщанію полнаго собранія положеній Философскихъ долж-

но присовокупить изученіе подлиннаго ихъ смысла, ихъ значимости, ихъ происхожденія и взаимнаго соотношенія, дабы читатель исторіи Философіи могъ поставить себя на туже точку воззрѣнія, на которой стоялъ Философъ самомыслитель, и оцѣнить достоинство трудовъ его безъ всякой несправедливости. Къ сему приводитъ точное познаніе современности, употребленіе языка, и направленія понятій. Сравнивать различныя Философскія ученія съ прочими ученіями подобными современниковъ и писателей послѣдующихъ временъ, опредѣлять правильно точки ихъ соприкосновенія и уклоненія, показывать мѣсто, принадлежащее какому либо положенію въ системѣ извѣстнаго Философа и способъ, коимъ онъ до своего заключенія достигъ: вотъ необходимыя условія къ тому, чтобы изобразить смыслъ и значеніе мыслей различныхъ Философовъ. Техническія слова каждаго изъ Философовъ должно представлять во всей ясности, природной ихъ формѣ и Физіогноміи. При изложеніи сихъ матеріаловъ должно обращать постоянное вниманіе на раскрытіе Философскаго ума и его постепенное шествіе къ совершенству знанія. Его усиленная дѣятельность или покой полагаютъ твердыя основанія къ раздѣленію Исторіи Философіи на различныя части, и къ удобнѣйшему понятію сей науки съ одной точки воззрѣнія на всю ея область.

Особенныя правила для Историка философіи.

§ 6. Показавъ общія правила метода, коимъ долж-

но руководствоваться въ Историческихъ изслѣдованіяхъ о Философіи, представимъ особенныя положенія, которыя должно наблюдать историку Философіи. Онѣ суть слѣдующія:

I. *Въ исторіи философіи должно представить многостороннее раскрытіе способностей человѣка, чувственности, разума и воли.*

Обращаясь къ сознанію, мы находимъ что способности человѣка различны; онъ имѣетъ чувственность, разумъ, свободу. Посредствомъ органовъ человѣкъ сообщается съ міромъ внѣшнимъ; посредствомъ разума познаетъ отношенія, всеобщіе, безусловные и необходимые законы, которыхъ чувственность сама по себѣ не въ состояніи ему открыть; эти законы владѣютъ его убѣжденіемъ и волею; наконецъ посредствомъ воли онъ ослабляетъ требованія своего организма, борется съ наклонностями чувственности, покоряетъ свои страсти владычеству непреложныхъ законовъ разума, познавая непреодолимую власть ихъ надъ собою и тогда, какъ ихъ нарушаетъ. Такимъ образомъ посредствомъ правильнаго сознанія находя въ душѣ человѣческой только три способности, отъ коихъ зависятъ всѣ различные роды нашихъ понятій, мы должны заключить, что и въ исторіи должно встрѣтить только раскрытіе сихъ трехъ началъ. Въ самомъ дѣлѣ въ исторіи главную роль играетъ человѣкъ; по сему небудетъ ли сверхъестественнымъ явленіемъ, явнымъ противорѣчіемъ,

ежели духъ человѣческій въ исторіи будетъ слѣдовать инымъ законамъ, нежели какимъ слѣдуетъ духъ каждаго человѣка?

II. *Въ изложеніи исторіи философіи не надобно основываться на одной какой либо познавательной способности исключительно, одной какой либо системѣ, однихъ началахъ; и напротивъ не должно также увлекаться началами наукъ постороннихъ, не должно предпочтительно заниматься нѣкоторыми философами и опускать изъ виду прочихъ. Исторія философіи должна быть гармоническимъ произведеніемъ всѣхъ познавательныхъ способностей человѣческаго духа, всѣхъ системъ, всѣхъ началъ, всѣхъ философовъ.*

Отъ неправильнаго употребленія сего правила произошло то, что нѣкоторые самомыслители составили подъ различными внѣшними формами три главныя системы, смотря по тому, на какую способность души особенное они обращали вниманіе, на чувственность, разумъ, или волю. Разсужденіе Кондильяка о чувствованіяхъ, критика чистаго ума Канта, безусловное я Фихта, произошли отъ того, что эти философы обращали вниманіе на каждую изъ способностей человѣка отдѣльно, тогда какъ имъ надлежало обнять всего человѣка въ совокупности. Когда не полно и односторонне изслѣдованы человѣческія способности; то возможно ли почитать важными эти опыты? Возможно ли бытіе

полной Исторіи философіи? Безъ сомнѣнія не возможно! Ежели подъ Исторіею философіи разумѣть вѣрное и несомнѣнное изложеніе всѣхъ системъ философіи, основательную оцѣнку заслугъ и ошибокъ знаменитыхъ философовъ, то конечно таковую Исторію нужно составить въ новѣйшія времена. Кждая система философіи можетъ справедливо похвалиться своею исторіею. Философія Декарта, произвела Бруккера; Тидеманъ писалъ исторію по правилатъ сенсуализма Локкова, а Теннеманъ соетавилъ свою исторію по правиламъ автора критики чистаго разума. Но мы по многимъ причинамъ послѣ твореній этихъ великихъ писателей, желаемъ исторіи болѣе приспособленной къ потребностямъ и успѣхамъ философіи. При составленіи этаго важнаго сочиненія, не должно держаться односторонней какой либо системы. Ежели мы будемъ искать въ исторіи совсемъ другаго, нежели о чемъ увѣряетъ насъ сознаніе; ежели не пожелаемъ отыскиватч этихъ свидѣтельствъ сознанія въ сочиненіяхъ философовъ различныхъ вѣковъ; то подвергнемся тѣмъ же неудобствамъ, коихъ не могли избѣжать упомянутыя историки. Тидеманъ, заклятый послѣдователь Локка, исключилъ Богословіе изъ философіи, духъ критики превратилъ въ духъ Скептицизма, призналъ нѣкоторыя сочиненія подложными, которыя въ послѣдствіи неоспоримо признаны истинными, поглотилъ все, что токмо есть лучшаго въ древней философіи, особенно умозрѣнія въ Платоновыхъ разговорахъ. Какъ больные желтухою очи

представляютъ весь міръ желтымъ: такъ Тидеманъ всѣ философскія системы представилъ въ единообразной одеждѣ Локка. Дежерандо во всей Исторіи Философіи разрѣшаетъ одинъ, по его мнѣнію коренный, вопросъ о началѣ познаній человѣческихъ и все твореніе свое раздѣляетъ на двѣ части, изъ коихъ въ первой излагаетъ мнѣнія философовъ, а во второй разбираетъ и оцѣниваетъ ихъ. Чго по видимому простѣе и основательнѣе этого плана? Но большая часть философовъ въ своихъ твореніяхъ и не помышляли разрѣшать сего вопроса, какъ основнаго. Слѣдовательно излагать различныя философемы принаровительно къ одному вопросу, значитъ тѣснить ихъ въ такую форму, въ которой онѣ не отливались. А излагать въ одной части какое либо мнѣніе, и въ другой оцѣнивать его, значитъ въ обоихъ частяхъ повторять одно и тоже. Риттеръ, въ пространной Исторіи Философіи (*) наполнилъ цѣлую вторую книгу о Философіи Индійской и едва въ своемъ сочиненіи отыскалъ мѣстечько Платоновымъ идеямъ. Этотъ Историкъ превосходитъ скептицизмомъ многихъ записныхъ недоумокъ. Съ утомительною подробностію онъ излагаетъ, что ложнаго или невѣроятнаго другіе говорили о Философахъ, чему любомудры не учили, или чего они не дѣлали. А такое

(*) Histoire de la philosophie, par le docteur Henri Ritter professeur à l' université de Kiel, traduit de l' allemand par Tissot. 8 vol 8. 1835.

богатство отрицаній, какую можетъ принесть пользу? Подъ тѣмъ предлогомъ, что общаго понятія объ Исторіи Философіи якобы нечитаютъ, Риттеръ забавляетъ читателей неопредѣленнымъ и несвязнымъ изложеніемъ мысли руководствовавшей его въ сочиненіи и поставляя за честь единоборствовать въ отдѣльности съ каждымъ изъ усопшихъ Философовъ, слабо наблюдаетъ движеніе самаго любомудрія. Буле въ первомъ томѣ Исторіи Философіи излагаетъ Философію древнюю, во второмъ и третьемъ исторію схоластики и первыхъ вѣковъ нынѣшней Европы, въ остальныхъ пяти, исторію новой Философіи отъ Декарта до Фихте, не ограничиваясь единственно Философіею, но включая и прочія науки, болѣе или менѣе относящіяся къ Философіи, какъ то права, политическую экономію и тому подобное. Желая обнять многое, Буле не могъ соблюсть Философской связи. Говоря о Локкѣ, онъ извлекаетъ пространныя выписки изъ его сочиненій о воспитаніи о политикѣ, о Христіанствѣ, и непомышляя о Метафизикѣ, отъ Локка переходитъ къ писателямъ политическимъ, Сидпею, Гаррингтону и Пуффендорфу, останавливается на эстетикѣ Баумгартена, и перелѣтаетъ изъ Англіи въ Германію, оттуда опять возвращается въ Англійское болото Беркелея. Излагая теорію Шмида онъ забываетъ о его нравственности, теряетъ изъ виду Метафизику Дюгальдъ Стеварта и совсѣмъ теряется въ матеріализмѣ Пристлея. Въ семъ твореніи не болѣе 10 страницъ занимаетъ Беконъ и 200 страницъ Бруно,

Кардапъ, Ванини, Кампанелла; приведены мнѣнія Бекка, Саломона Маймонида, и другихъ, и совсѣмъ забыты Бардилли, Буттервекъ и Шеллингъ. Можно ли послѣ сего удивляться, что Фукидидъ исторію 22 лѣтъ раздѣлилъ по временамъ лѣтнимъ и зимнимъ? Гегель переродивъ въ себѣ Пантеизмъ, обратилъ въ Пантеизмъ всю Исторію Философіи, на смертномъ ложѣ утѣшался мыслію, что лучше всѣхъ его систему понялъ Геннингъ и заключилъ жизнь словами: нѣтъ, никто меня не понялъ! —

Но что бы на основаніи свидѣтельствъ сознанія человѣческаго съ точностію слѣдовать за постепеннымъ раскрытіемъ идей, не довольно не быть односторонимъ: должно еще принимать живое участіе въ драмѣ, представляющейся въ продолженіи шести тысящъ лѣтъ на сценѣ міра. Кромѣ желанія узнать, о чемъ человѣкъ размышлялъ постепенно, такъ сказать, съ своего появленія на свѣтъ, должно еще любить этихъ людей, коихъ постепенное возвышеніе чрезъ столько столѣтій предпринимаемъ изобразить, дабы съ точностію распредѣлить истины и заблужденія, коими человѣческій умъ ознаменовалъ свой путь на земли. Не довольно показать, что человѣкъ могъ дѣлать, говорить или думать на земли, надобно еще изслѣдовать, съ какимъ намѣреніемъ все это онъ дѣлалъ.

III. *Сенсуализмъ, идеализмъ, скептицизмъ и мистицизмъ произтекаютъ изъ односторонняго рас-*

крытія способностей души въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и взятые порознь не составляютъ полной философской системы.

Историкъ при разематриваніи сочиненій разныхъ Философовъ, въ коихъ неполно представляется человѣкъ, не будетъ оскорбляться заблужденіями ихъ; будетъ безпрестанно слѣдить за постепеннымъ раскрытіемъ Философіи. Если онъ держится спиритуализма; то онъ не будетъ вступать въ споръ съ придерживающимися строго сенсуализма, и вооружась противъ направленія ихъ къ матеріализму, не будетъ грубо усвоять системѣ ихъ тѣхъ погрѣшностей, кои проистекаютъ отъ недостатка метода. Если онъ жаркій сенсуалистъ, то не будетъ каждую систему подводить подъ свои понятія, и отвергать все то, что превышаетъ его понятія, и что выходитъ за тѣ границы ума человѣческаго, кои поставили для него Локкъ и Кондильякъ. Если онъ встрѣтитъ на этомъ пути такихъ людей, кои, не умѣя согласить между собою противорѣчій и споровъ въ области Философіи, смѣются надовсемъ, сомнѣваются о всемъ и все отвергаютъ, то этотъ скептицизмъ его нимало не удивитъ. Скептицизмъ бывъ слѣдствіемъ любви духа человѣческаго къ независимости, останавливаетъ чрезмѣрные успѣхи сенсуализма и идеализма, заставляетъ Философа приниматься за другія орудія, нежели какими онъ владѣетъ, и при совершенномъ своемъ безсиліи служитъ предтечею

новыхъ успѣховъ въ области идей. Занимающійся исторіею философіи, наконецъ встрѣтитъ такихъ людей, кои смотря съ прискорбіемъ на безсиліе разума человѣческаго, только въ нѣдрахъ вѣры надѣются найти оружіе противъ безвѣрія. Сочиненія этихъ людей суть ни что иное какъ протестъ на недостаточность системъ философскихъ, свидѣтельство о томъ, что для разума человѣческаго гораздо лучше подчиняться слѣпой вѣрѣ тогда, какъ все для него закрыто тьмою. Итакъ приверженцы сенсуализма, идеализма, скептицизма и мистицизма найдутъ въ историкѣ судью справедливаго, который будетъ смотрѣть безпристрастно на всѣ системы, упоминать о всѣхъ недостаткахъ, и о всѣхъ системахъ философскихъ будетъ судить по тѣмъ законамъ, кои ему извѣстны изъ сознанія.

IV. *Опытъ и умозрѣніе неотдѣльно, но въ совокупности руководятъ къ истинѣ.*

Къ этому придетъ историкъ философіи чрезъ соединеніе двухъ методовъ, употребляемыхъ донынѣ во всѣхъ подобныхъ изысканіяхъ: чрезъ соединеніе умозрѣнія и опыта, анализиса и синтезиса. Каждый изъ нихъ употребляемый порознь, ведетъ только къ заблужденіямъ.

Опытъ имѣющій цѣлію собрать произшествія разъединенныя, и доказать ихъ подлинность, доставляетъ свѣдѣніе только о томъ, что случилось, не открывая ни причинъ производящихъ, ни отношеній, ни законовъ

произшествій; это многочисленное собраніе, въ которомъ поставлены одна подлѣ другой безчисленныя идеи, вращающіяся съ давнихъ временъ въ мірѣ Философскомъ, столько же не будетъ походить на исторію Философіи, сколько не походитъ собраніе указовъ на духъ законовъ. Съ другой стороны руководствоваться исключительно умозрѣніемъ, которое судитъ о произшествіяхъ по понятіямъ, прежде утвержденнымъ, или въ намѣреніи утвердить оныя, какъ не преложную систему, значитъ рѣшиться строить зданіе на непрочномъ основаніи, значитъ судить о Философіи точно такъ, какъ Боссюетъ судилъ объ исторіи съ Каѳедры Епископской, поддерживаемой тономъ Людовика XIV. Истиною будетъ обладать тотъ безъ сомнѣнія, кто нашедъ въ сознаніи человѣческомъ основаніе для изъясненія произшествій историческихъ, будетъ находить на каждомъ шагу въ исторіи подтвержденіе умственныхъ законовъ, о коихъ свидѣтельствуетъ сознаніе человѣка.

V. *Въ изложеніи системъ должно слѣдовать тому порядку, въ какомъ онѣ обнаруживались; этотъ порядокъ, есть порядокъ раскрытія нашихъ способностей. На томъ основаніи, что чувственность, предшествуетъ разуму, сенсуализмъ предшествуетъ идеализму и т. д.*

Удостовѣрясь въ томъ, что отъ свойства способностей, въ бытіи коихъ увѣряетъ насъ самосознаніе происходитъ идеализмъ, сенсуализмъ, скептицизмъ и

мистицизмъ, мы должны слѣдовать за порядкомъ раскрытія въ умѣ разныхъ понятій, служащихъ имъ основаніемъ. Ежели въ человѣкѣ чувственныя понятія предшествуютъ понятіямъ разума; ежели человѣкъ прежде, нежели примется за изслѣдованіе собственной своей природы, занимается изслѣдованіемъ отношеній своихъ къ внѣшнему міру, то безъ сомнѣнія въ исторіи системы сенсуализма должны предшествовать системамъ идеализма, и если разумъ начинаетъ дѣйствовать не размышленіемъ и сомнѣніемъ, но вѣрою въ дѣйствительность явленій; то очевидно, что скептицизмъ и мистицизмъ должны явиться на сценѣ философской уже послѣ споровъ между системами идеалистовъ и матеріалистовъ. Опытъ и разумъ согласно доказываютъ истину сего несомнѣннаго положенія. У Грековъ школа Іонійская предшествовала Элейской, въ новѣйшія времена Бакопъ и Локкъ предшествовали Лейбницу и Канту. Сомнительныя положенія Секста Эмпирика явились въ слѣдствіе недовѣрія, заслуженнаго системами предшественниковъ; и если въ нынѣшнее время остроумный Шульцъ возобновилъ скептитическія идеи Энезидема, то къ сему принудило его желаніе предохранить соотечественниковъ отъ злоупотребленія умственнаго догматизма, въ которомъ онъ видѣлъ случай болѣе къ заблужденію, нежели къ образованію.

VI. *При перечисленіи различныхъ школъ философіи недостаточно строго держаться послѣдова-*

тельнаго порядка; нужно показать еще ихъ связь, зависимость и взаимное вліяніе.

Порядокъ, котораго должно держаться въ изложеніи различныхъ системъ, долженъ быть хронологическій; всякой другой порядокъ будетъ произволенъ и невѣренъ; но руководствуясь хронологіею, должно преимущественно смотрѣть на порядокъ послѣдованія, т. е. на связь и постепенное раскрытіе идей. Именно должно показать, какимъ образомъ какая идея, истинная или ложная, получивъ мѣсто въ области Философіи, разкрылась какъ изъ какой нибудь метафизической системы вытекаетъ извѣстное начало ученія; какой имѣетъ Философія характеръ подъ вліяніемъ религіозныхъ чувствъ; какое, такой или другой догматъ Философскій имѣетъ вліяніе на образованіе общества. Не довольно на прим. знать, что Сократъ предшествовалъ Платону; должно еще показать, какъ поэтическій духъ Платона подчинился владычеству Генія, говорившаго устами Сократа; знаніе фактовъ только въ соединеніи съ знаніемъ ихъ отношеній приноситъ плоды, составляющіе цѣль историка.

VII. *Основательное изложеніе философіи и ея достовѣрная исторія начинается въ Греціи.*

До появленія Философіи много протекло времени; потому что умъ человѣческій не тотчасъ начинаетъ размышлять. Промышленность уже процвѣтала; Богослужебные обряды приведены были въ порядокъ, об-

щества были образованы, изящныя искуства славились образцовыми произведеніями; а разумъ человѣческій еще не касался философіи, — этаго важнѣйшаго своего предмета. Говорить о понятіяхъ рода человѣческаго, въ началѣ его бытія, не значитъ еще составлять исторію философіи; потому что въ младенчествѣ рода человѣческаго нѣтъ ничего философскаго, подобно какъ каждый человѣкъ въ младенчествѣ не способенъ къ философствованію. Пишущій исторію человѣческаго образованія, или исторію Религіи, долженъ обращать вниманіе на времена предшествовавшія появленію философіи; но философію должно искать только тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится, и должно начинать съ того времени, въ которое она появилась на свѣтъ. Извѣстно, что прежде государствъ Греческаго и Римскаго, съ давнихъ временъ уже существовали государства. Богослуженіе, языки, изящныя искуства, законоположеніе получили начало на востокѣ, — этой древней колыбели рода человѣческаго. Индія, Эѳіопія, Персія Египетъ уже были образованы по гражданской части; а поколѣнія Пелазговъ еще безъ образованія блуждали въ Епирѣ, Ѳракіи и Ѳессаліи. Но на востокѣ не было философіи въ ея систематическомъ видѣ. Востокъ съ своими религіями, своею таинственностію, съ своими странными обрядами составляетъ предметъ болѣе миѳолога, нежели философа. Истинное начало исторіи философіи находится у Грековъ, и собственно во времена Ѳалеса; потому что въ это время Греки, въ слѣдствіе отличныхъ успѣ-

ховъ воображенія и разума, независимо отъ вліянія религіи, поэзіи и политики, занялись изслѣдованіемъ истины, притомъ въ порядкѣ истиннаго мышленія. Различныя направленія и виды, въ коихъ являлось въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ это философское любовѣденіе, многообразное вліяніе Грековъ на новѣйшіе народы составляютъ предметъ Исторіи философіи. Впрочемъ исключая изъ философской исторіи вышепоказанную эпоху восточную, и не занимаясь изслѣдованіемъ страны, важной по многимъ отношеніямъ, на которую Европа нынѣ обратила строгое вниманіе, мы не говоримъ, что бы не было совсѣмъ философіи у народовъ, жившихъ въ этой плодородной странѣ. Безъ сомнѣнія, подъ древними Гіероглифами, до сихъ поръ противящимися времени, и всѣмъ усиліямъ учености, подъ таинственными символами, которыми покрыта внутренность храмовъ Египетскихъ, сокрыта была мысль великая и глубокая; безъсомнѣнія Зендавеста, священная книга Персовъ, наполнена важнѣйшими истинами; но въ нихъ мы не найдемъ философіи въ ея собственномъ видѣ. Что касается до Китайцевъ, которые, кромѣ Конфуція и послѣдователей его школы, имѣютъ много философскихъ системъ; то ихъ ученія заключаются въ рукописяхъ, кои еще мало доступны непосвященнымъ въ ихъ таинства. Въ Индіи, какъ видно изъ записокъ Азіатскаго Лондонскаго общества, есть философія, независимая ни отъ какой другой философіи. Въ философскихъ школахъ Индійскихъ можно видѣть сенсуализмъ, со всѣми его пос-

лѣдствіями, идеализмъ, со всѣми его несбытностями, скептицизмъ, приведенный въ порядокъ, и самый изступленный мистицизмъ. Но благоразуміе возбраняетъ историку, доколѣ онъ небудетъ владѣть фактами достовѣрнѣйшими, всякое произвольное предположеніе, всякое гаданіе за недостаткомъ доводовъ, основываемое на слабомъ началѣ.

VIII. *Наконецъ историкъ философіи долженъ быть не токмо отличнѣйшимъ изъ философовъ, но почти всемогущъ и всевѣдущъ.*

По его манію, воскресаютъ изъ гробовъ древніе Философы; по его велѣнію излагаютъ свои мысли Платонъ, Сократъ, Аристотель, Спиноза, Кантъ и всѣ прочіе любомудры по очереди, и наученные временемъ, а иногда образованные учеными Нѣмцами, многое скрываютъ, во многомъ кривлятъ душею, многое прибавляютъ, во многомъ смиренно лукавствуютъ. Проникнуть мгновенно глубину ихъ духа, заградить уста, неправду глаголющія, отдать справедливость истинѣ, осудить ложъ, — есть дѣло легкое для существа Безконечнаго, и при Его токмо пособіи возможное для Духовъ сотворенныхъ.

Достоинство исторіи философіи.

§ 7. Если Философія, по ея возвышенности надъ всѣми человѣческими науками, имѣетъ величайшее достоинство: то и ея Исторія по тойже самой причинѣ

имѣетъ великую важность. Кто занимается философіею, тотъ не долженъ быть чуждъ ея исторіи; она располагаетъ нашу мысль къ свободной дѣятельности; она представляетъ намъ полезныя слѣдствія ученаго изложенія умозрѣній; она являетъ намъ ощутительными собственныя и чуждыя заблужденія съ ихъ причинами и послѣдствіями; представляя правила и образцы, коими умъ долженъ руководствоваться въ своихъ полетахъ, она открываетъ намъ надежный путь къ новымъ открытіямъ въ области истины. Прикасаясь къ различнымъ наукамъ и ихъ исторіямъ, она разливаетъ на нихъ новый свѣтъ и новую ясность; излагая твердыя, слабыя и высокопарныя системы, она приводитъ въ игру всѣ наши способности, совершенствуетъ всѣ наши душевныя силы; она могущественно образуетъ человѣческій умъ, научая насъ отрѣшаться отъ заблужденій, быть скромными въ сужденіяхъ, терпѣть человѣческія слабости и погрѣшности въ сужденіяхъ, воздѣрживаться отъ рабской и нещастной подражательности нѣкоторымъ особеннымъ мыслителямъ, искоренять предразсудки, основанные на дѣтскомъ уваженіи къ мнимому или частію истинному достоинству кого либо изъ Философовъ. Пріятна и полезна для всѣхъ, а особенно для юныхъ живописцевъ прогулка по отличной картинной галлереѣ; несравненно пріятнѣе, несравненно полезнѣе для всѣхъ, а особенно для юныхъ Философовъ прогулка по системамъ различныхъ Философовъ. Вожделенна бесѣда съ лучшими и мудрыми друзьями: несрав-

пенно вожделенѣе бесѣда съ учителями всѣхъ вѣковъ — всего человѣчества.

Раздѣленіе науки.

§ 8. Основаніемъ раздѣленій хронологическихъ обыкновенно служитъ древность, средніе вѣки и новая исторія; возмемъ и мы ихъ въ основаніе раздѣленія Исторіи Философіи, не столько по простотѣ и удобности ихъ, сколько по тому, что при постепенномъ раскрытіи философскаго ума онѣ составляютъ три отдѣльные періода, которые явственно всякій наблюдатель можетъ видѣть.

Въ первомъ періодѣ умъ человѣческій повинуется одному любовѣденію, которое желаетъ всему изучиться, и все узнать, Онъ со всею силою стремится въ область науки, не имѣя метода. Отъ сильнаго желанія достигнуть цѣли, онъ не имѣетъ времени увѣриться въ правильности своихъ изслѣдованій, не обращаетъ вниманія на самый путь, по которому ему должно идти, отваживается на все, ошибается, изнемогаетъ. Это его направленіе прекратилось только чрезъ 12 вѣковъ.

Средніе вѣки отличаются другимъ свойствомъ. Могущественная и упорядоченная Іерархія начертала для ума тѣсный кругъ, въ которомъ онъ долженъ былъ вращаться, довольствуясь прежними рѣшеніями вопросовъ философскихъ; посему Философія, подчиненная Богословію, должна была заниматься только безполезными и маловажными опредѣленіями словъ; впрочемъ,

къ удивленію, эта эпоха, въ которой умъ человѣческій владѣлъ одною только діалектикою, содѣйствовала ему къ достиженію высшей степени раскрытія, когда онъ послѣ слѣпаго рабства возобладалъ высочайшею свободою.

По окончаніи схоластики, начинается новая Философія, не потому, что Форма весьма долго составляла источникъ идей; но по тому, что весьма долгое время разумъ былъ почитаемъ за безпокойнаго невольника: два вѣка (15 и 16) едва достаточны были къ тому, что бы ему освободиться отъ своихъ оковъ, и получить собственную власть. Беконъ и Декартъ почти въ одно время провозглашаютъ эту свободу разума, твердою и смѣлою рукою начертываютъ путъ, по коему ему слѣдовало идти. Это направленіе, сообщенное разуму человѣческому сими двумя великими мужами, зависитъ въ особенности отъ ихъ метода, который усиливаетъ естественныя науки, и придерживаясь психологическаго наблюденія въ самосознаніи, открываетъ цѣлый новый міръ. Такой методъ составляетъ отличительное свойство новѣйшей Философіи.

Въ слѣдующей таблицѣ представляются различныя измѣненія, которымъ подвергался каждый изъ трехъ періодовъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ДРЕВНЯЯ ФИЛОСОФІЯ ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ.

§ 9. *Свободное и независимое стремленіе къ*

изслѣдованію истины, но безъ надлежащаго метода.

Первая Эпоха отъ Θалеса (600 до Р. Х.) до Сократа (471 до Р. Х.)

Частное и несистематическое умозрѣніе.

Школа Іонійская. Еще не раскрытый сенсуализмъ Іонійскихъ философовъ, Θалеса, Анаксимандра, Анаксимена.

Школа Атомистическая Левциппова. Демокритъ усиливаетъ эту систему и доводитъ до матеріализма.

Идеализмъ Италійской Школы, основанной Пиѳагоромъ, болѣе и болѣе раскрывается и усиливается у Элеатическихъ философовъ Ксенофана, Парменида, Зенона. Споръ между двумя системами. Анаксагоръ и Эмпедоклъ тщетно покушались согласить ихъ; съ появленіемъ софистовъ, Протагора, Горгія, Продика, появляется скептицизмъ. Преобразованіе Греческой Философіи дѣлается необходимымъ. Явленіе Сократа.

Вторая Эпоха — отъ Сократа (470 г. до Р. Х.) до окончанія спора между Академіею и Портикомъ. (60 г. до Р. Х.)

Направленіе философіи къ познанію способностей человѣческихъ.

Сократъ обращаетъ вниманіе философовъ на при-

роду человѣческую. Опытъ нравственной философіи; — Сократова Иронія, Діалектика. Ксенофанъ, Критонъ, Цебей не отступно держатся ученія Сократова. Неполныя системы: Антисоенова Циническая, Аристиппова Киренайская. Эристическая, основанная Евклидомъ въ Мегарѣ, во зло употребляетъ діалектику и доходитъ до скептицизма у Пиррона. Полныя системы: Философія Академическая — Платона; Философія Перипатетиковъ — Аристотеля. — Греческая Философія подчиняется двумъ направленіямъ, идеализму Платона, и сенсуализму Аристотеля. Раздѣленіе и распространеніе Греческой Философіи. Нравоученіе Эпикурово, — Стоическое. — Зенонъ, Клеантъ, Хризиппъ. Споръ между Академіею и Портикомъ. Чувственный скептицизмъ Энезидема, скептицизмъ умственный Арцезилая и новой Академіи.

Третія Эпоха: отъ распространенія Греческой Философіи въ Римской Имперіи (80 г. до Р. Х.) до осмаго вѣка; (по Р. Х.)

Греческая философія чрезъ соприкосновеніе съ востокомъ облекается въ таинственность. Религіозное свойство философіи.

Цицеронъ знакомитъ Римъ съ Греческою Философіею. Ученіе Стоиковъ, Эпикура, Циниковъ, Платона и Перипатетиковъ у Римлянъ. Торжество Эпикуреизма, не смотря на сопротивленіе Сенеки, Маркъ — Аврелія, Эпиктета; безпорядочный Пиѳагореизмъ и мистицизмъ

Іудейскій: Кабалистика. Гностики. Неоплатонизмъ. Упорядоченный и систематическій мистицизмъ школы Александрійской, которая начинается эклектизмомъ, и оканчивается усиленнымъ энтузіазмомъ. Плотинъ, Порфирій, Ямвлихъ, Проклъ. Философія Отцовъ церкви. Боецій и Кассіодоръ. Послѣднее мерцаніе Греческой Философіи на востокѣ и западѣ.

ВТОРЫЙ ПЕРІОДЪ.

ФИЛОСОФІЯ СРЕДНЯГО ВѢКА ИЛИ СХОЛАСТИКА.

§ 10. *Философія служитъ вѣрѣ, подъ надзоромъ Церковной власти.*

Первая Эпоха: (отъ начала 9 вѣка по Р. Х. до 13.) Начало схоластической Философіи.

Карлъ В. усиливаетъ торжество Христіанства, власть Церковную, и созидаетъ школы, — начало схоластики. Источники ея суть: книги Бл. Августина и Логика Аристотелева. Успѣхи наукъ; Алкуинъ, Скотъ, Эригена, Ансельмъ, Абельяръ, Петръ — Ломбардъ. Начало борьбы между реализмомъ и номинализмомъ. Мистицизмъ Гуго-Виктора.

Вторая Эпоха (отъ 13 вѣка до 14.) Союзъ системы Церковной съ Философіею Аристотеля; торжество реализма.

Направленіе Философіи, сообщенное Арабами. Тво-

ревія Аристотеля дѣлаются извѣстными. Вліяніе Арабскихъ философовъ Алфарабія, Авиценны, Алгазеля, Аверроеса. Славные учители схоластическіе; Албертъ великій, Ѳома, Дунсъ — Скотъ. Борьба между учениками Ѳомы и Скота, Доминиканцами и Францисканцами, изъ коихъ послѣднихъ можно почесть сенсуалистами, а первыхъ идеалистами: опытъ философскаго преобразованія Рожеромъ Бекономъ. Мистицизмъ Бонавентуры и Раймондъ — Люллія.

Третія Эпоха: (отъ 14 вѣка до половины 15-го.)

Отдѣленіе Богословія отъ философіи.

Торжество Номиналистовъ. Возстаніе Оккама на схоластику. Противники Номинализма Генрих-Геѳалъ, Валтеръ Бурлейгъ. Номинализмъ торжествуетъ. Мистицизмъ Герсона. Созерцательная философія Петрарки. Окончаніе схоластики.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

НОВАЯ ФИЛОСОФІЯ.

§ 11. Часть первая. Философія пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ.

Возобновленіе древнихъ системъ; оригинальные опыты, но безъ ученаго метода.

Завоеваніе Константинополя сообщаетъ западу про-

изведенія древнихъ философовъ. Преобразованіе религіозное, политическое ученіе, философское. Раскрытіе философіи. 1. *Школа Платоническая*: Марсель Фисинъ, Пикъ Мирандольскій, Рамъ. 2. *Школа Сенсуалистическая, Перипатетическая*: Помпонатъ, Ванини, Кампанелла 3. *Скептицизмъ* Монтаня и Шаррона. 4. *Мистицизмъ* Парацельса, Вангельмонта и Бема.

Оригинальные опыты Телезія и Джіордано-Бруно предрѣкаютъ о Баконѣ и Декартѣ.

Часть вторая, собственно новая философія (отъ 17 вѣка до нашихъ временъ.)

Первая Эпоха отъ Декарта до Канта.

Совершенная независимость философіи. Ученый методъ.

Школа Сенсуалистовъ: Бекопъ, Гоббесъ, Гассенди, Локкъ.

Школа идеалистовъ: Декартъ, Спиноза, Малебраншъ. Споръ между этими двумя школами: Великій умъ Лейбница тщетно усиливается согласить ихъ. Скептицизмъ сенсуалистическій въ Англіи и Франціи. Бель, Юмъ, Гланвилль. Скептицизмъ идеалистическій Беркелея, Гуеція Наскаля. Сенсуализмъ, не смотря на усилія Ж. Ж. Руссо, торжествуетъ во Франціи, и своими успѣхами одолженъ аналитическому методу, введенному

Кондильякомъ, метафизикомъ этой системы; Гельвецій, Волтеръ, Дидротъ, Энциклопедисты.

Вторая Эпоха: отъ Канта до нашихъ временъ.

Всеобщее употребленіе метода, въ соединеніи съ высокимъ просвѣщеніемъ и критикой.

Въ Германіи критическій идеализмъ Канта. Теорія знанія Фихте. Натуральная философія, система безусловнаго тождества Шеллинга. Философія чувствованія Якобія. Скептицизмъ или противудогматизмъ Шульца.

Въ Англіи разборъ человѣческаго разума, въ Шотландской школѣ, основанной Рейдомъ. Ѳома-Бровнъ, Дюгальдъ Стевартъ. Сенсуализмъ Бентама.

Во Франціи послѣдователи Кондильяка: Кабани, Гаратъ, Волней. Теософія Сент-Мартена — Богословская школа: Гг. Местре, Бональдъ, Ботень, Меннесъ. Роіеръ Коллардъ обращаетъ вниманіе на занятія Шотландской школы, а Г. Кузень, на системы Нѣмецкихъ школъ. Итотъ и другой сообщаютъ новое направленіе философіи, главнымъ свойствомъ которой есть эклектизмъ въ обширномъ смыслѣ.

Прибав. Философія Восточная, Россійская и пр.

Судьба исторіи философіи.

§ 12. Древніе философы не имѣли понятія объ

исторія философіи, какъ наукѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ приводили мнѣнія предшественниковъ единственно для того, чтобы или опровергать ихъ, или для того, чтобы пояснять ими собственныя положенія. Діогенъ Лаерцій въ жизнеописаніяхъ философовъ, первый собралъ нѣкоторыя мнѣнія предшествовавшихъ философовъ, и симъ положилъ первое основаніе къ исторіи философіи, какъ наукѣ. Ему послѣдовали Аѳеней, Стобей, Плутархъ и мнимый Оригенъ. Но всѣ сіи писатели излагали мнѣнія философовъ собирательнымъ, иногда этнографическимъ, не систематическимъ, а хронологическимъ порядкомъ. Это первый періодъ исторіи философіи.

Бель пробудилъ критическій духъ въ семъ родѣ трудовъ, Томазій разширилъ кругъ занятій, ими требуемый, Лейбницъ начерталъ идеалъ, по которому должна быть образована Исторія философіи: Это второй періодъ Исторіи философіи, замѣчательный преимущественно по даннымъ правиламъ, коими должно руководствоваться при составленіи Исторіи философіи.

Воспитанникъ 17-го вѣка, процвѣтавшій въ началѣ и срединѣ 18 столѣтія, Бруккеръ есть отецъ Исторіи философіи, по обширнымъ свѣдѣніямъ, рѣдкому безпристрастію, основательнымъ сужденіямъ, подробности жизнеописаній философовъ, вѣрности въ ссылкахъ на различныхъ писателей, неутомимости въ изысканіяхъ. Бруккеръ воздвигнувшій первый колоссальный памятникъ Исторіи философіи, по справедливости достоинъ

уваженія всѣхъ друзей Философіи. Достоинство его критической Исторіи Философіи состоитъ въ томъ, что она начинается началомъ міра, и оканчивается временемъ историка. У него изложена Философія до потопа, и послѣ потопа. Юная Америка не ускользнула отъ внимательнаго взора наблюдателя, и въ невѣжественныхъ пареніяхъ ума новооткрытой области, онъ ищетъ слѣдовъ Философскихъ. Бруккеръ -вездѣ уважающій человѣческій умъ во всѣхъ его развитіяхъ, истинный служитель Философіи, благоговѣющій самъ къ человѣчеству, достоинъ почтенія всѣхъ вѣковъ, благодарности отъ Философовъ, уваженія отъ человѣчества. Онъ проходитъ системы всѣхъ вѣковъ и вездѣ съ глубокимъ просвѣщеніемъ. Онъ внимательно перечитываетъ всѣ Философскія сочиненія, которыя могъ достать, и основывается на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ тамъ, гдѣ не возможно было писателю отыскать подлинныя системы Философовъ, показывая со тщаніемъ, откуда заняты имъ самыя свидѣтельства, чтобъ избѣгнуть всякой погрѣшности. Бруккеръ есть просвѣщеннѣйшій изъ сочинителей своего времени, основавшій свое твореніе на трудахъ всѣхъ современныхъ писателей исторіи Философіи. Его независимость отъ Философскихъ школъ равняется его просвѣщенію. Посмотрите на тѣ выписки, коими онъ доказываетъ свои положенія, на тѣ основательныя раздѣленія и подраздѣленія, на которыя онъ разрѣшаетъ свои предметы, и вы подивитесь совершенству его Логики. Порядокъ изложенія есть важнѣйшая изъ заслугъ

Бруккера. Онъ слѣдуетъ хронологическому методу, въ которомъ раскрылось самое человѣчество и всякой другой порядокъ въ подобномъ сочиненіи есть нѣкоторый родъ философскаго нечестія, — обида человѣчеству. Бруккеръ съ мѣлочною подробностію представляетъ всѣ системы, въ постепенности ихъ развитія, съ ясными и точными раздѣленіями, коихъ видимая строгость напоминаетъ намъ о Вольфѣ и вмѣстѣ доказываетъ, что сей писатель есть представитель школы Геометровъ по методу, какъ онъ представитель школы Декарта по содержанію. Но если и въ солнцѣ находятся пятна: то и Бруккеръ имѣетъ свои недостатки. Признаемся откровенно, что во времена Бруккера въ этомъ родѣ не было подобнаго писателя. Но образованность послѣдующаго времени даетъ потомкамъ опытность судить Бруккера. Онъ восходитъ до потопа и теряется въ мелочныхъ изысканіяхъ, что такое есть философія варварская, допотопная, послѣпотопная. Иногда онъ отдѣляетъ Богословіе отъ философіи; но желаніе быть полнымъ часто принуждаетъ его забыть строгость этаго раздѣленія. Въ самомъ дѣлѣ если есть нѣсколько философіи въ раждающемся человѣчествѣ: то еще болѣе можно видѣть тамъ религіи и миѳологіи. И умный Бруккеръ, который во всемъ составѣ исторіи не смѣшиваетъ эти два рода вещей, сливаетъ ихъ въ самомъ началѣ. Онъ раскрываетъ басни Персіи, Халдеи и Сиріи и выдаетъ ихъ за системы философскія. Бруккеръ полонъ просвѣщенія; но ему недостаетъ философскаго критическаго духа. Основы-

вался на свидѣтельствахъ писателей, онъ не разбираетъ ихъ, и часто опирается столько на сочиненіяхъ неизвѣстныхъ, но даже и такихъ, коихъ подлинность весьма подозрительна. Самый порядокъ, царствующій въ его исторіи, имѣетъ болѣе видимую стройность, нежели существенную. Бруккеръ слѣдуетъ порядку хронологическому, но вещественно, не проникая во глубину его. Онъ не видитъ, что внѣшній порядокъ послѣдовательности времени заключаетъ истинный порядокъ рожденія и отношенія причинъ къ ихъ дѣйствіямъ: онъ не постигаетъ, что каждая система, и каждая Философская Эпоха есть причина послѣдующей системы и Эпохи такъ, что совокупность системъ есть ни что иное, какъ рядъ причинъ и дѣйствій, соединенныхъ необходимыми отношеніями, составляющими законы исторіи. Все сіе ускользнуло отъ Бруккера, который въ послѣдовательности системъ видитъ одно расположеніе случайное. Посему порядокъ Бруккера, есть истинное смѣшеніе, прикрытое Геометрическимъ нарядомъ Волфіанизма, строгими раздѣленіями и подраздѣленіями, имѣющими видъ точнаго плана, а въ самомъ существѣ незаключающими никакого плана. Бруккеръ представляетъ въ Исторіи Философіи первое преобразованіе, которое извлекла Философія изъ средняго возраста. Это преобразованіе, столь славное для человѣческаго ума, возродило вовую Философію, но окончательно ее не заключило. Такимъ образомъ критическая исторія Философіи Бруккера есть удивительный памятникъ для Философіи по его пространству, просвѣ-

щенію, и кажущейся ясности; но онъ не могъ быть послѣднимъ памятникомъ для Исторіи Философіи. Это третій періодъ Исторіи Философіи.

Теннеманъ, процвѣтавшій въ концѣ 18, и началѣ 19 столѣтій, есть достойный преемникъ Бруккера. Подобно Бруккеру онъ посвятилъ всю жизнь свою Исторіи Философіи, къ которой предварительно приготовился многими отдѣльными разсужденіями, свидѣтельствующими о образованіи его критическаго духа и о соединеніи въ его лицѣ познаній какъ Философскихъ, такъ и Филологическихъ. Какъ тотъ, такъ и другой не только написали полныя Исторіи Философіи до своихъ временъ, но и выдали въ пользу учащихся превосходныя изъ своихъ твореній сокращенія. Главное свойство Теннемана состоитъ въ томъ, чтобы представить Философію учителя своего Канта въ Исторіи Философіи. Философія Канта есть углубленная Философія Картезіанская. Она отдѣляетъ Философію отъ Онтологіи и Богословія, и не допускаетъ другаго метода кромѣ Психологіи, поставляя основаніемъ всякаго умозрѣнія предварительное изученіе познавательныхъ способностей и ихъ законовъ. Вотъ исходный пунктъ Философіи Кантовой; но исходный пунктъ Философіи, не есть еще конецъ ея. Отъ исходнаго пункта слѣдовало бы Канту шествовать къ концу Философіи, отъ критики чистаго ума къ его предметамъ — существамъ. Но Кантъ остановился на Психологіи, и отселѣ путемъ незаконнымъ

доходитъ до Онтологіи сомнительной. Противусенсуалистъ въ психологіи онъ есть совершенный скептикъ въ Онтологіи и Теодицеѣ, и такъ не справедливъ въ отношеніи къ мистицизму, что почти совсемъ его не понимаетъ. Таковъ Теннеманъ, ученикъ Канта, болѣе отдѣлившій Психологію отъ Онтологіи и Теодицеи, нежели Тидеманъ его предшественникъ. Идеализмъ несравненно обильнѣе эмпиризма. Теннеманъ, привнося идеализмъ въ составъ великихъ памятниковъ Философіи, болѣе обнимаетъ предметовъ, лучше понимаетъ, справедливѣе оцѣниваетъ ихъ, нежели эмпиристъ Тидеманъ. Историческая точка воззрѣнія Теннемана несравненно возвышеннѣе, несравненно обширнѣе, нежели точка Тидемана, и отъ того Теннеманъ менѣе имѣетъ недостатковъ. Теннеманъ столько же просвѣщенъ, и столько же разборчивъ сколько Тидеманъ: Но первый менѣе имѣетъ скептицизма. Теннеманъ основательно доказалъ подлинность нѣкоторыхъ сочиненій, отвергнутую Тидеманомъ. Изложеніе системъ у Теннемана обширнѣе и правильнѣе, нежели у Тидемана. Съ большею прозорливостію Теннеманъ излагаетъ духъ каждой системы, и общій обзоръ раскрываетъ и доказываетъ частными положеніями. Теннеманъ совершеннѣе Тидемана; каждую Эпоху исторіи Философіи онъ весьма точно относитъ къ той же Эпохѣ всеобщей исторіи и притомъ съ большею ясностію и опредѣленностію, нежели Тидеманъ. — Порядокъ болѣе внутренній, и менѣе произвольный цѣлому творенію Теннемана сообщаетъ болѣе философскій характеръ, нежели

какой примѣтенъ въ Тидеманѣ. Представляя общія идеи, которыя господствовали въ различныхъ Эпохахъ, изображая сіи идеи подъ формами свойственными метафизикѣ, Теннеманъ поставилъ свое твореніе на ту высокую точку зрѣнія, съ которой ничего не видно въ исторіи, кромѣ идей, ихъ преемства, борьбы, правильнаго раскрытія, не смотря на видимый безпорядокъ, и слѣдовательно системы истинной всецѣлой Философіи. Безъ сомненія, Теннеманъ неопредѣленно видѣлъ, и слабо изобразилъ движеніе Исторіи Философіи; но онъ изобразилъ движеніе сей науки, и это есть главнѣйшая его заслуга. Его вина состоитъ въ томъ, что онъ стѣснилъ свою раму исторіи, и свою точку зрѣнія по системѣ, слишкомъ тѣсной для того, чтобы обнять всѣ системы, и дать въ томъ отчетъ, не исказивъ ихъ. Философія Канта обширна въ сравненіи съ Философіею Кондильяка. Но человѣческій умъ еще обширнѣе, и безчисленныя системы, которыя онъ разсѣялъ по всѣмъ мѣстамъ и народамъ, имѣютъ тѣсное и худое помѣщеніе въ сомкнутомъ кругѣ Философіи Кантіанской. Теннеманъ, смотря въ очки Канта, своими глазами совсемъ не видитъ. Онъ односторонненъ въ смыслѣ противоположномъ Тидеману, и слѣдовательно несправедливъ. Сверхъ того Теннеманъ есть Педантъ совершенный. Надобно припомнить, что Кантъ, подобно Вольфу, былъ Профессоромъ. Въ юности своей онъ образовался въ школѣ Вольфа, откуда со вкусомъ къ Геометріи и точнымъ наукамъ заимствовалъ вкусъ желѣзнаго формализма, отвращеніе къ мистикѣ,

опредѣленность, доведенную до сухости, навыкъ къ учительскому порядку, языкъ точный, и глубоко опредѣленный, коего злоупотребленіе часто приводитъ его къ словосочетанію болѣе сухому, нежели изящному, болѣе способному къ наученію но лишенному всякой красоты, болѣе сотворенному для школы, нежели для общества. Мысли Канта имѣютъ высшую опредѣленность: но надписи, которыми этотъ Нѣмецкій Грекоримлянинъ клеймитъ ихъ, формы, подъ которыми онъ ихъ представляетъ, не только ужасны для необучавшихся Философіи, но странны и для самыхъ Философовъ. Все это можно допустить въ Теоріи свойственной Канту. Но вообразите, что еще болѣе странными формулами заклеймена исторія цѣлой философіи, грубо и безъ вкуса, какъ обыкновенно ученики клеймятъ ученіе своихъ учителей! Философія Канта у Теннемана есть кровать Прокуста для всѣхъ Философовъ. По ней онъ размѣряетъ всѣ системы, и если которая простирается далѣе сей мѣры, или не всю ея мѣру занимаетъ: то воспитанникъ Кантовъ изливается въ смѣшныхъ и ребяческихъ вопляхъ, а особенно когда дѣло идетъ о системахъ гораздо высшихъ, нежели какова мѣра, къ которой ихъ приноровляетъ. Такимъ образомъ мастерскою рукою оборваны Стоики, Платонъ и Неоплатоники. Теннеманъ помѣшанъ на критицизмѣ и психологіи. Онъ роется въ вѣкахъ, стараясь вездѣ отыскать ихъ. Одна тѣнь мистицизма его устрашаетъ, и какъ скоро онъ замѣчаетъ его въ системѣ, тотчасъ подымается градъ Кантіанскихъ доказательствъ и формулъ

противъ этой бѣдной системы. Такое пристрастіе весьма портитъ великое и почтенное твореніе Теннемана, и для чтенія дѣлаетъ его болѣе скучнымъ, нежели сочиненіе Тидемана, которое впрочемъ съ другой стороны гораздо ниже произведенія Теннемана. Новая противоположность двухъ историковъ, напоминаетъ о противоположности ихъ учителей, изъ которыхъ одинъ безконечно опредѣленнѣе другаго, но и непонятенъ для простаго народа. Во многомъ Теннеманъ основательнѣе Тидемана, Тидеманъ Бруккера, во всемъ Бруккеръ искреннее, благонамѣреннѣе, нравственнѣе Теннемана и Тидемана.

Философія вторично совершаетъ круговоротъ свой. Ея младенческій возрастъ до Θалеса, юношескій до Сократа, мужескій при Платонѣ и Аристотелѣ, старческій у Александрійцевъ и Римлянъ не ознаменованы отличными историками. Возраждающаяся философія при Декартѣ въ младенческомъ возрастѣ произвела Бруккера, достигнувъ юношескаго возраста при Кантѣ, родила Теннемана и болѣе съ рѣзскою живостію, нежели сколько съ основательностію разскрылась въ Фихте, Шеллингѣ, Якоби, Буттервекѣ и прочихъ любомудрахъ. Насталъ мужескій возрастъ философіи: ожидаемъ новыхъ системъ философіи и новыхъ историковъ сей науки. Вотъ четвертый періодъ Исторіи философіи.

Библіографія исторіи философіи.

§ 13. Дабы не опустить нѣкоторыхъ почтенныхъ

историковъ философіи мы предлагаемъ Библіографію сей науки, раздѣляя ее, по отношенію къ писателямъ всей исторіи, на пять классовъ. Къ первому относятся библіографическіе трактаты: каковъ напримѣръ *J. Jonsius* de scriptoribus historiae philosophiae libri. IV Francof. 1659. in. 8. и сочиненіе Ортлова. *Ко второму* принадлежатъ сборники: таково сочиненіе *S. Fran* Buddei Analecta historiae philosophiae Hal. 1706 in. 8. и также Томазій, Гиссманъ, Виндгеймъ, Фюллеборнъ, Кругъ и Фризъ. — *Третій* составляютъ различныя изысканія и замѣчанія объ исторіи философіи, какъ напр: *Gudvorthi* systema intellectuale hujus universi, sev de veris naturae rerum originibus commentarii, quibus omnis eorum philosophia, qui Deum esse negant, funditus evertitur. 2 edit. Leyd. 1773. 2 vol in 4. Сюда принадлежатъ Гуецій, Бель, Платнеръ. *Четвертаго* класса суть полныя систематическія исторіи философіи какъ то: *Degerando* histoire comparée des Systems de la philosophie 1804. 8. vol. in 8 Paris. а также Станлей, Десландъ, Бруккеръ, Бонафеде, Буле, Ернести, Карусъ. *Пятаго класса* суть, сокращенія исторіи философіи: напримѣръ: *Hornii* historia philosophiae Lugd. Bat. 1655 in 4. или *Reinhold* Handbuch der allgemeinen Gechichte der philosophie 3 th. Gotha in 8. 1828, и сверхъ того Реингардтъ, Геннекцій, Лодтманъ, Формей, Бюшингъ, Мейнерсъ, Гурлиттъ, Ебергардъ, Сохеръ, Астъ, Скаллеръ, Спелль, Вейллеръ, Гиллебрандъ, Давыдовъ, Галичъ, Гиппо, Салини и Скорбіакъ, Каннегисцеръ и Надежинъ.

Въ описаніи частныхъ Эпохъ философіи отличились: Кругъ, Мейнерсъ, Бонафеде, Буле, Канеслеръ, Бахманнъ. — О философіи древнихъ народовъ писали Цицеронъ, Плессингъ, Берхетти, Фенелонъ, Саххи, Гессъ, Блессингъ, Гавденцій. Исторію различныхъ методовъ, системъ, и школъ философскихъ изобразили: Воссій, Стейдлинъ, Зеендеръ; исторію частныхъ познаній философскихъ описывали: Терцій, Фабриціи, Вальхъ, Дарiесъ, Еберстейнъ, Бухнеръ, Вахлинъ, Тидеманъ въ книгѣ подъ заглавіемъ духъ умозрительной философіи 7 томовъ 8, 1781, до Беркелея; Свабедиссенъ, Швабъ, Рейнгольдъ, Абихтъ, Ансильіонъ, Буриньи, Билке, Лейстиковъ, Киппингъ, Польцъ, Рейнгардъ, Бергеръ, Евербенъ, Франкъ, Гудлингъ, Столле, Байберакъ, Енгландъ, Лудовикъ, Глафей, Шмальцъ, Гебауеръ, Генрихъ. Исторію идей, началъ и частныхъ ученій представили: Бардилли, Баттё, Зальцманъ, Крейцеръ, Реиманъ, Гроцій, Вердерманнъ, Пристлей, Опорини, Франценъ, Готта, Флугге, Виттенбахъ, Струве, Канцъ, Стеллинъ, Гарве, Древесъ, Шмидъ, Гуфландъ, Мейстеръ, Гиссманъ и проч.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ФИЛОСОФІЯ ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ.

Первая Эпоха. Отъ Ѳалеса (за 600 лѣтъ до Р. Х.) до Сократа. (470).

Умозрѣніе частное, и безъ направленія систематическаго.

§ 14. ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

ІОНІЙСКАЯ ШКОЛА.

(сенсуализмъ.)

Ѳалесъ Милетскій умер. за 500 лѣтъ до Р. Х.
Анаксимандръ, —
Ферекидъ Сиросскій ум. 543.
Анаксименъ ум. 500.
Гераклидъ Ефесскій извѣст. около 500.

ИТАЛІЙСКАЯ ШКОЛА.

(идеализмъ.)

Пиѳагоръ Самосскій ум. 504.
Аристей Кротонскій
Архитъ Тарентскій изв. 435.
Экфантъ Сиракузскій
Оцеллъ изъ Луканіи изв. 496.
Тимей Локрскій.
Филолай р. д. 500.

ШКОЛА АТОМИСТИКОВЪ.

(сенсуализмъ.)

Левципъ изв. около 500.
Демокритъ ум. 407.
Нессъ.
Метродоръ Хіосскій.

ЭЛЕАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

(идеализмъ.)

Ксенофанъ родил. въ 617.
Парменидъ Элійскій из. 460.
Зенонъ Элійскій из. 460.
Мелисъ Самосскій из. 444.

СМѢШАНЫЯ ШКОЛЫ.

Анаксагоръ Клазоменскій из. 440.
Архелай Милетскій из. 450.
Эмпедоклъ Агригентскій из. 442.
Діогенъ изъ Аполлоніи из. 472.

СОФИСТЫ.

(скептицизмъ.)

Горгій Леонтійскій из. 440.
Продикъ Косскій из. 442.
Діагоръ Мелосскій из. 415.
Гиппій Элійскій из. 440.
Полъ Аргигентскій.
Протагоръ Абдерскій из. 442.
Критій Аѳинскій.
Эвондемъ Хіосскій из. 441.
Тразимахъ Халкидонскій.
Калликлесъ Ашарнскій.

ІОНІЙСКАЯ ШКОЛА.

§ 15. Самостоятельная философія явилась не тотъ-часъ въ слѣдъ за умозрѣніями о происхожденіи міра, осно-

ванными на непосредственномъ наблюденіи надъ естественными явленіями, служившими основаніемъ народной религіи Грековъ. Болѣе шести сотъ лѣтъ протекло со времени учрежденія таинственныхъ обрядовъ, обыкновенно приписываемыхъ Орфею, какъ кажется, попытавшемуся освободиться отъ вліянія Религіи, до того времени, въ которое Іонійскіе физики предались изслѣдованіямъ. Это среднее время было эпохою вдохновенія, энтузіазма; въ продолженіи его стихотворцы сообщали въ гармонической поэзіи полезнѣйшія правила, — истины религіозныя и нравственныя. Изъ поэзіи Гомера, Музея и Гезіода заимствовали Греки эстетическое и умственное образованіе, приготовившее ихъ къ занятіямъ методическимъ. Этому способствовали сочиненія ихъ законодателей, лирическіе поэты и баснописцы. Мнѣнія семи мудрецовъ, (*) при всей своей краткости, возвышали ихъ умъ, очищали нравы и приготовляли къ Философіи. Іонійскіе Философы первые вступили въ этотъ путь.

Ѳалесу Милетскому предоставлена честь открыть это великолѣпное шествіе. Хотя ему приписываютъ извѣстное изрѣченіе: *γνωθι σεαυτόν*, познай самаго себя; впрочемъ предметомъ его размышленій не былъ человѣкъ, и его способности. Разумъ человѣческій въ первыхъ опытахъ своихъ дѣйствій долженъ былъ устремиться внѣ человѣка, прилѣпиться къ внѣшнему міру,

(*) Вотъ имена ихъ: Питтакъ, Солонъ, Клеобулъ, Періандръ, или по мнѣнію другихъ вмѣсто его Пизонъ, Хилонъ, Біасъ, и Фалесъ.

котораго ещё онъ не отличалъ съ надлежащею ясностію отъ человѣка.

Ѳалесъ и его послѣдователи прежде всего силились опредѣлить начало ἀρχη дѣйствительности явленій. — Этимъ началомъ, по мнѣнію Ѳалеса, была вода. Впрочемъ онъ не просто и безъ доказательствъ допустилъ сіе положеніе, напротивъ старался подтвердить его доказательствами. Доказательства почерпнулъ онъ изъ опыта именно, способъ питанія органическихъ тѣлъ послужилъ ему поводомъ, почему онъ всѣ естественныя явленія, раздѣленныя между собою, подчинилъ одному закону. Производя всѣ вещи отъ воды посредствомъ сгущенія и разжиженія, Ѳалесъ признавалъ бытіе первоначальнаго Движителя-ума, νοῦς. По его мнѣнію Богъ все наполняетъ. Трудно судить о его мнѣніи, касательно соединенія душъ, или Боговъ съ своимъ вещественнымъ началомъ. Споръ о его Богоученіи принадлежитъ еще древнимъ временамъ.

Анаксимандръ, изложившій свои мысли письмено, на основаніи положенія: *изъ ничего ничего не бываетъ* этой главной аксіомы, около которой, какъ около своей оси, долгое время обращалась Философія Греческихъ школъ, пришелъ къ такому заключенію, которое, ежели судить объ немъ по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ оно явилось, изумляетъ своимъ глубокомысліемъ: — именно онъ сказалъ, что безконечное есть начало всѣхъ вещей, и это безконечное неизмѣнно и

неизмѣримо. Въ самомъ дѣлѣ ему казалось невозможнымъ, чтобы ограниченное существо было источникомъ всеобщаго и безпрерывнаго рожденія существъ. Но Анаксимандръ не почитаетъ безконечнаго, на основаніи правильнаго отвлеченія, нераздѣльнымъ, и несложнымъ; по его мнѣнію, оно заключается въ числѣ дѣйствительныхъ существъ, и занимаетъ среднее мѣсто между воздухомъ и водою. Такимъ образомъ начавъ Метафизической теоріей, онъ опять впалъ въ матеріализмъ.

Ферекидъ Сиросскій держался ученія Анаксимандрова, съ небольшими отступленіями. Говорятъ, что онъ почиталъ душу человѣческую безсмертною. Анаксименъ, овеществилъ совершенно безконечное существо, которое Анаксимандръ, его учитель и другъ почиталъ началомъ вещей. Отыскивая въ пространствѣ мѣстопребываніе этаго существа, онъ почелъ имъ воздухъ, который посредствомъ сжатія и разрѣженія во всѣ виды бытія втекаетъ; каковымъ свойствомъ и должна въ самомъ дѣлѣ обладать общая стихія. Онъ приписалъ воздуху жизнь, движеніе и даже мысль.

Гераклитъ Ефесскій, послѣдній и славнѣйшій представитель этой школы предоставившій своему брату царскій престомъ, дабы свободнѣе заниматься Философіею, почиталъ огонь основною стихіей, и всеобщимъ дѣятелемъ природы. По его мнѣнію, міръ не есть твореніе Боговъ или людей; отъ огня, вѣчно живаго, одушевляются и разрушаются всѣ вещи; а отсюда произош-

ла теорія о всеобщемъ измѣненіи, перехожденіи и безпрерывномъ преображеніи существъ, и о томъ, что общее свойство всѣхъ явленій міра состоитъ въ безпрерывномъ противорѣчіи, борьбѣ, — но борьбѣ опредѣленной по тому, что разнообразіе и противорѣчіе суть законы какъ явленій, такъ и самаго міра, законы родовые и непремѣнные. Такимъ образомъ отъ Философскаго наблюденія, исключительно обращеннаго на явленія міра, произошло ученіе о судьбѣ и матеріализмѣ. Это ученіе полнѣе раскрыто въ Атомистической школѣ Левциппа и Демокрита. Гераклитъ извѣстенъ сочиненіемъ книги о природѣ и жалобами на развратъ общества.

Отечество Левциппа неизвѣстно, сомнительна и эпоха, въ которой онъ жилъ; напротивъ о Демокритѣ котораго называютъ насмѣшникомъ, въ противоположность плакавшему всегда современнику его Гераклиту, весьма много повѣтствуется въ Исторіи. Согласно общему мнѣнію, онъ родился въ Абдерѣ 469 года. Изъ любви къ наукамъ онъ путешествовалъ по Египту, Персіи, Ефіопіи, различнымъ Греческимъ городамъ и по возвращеніи въ свое отечество предался ученымъ занятіямъ со всею страстію. Онъ жилъ въ уединеніи, и занимался усовершенствованіемъ естественной исторіи, Анатоміи, Медицины, Физики, Геометріи и словесныхъ наукъ. О его необыкновенной дѣятельности можно судить по огромному реэстру его сочиненій, помѣщенному въ сочиненіи Діогена Лаерція.

По тогдашнему состоянію науки, Философы думали

изъяснить первоначальное состояніе вселенной, и разныя измѣненія всѣхъ тѣлъ природы посредствомъ атомовъ, ἄτομα, блуждающихъ въ пустотѣ, τὸ κενόν. Первое начало, долженствующее заключать въ себѣ все принадлежащее предметамъ, изъ него слагаемымъ, согласовалось съ опытомъ лучше, нежели начала, принимаемыя предшественниками Левциппа. Онъ атомы почиталъ простыми не въ совершенномъ смыслѣ, какъ обыкновенно думаютъ нынѣ; эта простота была доступна свидѣтельству чувствъ. — Атомы непремѣнны, недѣлимы, невидимы по причинѣ своей малости; они наполняютъ пространство, принимаютъ безконечно разнообразные виды, движеніе есть существенное свойство атомовъ круглыхъ. Всѣ качества, всѣ видоизмѣненія тѣлъ опредѣляются положеніемъ и порядкомъ θέσις καὶ τάξις соединеніемъ и раздѣленіемъ атомовъ. Душа составлена изъ круглыхъ атомовъ, и имѣетъ огненно свойство.

Демокритъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, изъ коихъ впрочемъ ни одно не дошло до насъ, раскрылъ эту систему, которая послѣ послужила основаніемъ Эпикуровой Метафизикѣ. Онъ почиталъ атомы вѣчными, по причинѣ невозможности опредѣлить начало времени, и простыми, потому что тѣла дѣлиться уже не могутъ тогда, какъ прекращается дѣйствіе чувствъ; иначе или останется пространство, или точка безъ пространства, или не останется ничего. Въ первомъ случаѣ пространство будетъ дѣлиться еще; второе предположеніе не воз-

можно потому, что неможетъ произойти тѣло, или нѣчто протяженное изъ точки, неимѣющей пространства; наконецъ ежели допустить третіе предположеніе; то весь вещественный міръ будетъ образованъ изъ ничего; а сего мнѣнія тогда еще не могли признать истиннымъ. И такъ стихіями природы необходимо должны быть простыя тѣла.

Демокритъ, на основаніи положенія: *только подобныя существа могутъ дѣйствовать взаимно другъ на друга*, полагалъ, что всякое вліяніе дѣятельное, или страдательное есть движеніе, произведенное чрезъ соприкосновеніе. Въ этомъ соприкосновеніи, отъ коего происходитъ движеніе кругообразное, онъ отличалъ первоначальное движеніе отъ производнаго. Сообразно этой системѣ онъ думалъ о познаніи человѣческомъ. Тѣла постоянно движутся; а отъ этаго безпрестанно отдѣляются отъ нихъ нѣкоторые атомы. Этѣ отдѣленія отъ тѣлъ суть ихъ образы εἰδωλα; (сіе слово послѣ играло важную роль въ Философскомъ словарѣ). Они касаясь органовъ, производятъ ощущенія, αἰσθήσις; а отъ ощущенія раждается мысль νόησις. Случай, произведшій изъ атомовъ существа одушевленныя и неодушевленныя, составилъ также и существа воздушныя, добрыя и злыя, соразмѣрнаго вида, предназначенныя къ уничтоженію, подобно всѣмъ существамъ, образованнымъ изъ атомовъ. Истина скрыта въ кладязѣ.

Можетъ ли существовать чистая нравственность при

ученіи, такъ явно безбожномъ и матеріальномъ? Она не можетъ имѣть другаго закона, кромѣ благоразумія и другой цѣли, кромѣ щастія, состоящаго въ равнодушіи ἐν ἕθθω ἐυθυμια. Такъ Іонійская школа, основываясь на одномъ сенсуализмѣ, допустила въ школѣ атомистической такія заключенія, къ коимъ необходимо должна была она со временемъ дойти.

ИТАЛІЙСКАЯ ШКОЛА.

Школа, основанная Пиѳагоромъ Самосскимъ въ Италіи въ Кротонѣ, почти во время Іонійской школы, держалась началъ, противоположныхъ началамъ Ѳалеса, не взирая на то, что и она также занималась естественными явленіями, кои обыкновенно составляли для Философіи, еще только укрѣплявшейся, главный предметъ размышленій. Іонійскіе Философы изслѣдовали самыя явленія, не занимаясь ихъ Математическими отношеніями, неподлежащими зрѣнію и осязанію, и столько, сколько этѣ явленія могли быть извѣстны по руководству чувствъ. Пиѳагоръ напротивъ, знакомый съ Геометріею, Ариѳметикою и Астрономіею, замѣтивъ порядокъ и гармонію во всѣхъ частяхъ вселенной, по расположенію къ отношеніямъ явленій, Математическія правила приноровилъ къ наукамъ, составляющимъ пищу его ума, просвѣщеннаго размышленіемъ и обогащеннаго познаніями въ многочисленныхъ путешествіяхъ. Онъ первый оставилъ титло мудреца и по скромности принялъ имя любомудра. Баснословныя преданія представляютъ Пиѳагора сы-

номъ Аполлона или Гермеса, сіявшимъ иногда Божественнымъ свѣтомъ, повелителемъ дикихъ звѣрей, истолкователемъ гармоніи сферъ небесныхъ. Порфирій и Ямвлихъ разсказываютъ, что будто бы философъ однажды предрекъ рыбакамъ, сколько они поймаютъ рыбы, и предсказаніе исполнилось; въ другой разъ пошепталъ что то на ухо волу и волъ въ послѣдствіи никогда не ѣлъ зеленыхъ бобовъ; иногда предсказывалъ землетрясенія, отвращалъ заразы, усмирялъ вѣтры, утишалъ на моряхъ бури. Сіи сказки ясно показываютъ, что вся древность почитала Пиѳагора необыкновенно мудрымъ и добродѣтельнымъ.

Какъ отъ изслѣдованія однѣхъ только матеріальныхъ стихій и предметовъ по необходимости произшелъ сенсуализмъ, который переходя отъ послѣдствій къ послѣдствіямъ, превратился въ матеріализмъ въ системѣ Левциппа и Демокрита; такъ и Пиѳагорейцы, размышлявшіе изключительно объ отношеніяхъ отвлеченныхъ, понимаемыхъ только умомъ, должны были впасть въ идеализмъ, который приводилъ ихъ къ новымъ отвлеченіямъ математическимъ.

Пиѳагоръ и его ученики замѣтили многочисленность и разнообразіе отношеній, изъясняемыхъ количествами, всеобщность и необходимость истинъ, познаваемыхъ этимъ способомъ отвлеченія. Принаровляя его къ порядку вещественностей, они хотѣли еще возвысить цѣну этаго способа отвлеченія, посредствомъ коего и новѣй-

шіе сдѣлали столь много славныхъ открытій; но употребляя математическія понятія, не какъ орудіе разумѣнія, для приведенія въ порядокъ и разложенія явленій, подлежащихъ опыту, они ихъ осуществили, сдѣлали образцомъ, или лучше сказать, самымъ основаніемъ вещей, изъясняли ими происхожденіе міра. По ихъ мнѣнію, числа въ своемъ взаимномъ происхожденіи точно выражаютъ постепенное происхожденіе существъ, которое по сему назвали они подражаніемъ чиселъ μιμηβιν ειναι τα ονταων αριθμων. Итакъ числа суть начала αιτιαι вещей, подъ коими они разумѣли и стихію, входящую въ составъ бытія, и дѣйствующую причину. Свойства ихъ суть свойства самыхъ предметовъ, а формулы математическія суть положительные законы природы.

Обозримъ кратко зданіе, на сихъ основаніяхъ построенное. Единица μονας, занимаетъ первое мѣсто; она есть образъ совершенства; отъ нея все происходитъ, и къ ней все стремится. Двоица, δυας напротивъ не совершенна, поелику образуется чрезъ присоединеніе одной единицы къ другой таковойже. Это матерія, хаосъ. Числа суть четныя, αρτιοι, несовершенныя, или нечетныя περιττοι, совершенныя. Сумма четырехъ первыхъ составляетъ десятерицу. Отселѣ произтекаетъ астрономическая десяточисленная система Пиѳагорейцевъ. Какъ чиело десять имѣетъ свой корень въ единицѣ; такъ и десять огромныхъ тѣлъ небесныхъ вращаются около центра, изображаемаго единицею. Школа Іонійская, судя

по видимости и руководству чувствъ, поставляла центромъ міра землю; а школа Италійская, на основаніи разума и отвлеченія, центромъ системы міра полагала солнце. Симъ мнѣніемъ Пиѳагорейцы заслужили славу у Астрономовъ. Солнце, или обсерваторія Юпитера, недвижимо потому, что представляетъ единицу, которая, какъ дѣйствующее начало, недвижима. Законы движеній десяти огромныхъ тѣлъ вокругъ солнца составляютъ согласіе сферъ: и это удивительное согласіе звѣздъ Пиѳагоровыхъ есть одна изъ смѣлыхъ и возвышенныхъ идей, недосязаемыхъ воображенію человѣческому. Весь міръ есть цѣлое, стройно расположенное, κόσμος; и ему не другое какое прилично названіе, какъ сіе. Смотря на природу съ этой точки зрѣнія, они близки были къ идеѣ о премудромъ умѣ, распоряжающемъ міромъ; но будетъ, или не будетъ слѣдовать ученіе о Богѣ изъ ихъ системы; все они высокой идеи о Богѣ не обняли съ такою ясностію, съ какою представилъ опую послѣ нихъ славный Анаксагоръ. По видимому, они думали все объяснить свойствами чиселъ, и поставивъ законы, не чувствовали нужды въ причинахъ. Первоначальнымъ предметомъ ихъ размышленій было нравоученіе и права. Хотя нравственныхъ понятій не льзя, подобно Физикѣ, принаровить къ формуламъ математическимъ, но психологія ихъ имѣетъ характеръ, подобный физикѣ. Что, по ихъ мнѣнію, душа? Число, самодвижущееся. По сему душа, какъ число, имѣетъ началомъ единицу, т. е. Бога. Богъ, какъ единица, есть совершенство, а несо-

вершенство состоитъ въ удаленіи отъ единицы. Усовершеніе человѣка состоитъ въ безпрестанномъ приближеніи отъ несовершенства къ первообразу совершенства, т. е. отъ разнообразія къ единицѣ. Добро есть единица, а зло есть разнообразіе; возвращеніе къ добру есть возвращеніе къ единицѣ; слѣд. законъ, и правило всей нравственности есть уподобленіе человѣка Богу, т. е. возвращеніе числа къ своему началу, къ единицѣ; добродѣтель есть гармонія. Политика Пиѳагорейцевъ основана на законѣ возмездія, — справедливость есть число квадратное. Имѣя неполныя и противорѣчущія свѣдѣнія о мнѣніяхъ Пиѳагорейцевъ касательно способностей души, ихъ дѣйствій и взаимныхъ отношеній, нельзя представить Психологіи Пиѳагорейцевъ въ систематическомъ видѣ. Извѣстно только то, что они полагали разумѣніе въ мозгѣ, а желаніе и волю въ сердцѣ, и допускали, что души человѣческія и души животныхъ не погибаютъ, подобно душѣ міра - средоточному огню, изъ коего онѣ истекаютъ. Душа, по ихъ мнѣнію, переходитъ по смерти человѣка въ тѣло или другаго человѣка, или животнаго, куда ее заведетъ случай. Она существованіемъ своимъ предшествуетъ тѣлу. Такъ Аристотель изъясняетъ переселеніе душъ, допущенное Пиѳагоромъ. Оно должно быть отличаемо отъ переселенія душъ, котораго держались Египтяне, астрономически изображавшіе чрезъ него безсмертіе души, и отъ того душепереселенія, которое въ послѣдствіи допустили Неоплатоники. На основаніи отрывочныхъ сочиненій, оставшихся отъ школы

Италійской, трудно въ точности отличить произведеніе учителя отъ произведеній учениковъ; по сему мы относимъ ко всѣмъ вообще Философамъ, принадлежавшимъ къ этой школѣ, мнѣнія, коихъ каждый изъ нихъ держался. Мнѣнія эти, безъ сомнѣнія, были разкрытіемъ началъ, постановленныхъ самимъ Пиѳагоромъ, въ таинственномъ заведеніи, основанномъ имъ въ Кротонѣ, которое имѣло цѣлію образованіе наукъ и исполненіе нравственныхъ добродѣтелей, и по занятіямъ, и образу жизни было необыкновенное. Таинственность ввелъ Пиѳагоръ въ ономъ, безъ сомнѣнія, изъ подражанія кастамъ жрецовъ, и тайнымъ обществамъ, съ коими онъ долгое время сообщался, или изъ опасенія сопротивленія со стороны народныхъ суевѣрій. Впрочемъ, не взирая на эти предосторожности, власть политическая, которую занимали Пиѳагорейцы, составила противъ нихъ заговоръ. Пиѳагоръ и первые его друзья были умерщвлены во время возмущенія, произведеннаго двумя демагогами города Кротоны. Въ продолженіи этой исторіи неоднократно повторится то, что каждый важный успѣхъ Философіи ознаменованъ насильственною смертію Любомудровъ.

Между Пиѳагорейцами болѣе другихъ знамениты: Телеавгъ и Миезаркъ, дѣти Пиѳагора; Алкмеонъ Кротонскій, по свидѣтельству Ямвлиха, его зять и преемникъ, Епихармъ Коскій, комикъ; но его называютъ также Мегарянином и Сициліанином, по мѣсту его жительства; Тимей Локрскій; твореніе приписываемое ему,

есть извлеченіе изъ Тимея Платонова: Оцеллъ изъ Луканіи; сочиненіе извѣстное подъ именемъ его, почитаютъ составленнымъ послѣ Р. Х. хотя нѣкоторые изъ важныхъ ученыхъ доказываютъ его подлинность. Въ послѣдующее время извѣстенъ Архитъ изъ Тарента, который былъ однимъ изъ людей достопримѣчательныхъ въ своемъ отечествѣ, гдѣ онъ служилъ въ важныхъ должностяхъ: говорятъ объ его открытіяхъ въ Геометріи и Механикѣ; нѣкоторые отрывки изъ его сочиненій почитаются подложными; наконецъ ученикъ его Филолай, сочинившій первый разсужденіе о сей школѣ, прославился по своей астрономической системѣ.

ШКОЛА ЭЛЕЙСКАЯ.

§ 17. Училище, основанное Пиѳагоромъ, имѣло большое вліяніе на современныхъ и послѣдующихъ философовъ, а болѣе всего на школу, основанную въ Элеи въ Греціи Іонянином Ксенофаномъ Колофонскимъ. Этотъ человѣкъ, родившійся за 617 лѣтъ до Р. Х. провелъ большую часть своей жизни въ малой Азіи. По покореніи отечества его подъ иго Персидское, онъ удалился въ Сицилію, и путешествовалъ здѣсь по различнымъ городамъ, питаясь отъ чтенія своихъ стиховъ и пѣнія отрывковъ изъ Иліады. Ему было двадцать четыре года, когда онъ остановился жить въ Элеи, колоніи вновь основанной, жители коей, спасшись отъ злоключеній, постигшихъ всѣ прочія колоніи малой Азіи, доставляли убѣжище своимъ соотечественникамъ, нехотѣвшимъ

смотрѣть на рабство и раззореніе своего отечества. Онъ тутъ прожилъ двадцать лѣтъ. Если вѣрить свидѣтельству древнихъ писателей, то онъ жилъ покрайней мѣрѣ столѣтіе. Ксенофанъ въ своей системѣ старался соединить оба предшествовавшія направленія ума, обѣ школы какъ Іонійскую, такъ и Пиѳагорову. Такъ въ Физикѣ и Космологіи, основываясь на Физикѣ Іонійской, онъ водится видимостію, именно, по его мнѣнію, земля, а не солнце есть центръ міра; въ его Физикѣ можно найти воду Ѳалеса, воздухъ Анаксимандра и огонь Гераклита: главный предметъ ея занятій, цѣль, способъ, методъ и положенія заимствованы отъ чувствъ и матеріи. Земля образована изъ воды; отъ сего и на горахъ находятся окамѣнелыя рыбы. Напротивъ ученіемъ Пиѳагора одушевлено его Богоученіе, въ которомъ явственно можно видѣть чистое, высокое понятіе о Богѣ, которымъ тогда обладали только Пиѳагорейцы Греческіе. Впрочемъ Ксенофанъ, исповѣдуя Бога по духу ученія Италійской школы, пребылъ вѣренъ независимости, отличающей Іонійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто простой вѣры въ догматы, какъ это дѣлали обыкновенные Пиѳагорейцы, Ксенофанъ отваживался открывать тайну, заповѣданную членамъ училища Пиѳагорейскаго, и вмѣсто повторенія мыслей и изрѣченій, самъ умствовалъ. У Аристотеля и Ѳеофраста можно видѣть образъ доказательствъ его на то, что Богъ не имѣетъ начала и не могъ быть рожденнымъ, и доказательство единства Божія, Его Всемогущества и благости. Онъ первый пра-

вилами діалектики объяснялъ существенныя свойства Божіи чрезъ взаимное подчиненіе ихъ другъ другу; чемъ самымъ и составилъ теорію свойствъ Божественныхъ. Такимъ образомъ почти въ самомъ началѣ Греческой философіи Богъ признанъ за существо Всемогущее, Всеблагое и по существу своему единое. На основаніи этаго положенія, Онъ есть не просто причина и основаніе всѣхъ вещей, какъ о немъ думали прежде сего; — но вмѣстѣ причина разумная, именно Премудрая и Благая, и посему существо нравственное. Аристотель производитъ философію Ксенофана изъ благочестивыхъ движеній его духа. Ксенофанъ окинулъ взоромъ небо и сказалъ: Богъ есть одно: Онъ не можетъ раждаться ни умирать: говорить, что Боги раждаются или умираютъ, значитъ говорить, что ихъ нѣтъ. Ежели что нибудь произошло, то произошло, или изъ равнаго ему, или изъ неравнаго. Но изъ равнаго ничего не могло произойти, потому что равное не можетъ произвести равное и само происходить отъ равнаго, такъ какъ равное содержится къ равному равнымъ образомъ. Ни что также не можетъ произойти отъ неравнаго; потому что если бы отъ слабѣйшаго произошло сильнѣйшее, или отъ меньшаго большее, или отъ худшаго лучшее и на оборотъ: то изъ сущаго произошло бы не сущее, или изъ не сущаго сущее, что не возможно: по этому Богъ вѣченъ. Изъ понятія о Богѣ слѣдуетъ, что Онъ есть существо совершеннѣйшее. Если предположимъ многихъ Боговъ: то Богъ не будетъ существомъ могуществен-

нѣйшимъ. Политеизмъ казался Ксенофану застарѣлымъ предразсудкомъ, отъ коего люди могли освободиться только современемъ, посредствомъ размышленія. Человѣкообразныя о Богѣ понятія производилъ этотъ философъ изъ сродной всѣмъ людямъ наклонности вѣрить, что подобное имъ есть самое лучшее. Такъ Ефіопляне отечественныхъ Боговъ представляютъ черными, а Фракійцы красными. Ксенофанъ строго держась той мысли, что Богъ одинъ, что кромѣ Его нѣтъ никакой силы, что въ немъ обитаетъ всякое вѣденіе и всякая истина думалъ, что естественная множественность и измѣняемость вещей есть какъ бы не совершенное и частное разоблаченіе Божественной природы.

Греческая философія до сихъ поръ состояла изъ двухъ частей Физики и Богоученія, и имѣла главнымъ предметомъ своимъ идею о мірѣ и идею о Богѣ; оставалось найти только ихъ отношеніе. Умъ человѣческій, занимавшійся опредѣленіемъ главныхъ и единственныхъ началъ явленій, сначала могъ объяснить это отношеніе, нераздѣляя міра съ Богомъ, или Бога съ міромъ. Школа Іонійская, открывая эти начала въ самомъ мірѣ, впала въ Пантеизмъ; а философы Пиѳагорейскіе разсуждая о всемъ по идеямъ и невидимымъ началамъ, уничтожили міръ, допустивъ совершенно идеальное единство, которому они подчинили всѣ вещи. Ксенофанъ, держась обѣихъ философій, не соединилъ ихъ вмѣстѣ, не умѣрилъ одну другою; при посредствѣ бла-

горазумнаго эклектизма, не возвысилъ Пантеизма, чрезъ соединеніе его съ Деизмомъ, не оживотворилъ Деизма чрезъ Пантеизмъ. Словомъ, онъ не сталъ выше своего вѣка, не сдѣлалъ того, что слѣдовало сдѣлать въ свое время въ Аѳинахъ Платону. Соединивъ двѣ противныя идеи, онъ составилъ систему, которую очень хорошо Аристотель называетъ окорочепною. Въ ней Деизмъ и Пантеизмъ смѣшаны, но такъ, что болѣе виденъ Деизмъ Пиѳагорейцевъ, который у послѣдователей его, начала Пантеизма и школу Іонійскую подчинилъ совершенному единству и одностороннему идеализму.

Парменидъ Дорянинъ, изключительно держался Идеализма и училъ объ единствѣ міра видимаго и не видимаго. Раздѣливъ въ своей поэмѣ *о природѣ*, міръ на чувственный и умственный, онъ допустилъ два вида познаній, изъ коихъ одинъ есть произведеніе нашихъ чувствъ, а другой есть произведеніе нашего ума. Первый представляетъ намъ множественность, сложность, разнообразіе и случайность; а вторый возводитъ насъ къ единству, простотѣ, необходимости и безусловному. Изъ понятія о существѣ чистомъ, которое онъ принялъ за одно съ мыслію и знаніемъ, онъ выводитъ заключеніе, что несущее не возможно, и что все сущее есть единое и тождественное, не имѣетъ начала, неизмѣнно и недѣлимо, всецѣло наполняетъ пространство. На этомъ основаніи всякая перемѣна, всякое движеніе есть одна видимость. Таковою системою окончилась школа Элейская.

Мелиссъ Самосскій раскрылъ еще болѣе эту систему. Систематическій идеализмъ Элеатиковъ, достигши самой высоты отвлеченія, долженъ былъ по необходимости казаться, для большаго числа людей, страннымъ и нелѣпымъ. Безусловное единство исключало всякое различіе, всякое раздѣленіе, всякое взаимное отношеніе. Это было существо безъ причины, и слѣдовательно существо пустое, потому что не имѣло существеннаго свойства. Противъ нелѣпости сей системы возражали съ силою.

Зенонъ, воинъ, родился въ Элеи за 504 года до Р. Х. Онъ провелъ первую часть своей жизни въ изученіи Философіи Парменида, который ему былъ учителемъ и другомъ. Всѣ писатели свидѣтельствуютъ о его пламенной любви къ отечеству, во время освобожденія Греціи, и всеобщаго стремленія къ независимости. Жители Элеи просили своихъ Философовъ о томъ, чтобы они имъ составили правила и законы. Зенонъ, давъ своему отечеству мудрыя установленія, согласился въ ономъ владычествовать только своими добродѣтелями и талантами. Онъ велъ жизнь скромную и уединенную; но когда Элея подверглась игу тиранна Неарха, а по другимъ Демила, онъ для защищенія своего отечества оставилъ Философскія занятія. Но его благородная ревность не была увѣнчана успѣхами; онъ былъ схваченъ и погибъ въ страшной казни, которую перенесъ съ геройскимъ мужествомъ. Зенонъ, вмѣстѣ съ Парменидомъ въ 460 году путешествовалъ въ Аѳины для защищенія ученія

своей школы отъ нападеній Эмпиризма Іонійскаго, въ то время усилившагося въ этомъ городѣ. Для поддержанія своей системы, онъ касался самыхъ основаній Эмпиризма, и обратя возраженія противниковъ на нихъ самихъ, принуждалъ ихъ согласиться, что не такъ легко объяснить все множественностію, какъ единствомъ Вы утверждаете, говоритъ онъ, что существуетъ только видимое чувствами, а слѣдовательно одно множество; вы тщеславитесь, изчисляя разности, которыя противополагаете ученію о безусловномъ единствѣ, тщеславитесь повсемѣстнымъ движеніемъ, которое противополагаете совершенной недвижимости, произтекающей изъ совершеннаго единства Парменидова; но я обращаю противъ васъ собственныя ваши доказательства, и говорю вамъ, что въ самомъ различіи, которое вы находите, заключается сходство, а въ движеніи покой, а отъ этаго ваша система, приводитъ васъ къ послѣдствіямъ, противнымъ вашей собственной системѣ. Эмпиризмъ подлежитъ безпрестанному противорѣчію. Это противорѣчіе заключается въ вашемъ мірѣ, мірѣ множества и видимости, о коемъ вы судите по свидѣтельству чувствъ и согласно народному мнѣнію. Вѣрить надобно одному разуму, а разумъ щитаетъ множество сумазбродствомъ; слѣдовательно множество не существуетъ. Этотъ споръ совершенно разстроилъ послѣдователей Іонійской философіи, и возбудилъ живое любопытство къ ученіямъ Италійскимъ, а чрезъ это въ основаніе Греческаго гражданскаго образованія, съ новою задачею философскою, былъ

брошенъ зародышъ высшаго образованія. Зенонъ, разсуждающій о философіи при пособіи хитрой и смѣлой діалектики былъ въ глазахъ Аѳинянъ подобенъ Паламеду. Этотъ философъ собственно славенъ изобрѣтеніемъ діалектики, не такой, какая видна въ сочиненіяхъ Ксенофана, и какою обладалъ Парменидъ; но его діалектика была наукою, имѣла свои формы, и составляла положительный методъ. Всѣ историки упоминаютъ о четырехъ его умствованіяхъ логическихъ противъ движеній, и въ особенности о славномъ умствованіи, извѣстномъ подъ именемъ Ахилла.

Борьба между эмпиризмомъ Іонійскимъ, и Элеатическимъ идеализмомъ продолжалась почти столѣтіе. Школа Элеатическая, на основаніи своей діалектики, легко побѣждала эмпиризмъ Іонійскій, и поставляла его въ противорѣчіе съ самимъ собою, доказывая, что разнообразіе возможно только подъ условіемъ единства, какъ въ внѣшнемъ мірѣ, такъ и въ сознаніи. Въ тоже время общій смыслъ, легко защищалъ эмпиризмъ Іонійскій отъ Элеатическаго единства, которое существуя одно безъ всякой двойственности, а слѣдовательно безъ всякой мысли, потому что всякая мысль предполагаетъ двойственность - подлежащее и предметъ, допускало бытіе безусловное, подобное ничтожеству.

ШКОЛЫ СМѢШЕННЫЯ.

§ 18. Напрасно нѣкоторые отличные мужи съ той

и другой стороны покушались прекратить эту борьбу, на основаніи мнѣній той и другой системы.

Главнымъ изъ нихъ былъ знаменитый Анаксагоръ, родомъ изъ Клазомена въ Іоніи, который сорока лѣтъ поселился въ Аѳинахъ за 486 лѣтъ до Р. Х. Онъ собственно славенъ своимъ ученіемъ о высочайшемъ умѣ νους, правящемъ міромъ. Къ этому ученію его привело глубокое изслѣдованіе природы и порядка, царствующаго въ ней; размышленіе о недостаткахъ всѣхъ системъ, основывающихся на одномъ естественномъ порядкѣ, а можетъ быть, какъ полагаютъ Теннеманъ и Профессоръ Карусъ, мистическія открытія его соотечественника Гермотима, о которомъ въ древности много написано басенъ, (*) но который, повидимому, держался ученія Пиѳагорейскаго. Анаксагоръ, согласно съ этими Философами, признаетъ Бога главною и первою причиною вселенной, но онъ въ особенности извѣстенъ въ Исторіи Философской по заботливости о раздѣльномъ, точномъ и ясномъ выраженіи понятія объ этомъ Умѣ управляющемъ, который очень часто былъ считаемъ за одно съ явленіями міра. Люди имѣютъ врожденное понятіе о Богѣ, слѣдовательно грубо погрѣшаютъ тѣ, кои почитаютъ Анак-

(*) Плиній старшій разсказываетъ, что душа Гермотима, оставляя тѣло какъ бы въ смертномъ снѣ, отправлялась въ дальнія мѣста, дабы узнать, что тамъ происходитъ. Во время одного изъ таковыхъ странствованій, враги Гермотима умертвили его тѣло, а такимъ образомъ и странницу его душу лишили обычнаго ея жилища.

сагора изобрѣтателемъ Богоученія. — Это ученіе современно человѣчеству, и мы уже видѣли, что Ксенофанъ имѣлъ чистое и точное понятіе объ единствѣ и Всемогуществѣ Божіемъ. Но философъ Клазоменскій тѣмъ подвигъ философію впередъ, что онъ Богоученіе понималъ въ истинномъ его смыслѣ, и утверждалъ оное логическими доказательствами; онъ первый ясно открылъ, что явленія вселенной тѣсно связаны между собою, образуютъ единое цѣлое, что порядокъ есть цѣпь, соединяющая части, есть высочайшій законъ, ими управляющій, и что эта всеобщая и всегда себѣ равная система указываетъ на бытіе единаго міродержителя, а слѣдовательно на бытіе разума, знающаго, располагающаго и осуществляющаго ее. Очевидно, что эти основательныя понятія о существѣ высочайшемъ Анаксагоръ заимствовалъ у философовъ Италійской школы; но Физика и Космологія его сходствовали съ Физикой Іонійской. На основаніи положенія: *изъ ничего ничего не бываетъ*, которое онъ заимствовалъ отъ нея, онъ допускалъ вѣчное бытіе матеріи, которая по его мнѣнію, какъ общее сѣменохранилище и разсадникъ всѣхъ видимыхъ вещей первоначально существовала въ хаосѣ. Составныя ея части между собою сходныя, которыя онъ назвалъ единообразіемъ частей, неразличаемы: расположеніемъ и раздѣленіемъ этихъ частицъ онъ изъяснялъ явленія Физическаго міра; хаосъ же, окруженный воздухомъ и эѳиромъ, по его мнѣнію, былъ одушевленъ разумомъ высочайшимъ, первою причиною движенія. Анаксагоръ всегда

болѣе занимался Физикою, нежели Метафизикой; и Платонъ укоритъ его въ несообразности съ разумомъ, въ которую онъ впалъ, стараясь изъяснить произхожденіе растѣній, животныхъ и даже самыхъ небесныхъ явленій, посредствомъ причинъ чисто Физическихъ. Это же самое навлекло на религіознаго Философа подозрѣніе въ безбожіи. Не смотря на несправедливость и на неосновательность доводовъ, коими суевѣріе и политика старались обличить его въ безбожіи, его враги возторжествовали. Другъ Перикла былъ изгнанъ изъ Аѳинъ и умеръ въ Ламсакѣ. Его преступленіе состояло въ томъ, что онъ не уважалъ Астрологическія басни, и рѣшился проповѣдывать, что звѣзды не суть Боги.

Діогенъ Аполлонійскій, и Архелай Милетскій, жившіе въ то время въ Аѳинахъ, не могли не подчиниться генію Анаксагора. Понятіе о Единомъ Богѣ, явившееся среди ученія о многобожіи, по необходимости должно было произвести глубокое впечатлѣніе на высокіе умы. Впрочемъ долгое время оно не обнаружило должныхъ слѣдствій, и первые Философы, допустившіе оное, не вникли въ послѣдствія и истинный смыслъ его. Такимъ образомъ Діогенъ, желая соединить съ началомъ Анаксагора начала Анаксименовы, приписалъ Божественную силу воздуху, который онъ принялъ за основную стихію. Таково же было выраженное темно, мнѣніе Архелая, взятое имъ изъ уроковъ Анаксагоровыхъ.

Различныхъ предшественниковъ силился соединить

болѣе всѣхъ Эмпедоклъ, изъ Агригента Пиѳагорейскій философъ, извѣстный по своимъ талантамъ къ философской поэзіи, и своими познаніями въ естественной исторіи, и врачебной наукѣ. Извѣстно, что онъ умеръ у жерла огнедышущей горы Этны, (*) жертвою такого же точно любопытства, которое послѣ погубило старшаго Плинія при Везувіи. Главные пункты его ученія, изложеннаго въ дидактической его поэмѣ, суть слѣдующіе: Онъ признавалъ четыре стихіи: землю, воду, воздухъ и огонь. Эти стихіи не суть простыя; огонь, какъ дѣятель, занимаетъ первое мѣсто. Притяженіе и отраженіе, которыя въ переносномъ смыслѣ онъ назвалъ любовію, и несогласіемъ, суть двѣ силы, управляющія соединеніемъ и раздѣленіемъ пдрвобытныхъ частицъ, изъ коихъ составлены четыре стихіи. Міръ, по его мнѣнію, есть вещь Божественная; онъ превратится опять въ хаосъ; міръ раздѣляется на міръ чувственный и умственный; послѣдній есть первообразъ перваго. Эта идея, которую имѣлъ и Парменидъ, послужила Платону основаніемъ глубокой теоріи. По примѣру Іонійцевъ Эмпедоклъ полагалъ въ огнѣ начало жизни; и между тѣмъ съ Пиѳагорейцами признавалъ существо Божественное, проникающее всю вселенную. Отъ этаго высочайшаго существа происходятъ также демоны, которые преемственно населяютъ тѣла; къ числу ихъ принадлежитъ и

(*) Deus immortalis haberi,
Dum cupit Empedocles ardentem frigidus Etnam
Insiluit. Horat.

душа человѣческая. Разсуждая о чувствованіяхъ, онъ говоритъ, что всякое существо, дѣлается извѣстнымъ само чрезъ себя; каждое изъ нашихъ чувствъ доставляетъ свѣдѣніе объ особенной стихіи, огонь познается чрезъ огонь, т. е. чрезъ глаза; воздухъ чрезъ воздухъ, т. е. слухъ; словомъ сказать, несогласіе познается чрезъ несогласіе, а любовь чрезъ любовь, т. е. наши органы доставляютъ намъ свѣдѣніе о чувственномъ мірѣ, разумъ объ умственномъ. Душа находится въ крови. Если вѣрить древнимъ писателямъ, то Философъ Агригентскій постоянно находился въ восхищеніи и ученики его щитали чудотворцемъ. Допущенію этаго восторженнаго состоянія препятствуютъ идеи его о законахъ природы. Этѣ идеи суть плодъ синкретизма, который составляетъ характеръ его ученія. Онъ держался Пиѳагора, Геракліта и школы Іонійской, совокуплялъ ихъ гипотезы, хотя не всегда съ успѣхомъ соглащалъ ихъ.

СОФИСТЫ.

§ 19. Наконецъ соединеніе обѣихъ этѣхъ, столь односторонихъ ученій, сдѣлалось весьма труднымъ. Опыты соединенія ихъ ни мало не были удовлетворительны. Посему очень естественно было явиться такимъ людямъ, кои вмѣсто того, чтобы стараться о невозможномъ согласованіи двухъ ученій, изъ коихъ одно совершенно отвергало достовѣрность чувствъ, а другое достовѣрность разума, и кои оба сражались между собою такими доказательствами, на которыя не легко бы-

ло отвѣтствовать. Они держались только однихъ опроверженій въ той и другой системѣ, и сами подорвали вѣроятіе какъ къ свидѣтельству чувствъ, такъ и къ свидѣтельству разума. Если чувственность, согласно мнѣнію школы Іонійской, есть мѣра для всѣхъ вещей: то нѣтъ ничего несомнѣннаго, говорятъ Софисты; потому, что чувства представляютъ измѣняемое, безпрестанно преобразовывающееся сообразно обстоятельствамъ и состоянію чувственности; то, что казалось вчера истиннымъ, точно въ такой же силѣ нынѣ кажется ложнымъ; и если, согласно школѣ Элейской, допустить единство безъ всякаго разнообразія, то очевидно, что можно сказать объ одной и той же вещи, что она истина и вмѣстѣ ложна, и это будетъ справедливо по закону единства. Таковъ былъ всеобщій скептицизмъ, служившій основаніемъ ученія софистовъ, роскоществовавшихъ необузданнымъ своеволіемъ разума.

Городъ Аѳины въ то время былъ въ великой славѣ. Тогда процвѣтали Софоклы, Еврипиды, Ѳукидиды, Ѳидіи и всѣ знаменитые люди, обезсмертившіе вѣкъ Перикла. Но подъ этими внѣшними знаками благоденствія скрывались зародыши разрушенія знаменитаго города, который долгое время, по словамъ Платона, былъ огромнымъ публичнымъ зданіемъ Греціи. Богатство породило роскошъ, поколебавшую учрежденія республики и повредившую нравы. Афины вдругъ отъ неограниченной демократіи, подчинились Тираніи. Краснорѣчіе только состояло въ ис-

куствѣ льстить страстямъ народнымъ, и помогало честолюбію и пронырству. Философія, которой держались Ѳалесы, Ксенофаны и Анаксагоры, не имѣла въ виду пользы и дѣятельности. Путешествія, размышленія, долговременныя изслѣдованія, породившія древнихъ мудрецовъ, не были занимательны для тѣхъ людей, которые искуству Ораторскому и наукамъ учились только для того, чтобы имѣть средства къ успѣхамъ, а отъ Философіи хотѣли только научиться искуству скорѣе и безопаснѣе плѣнять разумъ, и обманывать блестящими софизмами.

Въ это время явились люди, которые обѣщали всему научить безъ труда и усилія. Философія, перенесенная изъ Іоніи, и большей Греціи въ главный городъ Аттики, потеряла у нихъ свое высокое назначеніе; она болѣе не была уже искуствомъ открывать истинну, но служила къ тому, чтобы смотря по выгодамъ времени, сообщать погрѣшностямъ видъ истины. Отличительнымъ свойствомъ софистовъ, есть недостатокъ твердаго и положительнаго начала; отъ школъ современныхъ Философовъ, они заимствовали одинѣ только противорѣчія, и въ самую Философію внесли недовѣрчивость и сомнѣніе, которыя они старались умножать, потому что онѣ имъ приносили очень великія выгоды.

Горгій Леонтійскій, ученикъ Эмпедокла утверждалъ, что нѣтъ ничего дѣйствительнаго, и что ничего нельзя доказать и выразить словами. Славу себѣ онъ заслужилъ ораторскимъ искуствомъ. Его слогъ, по словамъ Діодора

Сицилійскаго, былъ блистателенъ; молодые люди изъ всѣхъ городовъ стекались къ нему и высокую цѣну платили за то, чтобы образоваться у него. Когда онъ во время Пелопонесской войны былъ посломъ въ Аѳинахъ, то весь городъ устремился въ слѣдъ его. Онъ первый ввелъ обыкновеніе въ публичныхъ собраніяхъ, въ театрѣ предлагать предметы для спора, и разсуждать объ оныхъ открыто.

Протагоръ Абдерскій, ученикъ Демокрита еще болѣе прославился. Ученіе его, по словамъ Секста Эмпирика, было слѣдующее: человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей; это положеніе составляетъ правило, по которому оцѣнивается дѣйсмвительность и ничтожество существъ, поколику онѣ существуютъ, или не существуютъ. Протагоръ допускалъ только то, что представляется глазамъ каждаго; и эта видимость есть главное начало познаній. По его мнѣнію, всякому роду познаній соотвѣтствуетъ противный, и сколько истинна одна сторона, столько же истинна и другая; слѣдовательно ни очемъ не должно спорить. Онъ старался усилить эти предложенія не столько въ Теоріи, сколько въ практикѣ, какъ орудіе искуства, которому онъ былъ преданъ, и совершенство котораго долженствовало его сдѣлать способнымъ браться за всѣ дѣла безъ различія. Онъ превзошелъ софистовъ своего времени не только своими талантами, но еще особеннымъ свойствомъ языка, силою доказательствъ и теоріею познанія человѣческаго. Прочіе Софисты соглашались на всѣ мнѣнія безъ различія, Протагоръ

пытался утверждать каждое изъ нихъ на правильныхъ основаніяхъ. Секстъ считаетъ его безбожникомъ, и это вѣроятно потому, что онъ возставалъ противъ Миѳологическихъ преданій, обращавшихся въ народѣ. Въ своемъ сочиненіи о богахъ, онъ дѣйствительно отвергнулъ большую часть преданій, занятыхъ у Грековъ. Объ этомъ онъ такъ выражается: касательно боговъ, я не могу сказать, чтобы они существовали, и что такое они дѣйствительно; отъ этаго меня удерживаютъ многія причины. Аѳиняне за это его осудили на смерть, онъ убѣжалъ и погибъ вовремя кораблекрушенія.

Знаменитѣйшіе Софисты, послѣ двухъ упомянутыхъ были: Продикъ Хіоскій, который занимался преимущественно, по словамъ Платона, словесными опредѣленіями: Религію онъ производилъ изъ признательности къ богамъ, и вооружался противъ добродѣтели недѣятельной; Діагоръ Мелоскій, прозванный безбожникомъ, вообще вооружился противъ религіознаго ученія, а преимущественно противъ таинствъ; Критій, Софистъ и поэтъ; Гиппій Элейскій, отважный и гордый говорунъ, который хвастался всевѣдѣніемъ; онъ училъ, что законы суть изобрѣтеніе людей слабыхъ и малодушныхъ, и что человѣкъ, нѣсколько благородный, долженъ, если возможно, сбросить съ себя несносное иго ихъ. Мнѣнія этаго держались также Калликсенъ, Ѳераменъ, Полъ, Евѳидемъ; всѣ они признавали справедливость и несправедливость изобрѣтеніемъ Политики.

Діалектика любимое оружіе Софистовъ, которымъ они владѣли съ такимъ искуствомъ, не походила на діалектику Зенона Элейскаго, который для утвержденія основаній свого ученія, вникалъ въ самую сущность системы, противной его системѣ, чтобы вывести изъ оной нелѣпыя послѣдствія. Софисты умствованіемъ играли и уловляли; ихъ умствованіе не было направлено къ утвержденію основанія, и не служило доказательствомъ истины. Они унизили разумъ человѣческій, пріучивъ его поперемѣнно поддерживать истинну и ложь, и быть равнодушнымъ какъ къ той, такъ и другой. Появленіе Софистовъ, ихъ развращенныя правила и мелочный скептицизмъ естественно изъясняются тѣмъ положеніемъ, въ которое приведены были умы, послѣ сильной борьбы различныхъ Философскихъ школъ, началомъ разрушенія Греческихъ республикъ, которое впрочемъ было ускорено самыми софистами. Они сами совершенно изображаютъ блистательное, но развращенное общество, которое съ усердіемъ слѣдовало ихъ ученію, и съ усердіемъ усвояло ихъ правила. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать объ услугахъ ихъ Философіи, хотя не прямыхъ. Они усилили умственное образованіе, языкъ и литтературу возвели на высочайшій степень совершенства; Философію, которой держались до сихъ поръ токмо не многіе послѣдователи извѣстныхъ школъ, сдѣлали предметомъ общественныхъ разсужденій. Наконецъ ихъ заблужденія, коимъ они предались, пріуготовили Сократа. И этотъ великій человѣкъ, возстановля священную нау-

ку, опозоренную ими, не погнушался воспользоваться нѣкоторыми выгодами, которыя ему они доставили. Словомъ, они точно такую же оказали услугу, какую оказывали во всѣ времена Скептики, именно они содѣйствовали къ возведенію на новыхъ основаніяхъ зданія, опровергнутаго ими, которое бывъ выстроено весьма скоро, естественно не было твердо.

Вторая эпоха, отъ Сократа, (за 470 лѣтъ до Р. Х.), до конца борьбы Академіи съ Портикомъ (за 80 лѣтъ до Р. Х.).

Философія обращается на изученіе способностей человѣческихъ.

§ 20. ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

1. Частныя системы, произшедшія отъ школы Сократовой.

УЧЕНИКИ СОКРАТОВЫ.

Ксенофанъ — — — — — 560 л.
Эсхинъ, Симонъ, Цебей — — — — 390 л.

Киренаики:

Аристиппъ — — — — 380 л.
Аристиппъ Метродидактъ 320.
Ѳеодоръ Киринейскій — — 300.
Біонъ — — — — — — 260.
Эугемеръ — — — — 290.
Гегезій — — — — — 300.
Аниницеръ — — — — — —

Школа Элійская.

Федонъ Элійскій — — — 350.

Скептики:

Пирронъ — — — — — 388.

Циники:

Антисѳенъ — — — — — 380. г.
Діогенъ Синопскій — — 324.
Кратесъ — — — — — 340.
Онесикритъ — — — — —
Менедемъ — — — — — 340.
Мениппъ — — — — — —

Мегарики:

Эвклидъ Мегарскій — — 401.
Эвбулидъ — — — — — 380.
Діодоръ — — — — — 300.
Филонъ — — — — — 300.
Стилпонъ — — — — 300.
Клиномахъ — — — — —
Экфаитъ — — — — — —

Школа Еретрійская:

Менедемъ — — — — — 350.
Тимонъ — — — — — 252.

СИСТЕМЫ ПОЛИБІЯ.

Школа Академическая

Платонъ Аѳинскій — — — 348.
Спевзиппъ — — — — — 339.
Ксенократъ — — — — — 314.
Полемонъ — — — — — 314.
Кранторъ — — — — — 313.
Кратесъ — — — — — — 343.

Эпикурейцы:

Эпикуръ — — — — — — 270.
Метродоръ, Тимократъ, Колотесъ, Поліеній, Леонтій — — — — 260.
Эрмахъ — — — — — — 270.
Полистратъ — — — — — —
Аполлодоръ — — — — — —
Зенонъ Сидонскій — — — —
Діогенъ Тирскій — — — —
Діогенъ Селевкійскій — — —
Федръ — — — — — — —
Филодемъ Кадарскій — — 80.

Школа Перипатетическая

Аристотель — — — — — 322.
Ѳеофрастъ — — — — — 288.
Эвдемъ — — — — — — —
Дицеархъ — — — — — 320.
Гераклитъ Понтійскій — — —
Аристоксенъ — — — — — 320.
Стратонъ Лампсакійскій — 269.
Дмитрій Ѳалерискій — — 330.
Іероним Родоскій — — — 268.
Аристонъ Хіоскій — — — 260.
Критолай — — — — — 155.
Діодоръ Тирскій — — — 150.

Стоики:

Зенонъ Циттійскій — — — 264.
Клеанѳъ — — — — — — 264.
Хризиппъ — — — — — 208.
Зенонъ Тирскій — — — — 212.
Діогенъ Вавилонскій — — 155.
Антипатръ — — — — — 146.
Панетій — — — — — — 115.
Поссидоній — — — — — 50.

СКЕПТИЦИЗМЪ.

Новая Академія:

Арцезилай — — — — — 240.
Лацидъ — — — — — — 250.
Евандръ — — — — — — 200.
Телеклъ — — — — — — 200.
Гегезинъ — — — — — — 200.
Карнеадъ — — — — — — 130.
Клитомакъ — — — — — 170.

Школа Эмпириковъ:

Энезидемъ — — — — — 60.
Фаворинъ — — — — — — —
Агриппа — — — — — — —
Менодотъ — — — — — — —
Секстъ Эмпирикъ — — — 160.
Сатурнинъ — — — — — 100.

ШКОЛЫ СМѢШЕННЫЯ.

Филонъ Ларскій — — — — 106. Антіохъ Аскалонскій — — 62.

СОКРАТЪ.

§ 21. Жизнь и смерть Сократа представляютъ уди-

вительное зрѣлище. Нельзя не удивляться въ этомъ человѣкѣ силѣ духа и геройской преданности, съ коими онъ для преобразованія понятій и нравовъ своихъ современниковъ посвятилъ все, что ему даровало небо, т. е. силы, ревность и разумъ; нельзя не дивиться твердости духа, съ коею онъ шелъ къ цѣли своей и безъ содраганія и сѣтованія принялъ рѣшеніе суда, опредѣлившаго ему смерть въ награду за его благородныя усилія, по доносу стихотворца Мелита, софиста Анита и оратора Ликона, обвинявшихъ его въ не уваженіи языческихъ боговъ и развратѣ юношества. Между преобразователями не было такого, который бы рѣшился съ столь чистою совѣстію на борьбу и преобразованія, который бы сражался съ такими трудностями и опасностями.

Сократъ родился въ Аѳинахъ за 470 л. до Р. Х. родители его были - бѣдный ваятель, по имени Софроніскъ, и Фенарета повивальная бабка. Долговременныя и важныя размышленія о состояніи своего времени, внушили ему то опасное предпріятія, на совершеніе коего онъ посвятилъ цѣлую жизнь свою. При необыкновенномъ умѣ и удивительномъ здравомъ разсудкѣ, онъ обладалъ живымъ и самымъ пылкимъ воображеніемъ. Внушенія своей правой и непоколебимой совѣсти, онъ считалъ голосомъ самаго Бога, существованіе коего ему доказывали согласіе и порядокъ вселенныя. Его совѣсть составляла того внутренняго генія, къ внушеніямъ коего онъ былъ весьма внимателенъ; и этотъ геній давалъ ему средства побѣж-

дать коварныхъ Софистовъ, и противополагать ихъ хитрымъ доказательствамъ логику истинную и непогрѣшительную, доводы непоколебимыя; давалъ средства торжествовать надъ лжемудрецами, способствовалъ побѣждать тщеславіе, остроуміе, корыстолюбіе, народные предразсудки, которые дѣлали, повидимому, не возможнымъ преобразованіе.

Всѣ его дѣйствія направлены къ тремъ предметамъ 1) онъ искоренялъ самыя причины заблужденій, помрачавшихъ Философію Іонійскую и Элеатскую, и совратившихъ ее съ праваго пути. 2) Онъ побуждалъ умъ человѣческій быть внимательнымъ ко внушеніямъ совѣсти, составляющей главный источникъ всякой истины; и 3) опредѣлилъ способъ, коимъ умъ долженъ руководствоваться въ этомъ родѣ познанія. До него Философы занимались науками, не спрашивая себя о существенной цѣли ихъ умозрѣній. Одно пустое и неопредѣленное любопытство, повидимому, руководило ихъ изысканіями. Сократъ на томъ основаніи, что главное достоинство науки состоитъ въ существенной пользѣ, требовалъ отъ нея не пустыхъ и безполезныхъ изслѣдованій, но познанія дѣятельнаго. Софисты обезславили Философію, сдѣлавъ ее орудіемъ честолюбія, корыстолюбія и гордости. Сократъ требовалъ отъ Философіи благороднѣйшихъ чувствъ; по сему въ Философскихъ и математическихъ наукахъ, коимъ онъ учился съ величайшею ревностію въ школѣ Архезилая Милетскаго, онъ не допускалъ умозрѣній, не основанныхъ на опытѣ.

Сократъ вникалъ въ прежнія системы догматической философіи, и видя злоупотребленіе Софистовъ, за необходимое почелъ возсоздать совершенно философію на главныхъ ея основаніяхъ, и опредѣленно означить путь къ узнанію истины.

Надпись на дверяхъ Делфійскаго храма, познай самаго себя, сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Это мудрое правило онъ обратилъ въ свой методъ. Чужія мысли не составляютъ истиннаго знанія; всякій долженъ почерпать его изъ глубины собственнаго сердца, и пріобрѣтать собственными своими силами. Слѣдовательно изученіе природы человѣческой составляетъ основаніе философіи. Этимъ не выражается, что будто бы философія имѣетъ предметомъ своимъ только человѣка; нѣтъ, философія стремится и должна стремиться познать всеобщую систему вещей, но она начинаетъ это дѣлать на твердомъ основаніи, именно на основаніи познанія природы человѣческой. Таковъ методъ Сократовъ. Онъ-то составляетъ главную причину, имъ произведеннаго переворота въ философіи, и онъ-то содѣйствовалъ успѣхамъ философовъ, послѣ него жившихъ. Сократъ славенъ собственно по изобрѣтенію этаго метода и тѣмъ, что показалъ въ себѣ образецъ употребленія его въ ученіи нравственномъ и теодицеи.

Ученіе его имѣло предметомъ назначеніе, усовершенствованіе и обязанности человѣка, какъ существа разумнаго; объ этихъ предметахъ онъ разсуждалъ простымъ

и обыкновеннымъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ ему представлялся случай, свидѣтельствуясь всегда нравственнымъ чувствомъ человѣческимъ. Теннеманъ все его ученіе заключилъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) должно пріобрѣсти обстоятельное познаніе о томъ благѣ, къ которому мы должны стремиться. Самое высшее благополучіе человѣка состоитъ въ томъ если онъ поступаетъ по внушенію разума; и въ семъ заключается самое лучшее употребленіе его способностей, и добродѣтель. Средствами къ оному служатъ познаніе самаго себя, и уменье умѣрять свой духъ. Мудрость, которая часто у него пріемлется за благоразуміе, или смиренномудріе, есть совокупность всѣхъ добродѣтелей; потому что она есть познаніе дѣятельное; и вотъ причина, по коей Сократъ назвалъ добродѣтель знаніемъ. Кромѣ благоразумія, человѣкъ, въ отношеніи къ самому себѣ, долженъ еще сохранять воздержаніе, и быть мужественнымъ, обязанности относительно къ другимъ состоятъ въ правотѣ, т. е. въ исполненіи законовъ Божескихъ и человѣческихъ. Только у Сократа въ первый разъ встрѣчается идея о правѣ или правотѣ естественной. 2) Добродѣтель и истинное счастіе человѣка нравственное совершенство и благополучіе неразрывно связаны между собою 3) Благочестіе есть жертва Богу, состоящая въ приношеніи добрыхъ дѣлъ, и непрестанномъ усиліи осуществить то добро, какое только мы можемъ сдѣлать по нашимъ силамъ. 4) Всевышній Богъ есть Творецъ и виновникъ закона нравственнаго; онъ есть существо Премудрое, Невидимое, откры-

вающееся въ своихъ дѣлахъ. Сократъ несомнѣнно вѣрилъ провидѣнію, и на этой вѣрѣ основывалась его вѣра во внушеніе своего генія, различныя Божественныя свойства, необходимо вытекающія изъ премудраго управленія природою и обществомъ человѣческимъ. Далѣе сего онъ не дерзалъ простирать своихъ взоровъ. 5) Душа есть существо Божественное или подобное Богу, она уподобляется Богу своимъ разумомъ и своею невидимостію; слѣдовательно она безсмертна.

Сократъ училъ не такъ, какъ Софисты, писавшіе и дававшіе уроки. Собственно говоря, онъ не училъ; а часто говорилъ о себѣ, что онъ ничего не знаетъ. Въ прогулкѣ, въ купальняхъ, Театрахъ, публичныхъ мѣстахъ онъ заводилъ разговоры съ учителями, художниками, учеными и земледѣльцами; и сначала спрашивалъ о вещахъ маловажныхъ и простыхъ, а потомъ мало по малу съ необыкновенною уловкою переходилъ къ предметамъ важнѣйшимъ. Здѣсь то, пользуясь своимъ методомъ, онъ изъ сознанія собесѣдника извлекалъ основанія его естественной вѣры, посредствомъ обыкновенныхъ умствованій наведенія и аналогіи. Съ Софистами онъ спорилъ инымъ образомъ; входилъ въ ихъ собранія для того, чтобы ихъ выслушать; здѣсь онъ сначала участвовалъ въ восхищеніи ихъ слушателей; потомъ съ добросердечнымъ видомъ предлагалъ имъ нѣсколько вопросовъ довольно простыхъ, на кои просилъ точныхъ отвѣтовъ, какъ бы для наученія себя; — по видимому довольнымъ оставался всякимъ

отвѣтомъ, даннымъ ему; но принявъ этотъ отвѣтъ, онъ или отвергалъ его, или оставлялъ, чтобы дойти до нелѣпыхъ заключеній; притворялся незнающимъ, для того, дабы не пристыдить съ нимъ разговаривающаго. И это притворное невѣдѣніе его, назвали иронією Сократовою. Оно ему нужно было для того, чтобы въ присутствіи народа образованнаго, тонкаго, каковы были Аѳиняне, сразить противниковъ, владѣющихъ великими способностями, превосходныхъ ораторовъ, вообще привыкшихъ къ успѣхамъ всякаго рода.

Въ жизни этаго необыкновеннаго человѣка довольно указать только на то, что имѣло вліяніе на раскрытіе философствующаго ума; именно: на возвышенную и чистую нравственность, которую онъ противоположилъ превратному образованію Софистовъ, и на методъ, усвоенный напослѣдокъ Философіею Греческою, и бывшій главною причиною многихъ благотворныхъ послѣдствій. Другія обстоятельства его жизни довольно уже извѣстны. Мы съ особеннымъ уваженіемъ, даже чрезъ двадцать вѣковъ относимся объ этомъ мудрецѣ, коего всѣ минуты были посвящены благу человѣчества, и который окончилъ жизнь необыкновенною смертію. Его разговоры предъ смертію возвышенны; его бесѣды и разсужденія въ темницѣ и въ ту минуту, въ которую онъ съ веселымъ и спокойнымъ духомъ выпилъ чашу яда, отъ коей окончилъ жизнь, суть самыя поразительныя. Тогда онъ съ своими друзьями разсуждалъ о безсмертіи

души. Платонъ записывалъ, дабы передать потомству слова его; всѣ ученики около его стояли въ молчаніи, и когда благородное его сердце перестало биться; то всякій изъ нихъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ въ лучшемъ мірѣ получитъ вѣнецъ за свои добродѣтели.

Сократъ, какъ и всѣ великіе преобразователи Философіи, не основывалъ особенной школы: онъ не желалъ единообразія въ мысляхъ, которое потребно для основанія школы, но предоставлялъ всѣмъ умамъ, образовавшимся у него, дѣйствовать своимъ независимымъ образомъ. Уроки его, въ коихъ онъ касался важнѣйшихъ предметовъ, не составляютъ полной Философской системы. Его ученики, подобно наслѣдству, раздѣлили между собою на различныя части ученіе своего учителя. Это раздѣленіе произошло въ слѣдствіе духа свободы, возбужденной въ нихъ Сократомъ. Всякій изъ нихъ, смотря по способностямъ своего ума и направленію своихъ идей, занимался своею частію; — иной метафизикою, другой нравоученіемъ, иной Логикой, были и такіе, которые имѣли столь обширный умъ, что обнимали всѣ различныя части Философской науки. Извѣстно, какой успѣхъ имѣли въ этомъ отношеніи Платонъ и Аристотель. Нѣкоторые изъ Сократовыхъ друзей, не желая объяснить по своему принятыхъ ими отъ него правилъ, довольствовались сначала сохраненіемъ оныхъ. Въ числѣ таковыхъ были: Ксенофанъ, достойный защитникъ своего учителя; Эсхинъ, который столь

искренно былъ преданъ Сократу, что не находилъ, по словамъ его, чѣмъ бы его возблагодарить, и который въ своихъ разговорахъ со всею вѣрностію передалъ нравоученіе своего наставника; Критонъ и Симонъ, которые описали множество разговоровъ Сократовыхъ, къ сожалѣнію, утраченныхъ; Главконъ, Симміасъ, Цебей, котораго почитаютъ сочинителемъ разговора, извѣстнаго подъ названіемъ таблица Цебеева, изображающая нравственную жизнь человѣка.

ЧАСТНЫЯ СИСТЕМЫ, ПРОИЗШЕДШІЯ ОТЪ ШКОЛЫ СОКРАТОВОЙ.

§ 22. Антисѳенъ и Аристиппъ, первые изъ учениковъ Сократа основали философскія школы. Каждый изъ нихъ слѣдовалъ путемъ, сообразнымъ его личнымъ наклонностямъ, и каждый, какъ это случается всегда въ появляющихся системахъ, неотступно держался, и исключительно уважалъ начало, заимствованное отъ своего учителя. Антисѳенъ поставилъ добродѣтель въ постоянномъ торжествѣ надъ всѣми чувственными удовольствіями; посему то онъ подвергалъ себя и учениковъ своихъ лишеніямъ, и совершенство нравственное щиталъ жертвоприношеніемъ Богамъ. Бѣдное и незнатное состояніе, въ которое онъ былъ поставленъ породою, сдѣлало для него добродѣтель легкою, а склонность къ меланхоліи и развращенное роскошью, сластолюбіемъ и удовольствіями общество усиливали въ немъ расположеніе къ строгости въ поведеніи. Аристиппъ напротивъ пос-

тавлялъ добродѣтель въ благополучіи, не почитая впрочемъ благополучіемъ тѣхъ удовольствій, которыя унижаютъ человѣка, и чрезмѣрное употребленіе коихъ уподобляетъ его скотамъ. Къ таковому мнѣнію о добродѣтели привели его: веселый городъ Кирена, гдѣ онъ родился отъ богатыхъ родителей; веселый и любезный его характеръ, связи съ блестящимъ обществомъ, и предметы вкуса и удовольствій, коими онъ былъ непрестанно окруженъ. Оба эти философы верховное благо почитали цѣлію существованія человѣческаго, и всѣхъ силъ разумѣнія. Первый изъ нихъ, почитая благомъ только справедливость, или сообразность съ закономъ Божественнымъ, т. е. освобожденіе отъ всѣхъ нуждъ, основалъ школу философовъ Циническихъ, коихъ Дежерандо называетъ подвижниками Сократова нравоученія, а другой, поставляя верховное благо во внутреннемъ удовольствіи, основалъ школу Киренаиковъ, которая, по естественному послѣдствію этаго начала, окончилась составленіемъ школы философовъ, приверженныхъ къ удовольствію, и извѣстныхъ развратными нравами.

ЦИНИКИ.

§ 23. Не взирая на строгость правовъ, служившую основаніемъ ученія Антисѳенова, онъ много собралъ учениковъ, самымъ дѣломъ оправдавшихъ его уроки; они были названы Циниками или по гимназіи Циносаргекой, гдѣ имъ Антисѳенъ преподавалъ свои уроки, или по неопрятной ихъ жизни. Между ими славны: Діогенъ Си-

нопскій, жившій въ бочкѣ, извѣстный странностію своихъ поступковъ; онъ себя называлъ псомъ κυων. Кратесъ Θивейскій съ женою своею Иппархіей, которую Сократъ научилъ презирать удовольствія жизни и всѣ выгоды красоты. Онесикритъ, Метроклъ, Монимъ, Медемъ и Менипп менѣе извѣстны, и не столько оказали услугъ Философіи. Циническая школа облагородилась превращеніемъ въ школу Стоиковъ, основанную Зеноном Циттійскимъ.

КИРЕНАИКИ.

§ 24. Послѣдователямъ Аристиппа дано названіе Киренаиковъ по городу Африканскому Киренѣ, гдѣ онъ родился. Они почитали источникомъ истины только свидѣтельство чувствованій, получаемыхъ душею отъ впечатлѣній предметовъ; а благо заключали въ пріятныхъ чувствованіяхъ; этѣ чувствованія служили для нихъ основаніемъ въ сужденіи о вещахъ, причиною желанія ихъ, и должны были, по мнѣнію ихъ, служить правиломъ нашей жизни.

Аристиппъ Метродидактъ (ученикъ матери) потому что онъ получилъ образованіе отъ матери своей Ареты, дочери перваго Аристиппа, а послѣ эти начала привелъ въ порядокъ, и составилъ Философію удовольствія, по коей назывались ученики его любителями удовольствія. Θеодоръ Киринейскій, прозванный безбожникомъ, отвергъ дѣйствительность общаго признака истины, и чрезъ это

подалъ случай къ основанію школы Скептической; его выгнали изъ Аѳинъ за насмѣшки надъ таинствами. Евмеръ Мессинскій, Біонъ Борисѳенскій, по этому же началу обсуживали народное вѣроисповѣданіе. Егезій училъ что наша природа совершеннаго удовольствія не можетъ достигнуть, и что жизнь не имѣетъ никакой цѣны, посему смерть ему казалась предпочтительнѣе оной.

Аннисеръ старался предотвратить нелѣпыя послѣдствія этой системы, и согласить ее съ чувствомъ дружества и патріотизма, посредствомъ пріятнѣйшаго удовольствія, происходящаго отъ снисходительности, и приблизился къ понятіямъ Эпикура, отъ успѣховъ котораго цала школа Киренайская.

ШКОЛА МЕГАРІЙСКАЯ.

§ 25. Эвклидъ, основатель школы Мегарійской, почерпнулъ свое образованіе изъ сочиненій Парменида, и логики Зенона; посѣщая наконецъ школу Сократа, и плѣнившись его характеромъ, онъ старался подражать ему, но не принимая совершенно всѣхъ правилъ его. Аристиппъ и Антисѳенъ главнѣйше заняты были нравственностію, а Эвклидъ обратилъ вниманіе на другую часть наставленій Сократовыхъ, — на діалектику и переработалъ ее по идеямъ Элеатиковъ. Эвбулидъ, его преемникъ, почитается изобрѣтателемъ семи софизмовъ, упоминаемыхъ во всѣхъ Философіяхъ: (*) изъ нихъ из-

(*) Вотъ нѣсколько примѣровъ его силлогизмовъ. 1. Евбулидъ съ головы

вѣстнѣйшія суть: Соритъ рогатый, плѣшивый, двусмысленный, ложный. Не взирая на мнимую важность этаго изобрѣтенія, оно не составляетъ его славы. Философы этой школы вскорѣ занялись тонкостями, мало полезными для науки, и заслужили наименованіе Философовъ спорщиковъ. Стилпонъ, главный въ этомъ родѣ искуства, но уважаемый за характеръ и добродѣтели, отвергъ достовѣрность и положительную дѣйствительность общихъ понятій. Мнѣнія его касательно этаго предмета заставили Философовъ заняться изслѣдованіемъ о правильномъ употребленіи всеобщихъ истинъ. Этотъ предметъ еще до сихъ поръ не извѣстенъ и удовлетворительно не разрѣшенъ.

ШКОЛА ЭЛЙСКАЯ И ЭРЕТРЙСКАЯ.

§ 26. Школы, основанныя Федономъ Элійскимъ, и Менедемомъ Эретрійскимъ, весьма сходны между со-

---

до ногъ закрывалъ знакомаго человѣка и потомъ спрашивалъ слушателей: знаетели вы сего человѣка? они отвѣчали: нѣтъ. Евбулидъ умозаключалъ: Вы незнаете этаго человѣка; а этотъ человѣкъ есть вашъ другъ; слѣдовательно вы незнаете вашего друга. 2. Эвбул. Кого ты называешъ плѣшивымъ? слуш. Кто не имѣетъ волосовъ. Эвбул. Но если бы кто имѣлъ одинъ волосъ: тотъ былъ ли бы плѣшивымъ? Слуш. Да! Эвбул. А если бы кто имѣлъ два, три четыре волоса? Слуш. Да! Эвбул. слѣд. кто имѣетъ одинъ, два три волоса, тотъ не плѣшивъ 3. Чего ты не потерялъ; то имѣешъ; а роговъ ты не потерялъ; слѣд. рога ты имѣешъ. 4. Эпименидъ говоритъ, что всѣ Критяне лжецы; слѣд. Эпименидъ солгалъ; слѣд. Критяне не суть лжецы; слѣд. Эпименидъ не солгалъ; слѣд. Критяне суть лжецы.

бою и близки къ школѣ Мегарійской. Федонъ, вѣрный ученикъ Сократа, издалъ въ разговорахъ мнѣнія своего учителя; а Менедемъ, ученикъ Стилпона, разпространилъ начала его въ Эретріи.

Безъ сомнѣнія отъ споровъ и тонкостей обѣихъ этихъ школъ, Пирронъ Элійскій и Тимонъ Фліонтійскій впали въ скептицизмъ. Первый возвратившись изъ похода съ Александромъ, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Анаксархомъ, сдѣлался жрецомъ въ Элеѣ, отечественномъ городѣ. Онъ утверждалъ, подобно Сократу, что одна добродѣтель заслуживаетъ уваженіе, и что все прочее, не исключая и знанія, безполезно и невозможно.

На основаніи послѣдняго положенія, которое имѣетъ нѣкоторое сходство съ ироніею Сократическою, онъ говорилъ, что противоположеніе началъ доказываетъ непостижимость вещей. Посему мудрый долженъ удерживаться отъ рѣшительныхъ сужденій, и стараться о безстрастіи; этотъ скептицизмъ, допущенный въ первый разъ Пирономъ и его школою, извѣстенъ еще изобрѣтеніемъ самаго слова, ἐποχῆς.

Тимонъ, врачь Фліонтійскій, разкрылъ болѣе сей Скептицизмъ, утверждая, что ученіе современныхъ школъ, а особенно школы Платоновой и Аристотелевой, основываются на однихъ предположеніяхъ, и недоставляютъ ни познаній о человѣкѣ, ни руководствуютъ къ благо-

получію, и что должно слушать только голоса собственной природы, т. е. чувства, и чрезъ нерѣшительность сужденія въ теоріи стараться достигать непарушимаго покоя души. Мы увидимъ далѣе, что этотъ Пирроновъ Скептицизмъ, послѣ полнаго разкрытія Греческой Философіи, снова повторится въ видѣ систематическомъ, и усилится подъ руководствомъ Энезидема и Секста Эмпирика. Доселѣ мы видѣли только первые опыты Греческой Философіи: можно предполагать, что послѣ этаго незначительнаго явленія, не погаснетъ стремленіе, сообщенное уму человѣческому геніемъ Сократовымъ. Два человѣка будутъ играть главную ролю на сцѣнѣ Философіи; сообщенное ими направленіе долгое время неизгладится. Послѣ нихъ разумъ человѣческій будетъ только переходить отъ одного изъ нихъ къ другому; и въ составѣ исторіи Философіи будетъ входить только споръ двухъ школъ, ими основанныхъ.

БОЛѢЕ ПОЛНЫЯ СИСТЕМЫ, ПРОИЗШЕДШІЯ ИЗЪ ШКОЛЫ СОКРАТОВОЙ.

§ 27. Приступая къ изложенію этихъ различныхъ системъ, означимъ ту степень, которой достигла Греческая Философія. Не взирая на различіе предметовъ занятія разума человѣческаго, онъ ихъ обработываетъ, въ слѣдствіе двухъ видовъ познанія, по двоякимъ понятіямъ, кои служатъ закономъ нашего разумѣнія, и кои явственно изображаются во всѣхъ системахъ, доселѣ нами разсмотренныхъ. Въ самомъ дѣлѣ Философія, занимаясь

изученіемъ явленій міра и отношеній, посредствомъ которыхъ человѣкъ сообщается съ нимъ, допускала и не могла не допустить въ матеріи съ одной стороны ея вида, ея обнаруженія т. е. различныхъ принадлежностей тѣлъ, пространства, дѣлимости, твердости, цвѣта и проч.; съ другой самаго протяженнаго, дѣлимаго, твердаго, цвѣтнаго и проч. первообразной субстанціи, существующей подъ различными видами, въ коихъ она представляется нашимъ чувствамъ. Разсуждая о пространствѣ, она прежде всего видѣла пространство, опредѣленное и ограниченное, представляющееся нашимъ чувствамъ, далѣе пространство безусловное, познаваемое только разумомъ. Разсматривая числа и количества, она замѣтила многочисленность, и въ тоже время единицу, отъ которой происходитъ многочисленное, и безъ которой множественное не понятно. Разсуждая о времени, она сначала допустила время опредѣленное, время въ собственномъ смыслѣ, далѣе время самобытное, безусловное, т. е. вѣчность. Обративъ вниманіе на формы, она получила понятіе о формѣ опредѣленной, ограниченной и измѣняемой, потомъ понятіе о главной причинѣ этой формы, которая неограничена, словомъ идею безконечнаго. Видя въ явленіяхъ, подлежащихъ чувствамъ безпредѣльный рядъ дѣйствій и причинъ, она сначала увидѣла взаимную связь дѣйствій и причинъ, такъ что каждая причина въ свою очередь происходила отъ высшихъ причинъ; но немогла въ тоже время не признать первой причины, которая дѣйствуетъ сама по себѣ и

выше коей нельзя уже найти причины. Кратко сказать, она съ одной стороны допустила видимость, опредѣленное пространство, многосложность, конечность, дѣйствіе; съ другой: — первоначальное существо, единство, безконечность, причину. Эти оба рода понятій, которыя нынѣ называютъ понятіями случайными и необходимыми, находящіяся въ умѣ всѣхъ людей, долженствовали понеобходимости явиться въ Философіи. Но Философія вмѣсто того, чтобы уяснить ихъ размышленіемъ, принуждена была разсматривать ихъ отдѣльно.

Школа Іонійская обратила свое вниманіе собственно на первыя, а вторыя составляли предметъ размышленій школы Италійской. Мы видѣли, что каждая изъ нихъ въ своей части произвела важныя дѣйствія; но обѣ, начавъ положительнымъ ученіемъ, впали въ гипотезы. Школа Іонійская имѣла погрѣшность думать, что изучивъ въ мірѣ разнообразіе, сложность и конечность, не нужно ей идти далѣе, и что все уже познаніе пріобрѣтено. Но какъ видимость, сложность, конечность, разнообразіе принадлежатъ только матеріи; то міръ, душа и Богъ, по ея мнѣнію, состояли изъ атомовъ, болѣе или менѣе тонкихъ, но всегда матеріальныхъ; и по этому она допустила матеріализмъ, а слѣдовательно и Атеизмъ; къ коимъ приводитъ Философія чувственная, односторонняя.

Школа Италійская, вступивъ на противный путь, равнымъ образомъ допустила такія положенія, коихъ

нельзя не признать очевидными и глубокомысленными но Элеатики, принявшіе эти положенія, не обращали должнаго вниманія на порядокъ явленій, о коихъ свидѣтельствуютъ чувства, и признавали дѣйствительность только того, къ чему приводили ихъ отвлеченія. Отсюда произошелъ, въ противность Сенсуализму Іонійскому, такой идеализмъ, который смѣшивая дѣйствіе съ причиною, конечное съ безконечнымъ, матерію съ основаніемъ (substania), тотчасъ достигъ главнаго предѣла философіи идеалистической, т. е. отвергъ всякое дѣйствительное бытіе.

Общій смыслъ, который не можетъ представить единства безъ множества, безконечнаго безъ конечнаго, существа безъ явленій, причины безъ дѣйствія, по необходимости долженствовалъ возстать противъ тѣхъ положеній, кои защищала та и другая школа. Дѣйствительно, когда Іонійцы и Элеатики совратились съ истиннаго пути, скептицизмъ, который въ началѣ есть слѣдствіе общаго смысла, предложилъ возраженія и сомнѣнія противъ ихъ системъ. Необходимость защищаться вооружила Философовъ діалектикою; очевидно, сколь значительна услуга Зенона. Но эта діалектика, своею односторонностію только умножила сомнѣнія. Софисты, воспользовавшись расположеніемъ умовъ, распространили просвѣщеніе и доказали необходимость утверждать познанія человѣческія на твердыхъ и непоколебимыхъ основаніяхъ. Философія должна была имѣть

средство къ тому, чтобы отразить чрезмѣрныя требованія идеализма и сенсуализма; это средство доставилъ Сократъ. Въ школахъ Цинической, Киринейской и Мегарійской, Философія Греческая какъ бы училась ходить, теперь слѣдуетъ посмотрѣть на нее въ парсніи Платона, которое принадлежитъ къ числу блистательнѣйшихъ явленій.

ПЛАТОНЪ.

§ 28. Природа надѣлила Платона разнообразнѣйшими дарами, какъ будтобы для того, чтобы представить въ немъ философскій Геній; ему нѣтъ равнаго изъ философовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Умственное образованіе содѣлало его способнымъ къ исполненію важной роли, на него возложенной. Онъ родился отъ Аристона, потомка Кадмова и Периктіоны, происходившей отъ Солона. Чтеніе поэтовъ было первымъ его занятіемъ, а подражаніе первымъ его желаніемъ. Онъ постепенно упражнялся въ поэзіи лирической, эпической и драмматической (*), потомъ посвятилъ себя музыкѣ и живописи; но оставилъ весьма скоро сіи юношескія занятія, дабы предаться размышленіямъ важнѣйшимъ. Мѣс-

(*) Въ Греческой Анѳологіи есть небольшее стихотвореніе, Эротическаго содержанія, приписываемое Платону. Подлинность его довольно сомнительна. Впрочемъ рѣшительно извѣстно, что Платонъ сожегъ свою Эпопею уже конченую, потому что она неравнялась съ Эпопеею Гомера. Ael. 11, 30.

то ихъ заступила Геометрія; она ему служила руководствомъ въ изслѣдованіяхъ умозрительныхъ. По этому на основаніи собственнаго примѣра онъ не позволялъ обучаться философіи тѣмъ, кои незнали Геометріи. Въ философіи первые уроки преподали ему Кратилъ и Гермогенъ, познакомившіе его съ ученіемъ Гераклита и Парменида. Вѣроятно что нѣсколько времени Платонъ слушалъ наставленія въ краснорѣчіи у Софистовъ: поелику сперва имѣлъ намѣреніе дѣйствовать на поприщѣ политическомъ, на которомъ открывались ему привлекательные виды и по его происхожденію отъ древней благородной фамиліи, и по его славолюбію, и по блистательному примѣру Перикла. Всего же болѣе Платонъ образованіемъ своимъ обязанъ Сократу, котораго уроками пользовался съ 20 до 28 года своей жизни, т. е. до смерти своего наставника. Послѣ сего горестнаго событія онъ съ большею частію своихъ товарищей удалился въ Мегару, гдѣ Эвклидъ около сего времени основалъ философскую школу. Не нашедъ, вѣроятно, и здѣсь удовлетворенія своему любознательному духу, онъ вскорѣ предпринялъ путешествіе, для обогащенія себя теоретическими познаніями, такъ какъ школа Сократова ограничивалась преимущественно познаніями практическими. Прежде всего онъ отправился въ нижнюю Италію и познакомился съ Пиѳагориками Архитомъ, Евдоксомъ и можетъ быть съ Тимеемъ, и былъ принятъ въ ихъ философское общество. За симъ отплылъ въ Кирену для слушанія уроковъ знаменитаго въ то время Математика Ѳеодора. Изъ

Кирены путешествовалъ въ Египетъ, въ которомъ, по свидѣтельству Іудейскихъ писателей, Іосифа Флавія и Аристовула и Отцевъ церкви св. Іустина мученика, св. Климента Александрійскаго, Евсевія, св. Кирилла Александрійскаго, Ѳеодорита, св. Амвросія, Августина и другихъ имѣлъ случай ознакомиться съ высокимъ ученіемъ Евреевъ. Отсюда Платонъ желалъ отправиться на востокъ: но походъ Артаксеркса противъ Египта тому воспрепятствовалъ. Впрочемъ увѣряютъ нѣкоторые писатели, что ему удалось по крайней мѣрѣ побывать въ Финикіи. Онъ прибылъ въ Сицилію и знакомство съ Діонисіемъ старшимъ едва не стоило ему жизни. Объѣхавъ всю Грецію, онъ узналъ всѣ обряды государственныхъ постановленій, законы и нравы народовъ, жилъ при дворахъ, былъ въ сношеніи съ Государями и ревнуя о своей независимости, основалъ собственное правленіе въ учрежденной имъ Академіи (*). Въ семъ предмѣстіи Аѳинскомъ, около 36 лѣтъ, онъ началъ всенародно преподавать Философію съ такимъ успѣхомъ, что, для слушанія его уроковъ стекались соотечественники и иностранцы, юноши и старцы, простолюдины и вельможи, какъ то: Тимофей, Гиперидъ, Фокіонъ, Димосѳенъ и другіе. Подъ старость онъ еще два раза посѣщалъ Сицилію и

(*) Академіею называлось гульбище, лежавшее внѣ стѣнъ Аѳинскихъ, по имени перваго своего владѣльца: Это мѣсто существовало до Силлы, который дерева Академическія употребилъ на осаду Аѳинъ. Въ сторонѣ сей Платоновой школы находился малый храмъ, посвященный музамъ.

не могъ угодить Діонисію младшему. Послѣ сего онъ не оставлялъ своей Академіи до смерти, послѣдовавшей въ первый день 82 года его жизни. Тѣло его погребено вблизи Академіи. Аѳиняне во свидѣтельство всенароднаго уваженія и благодарности къ столь отличному мужу, воздвигли надъ нимъ памятникъ, а ученики долгое время праздновали день его рожденія, воспоминая въ тоже время и день его кончины.

Платонъ совокупилъ въ своемъ ученіи все, что лучшаго до него открыто было единоплеменными ему писателями мудрости. Впрочемъ онъ не ограничился подражаніемъ предшественникамъ, но обогатилъ науку и собственными открытіями. Система его, разсматриваемая въ цѣломъ, есть оригинальное произведеніе его Генія, и съ Аристотелевою составляетъ цвѣтъ всей Еллинской мудрости.

Для письменнаго и, безъ сомнѣнія, устнаго изложенія ученія своего Платонъ избралъ форму разговора. Къ сему могли расположить его и примѣръ Сократа, всегда съ успѣхомъ употреблявшаго сей методъ, и собственный его піитическій Геній, имѣвшій необыкновенное дарованіе къ сему роду сочиненія, и особенно то преимущество діалогической формы, что писатель, влагая свои мнѣнія въ уста другихъ, можетъ разсуждать съ большею свободою, и отклонять отъ себя отвѣтственность въ тѣхъ мысляхъ, которые не согласны съ Религіею или политикою его соотечественниковъ. Вообще судя

по демократическому духу Аѳинянъ, всего безопаснѣе было для Платона скрывать отъ нихъ свои высокія свѣдѣнія, выводя на сцену вмѣсто себя другихъ мудрецовъ, а гдѣ касалось до важнѣйшихъ истинъ, опираясь на авторитетъ высшій.

Но сіи выгоды діалектической формы, выгоды личныя и мѣстныя, естественно не имѣютъ цѣны общей и постоянной. Множество подробностей, занимательныхъ для современниковъ Платона, для насъ не имѣютъ ни какого значенія. Осторожность, съ каковою онъ касается важнѣйшаго метафизическаго пункта, ученія о Богѣ, и разсуждаетъ о предметахъ всенародной вѣры Аѳинянъ, заставляя согласоваться съ нею Сократа и другихъ достопочтенныхъ мыслителей, — скрываетъ отъ насъ подлинныя его мысли о многихъ самыхъ интересныхъ и самыхъ Философскихъ проблемахъ. Къ сему присовокупить надобно; a) языкъ, недостаточно обработанный для Философской терминологіи; b) тогдашнее несовершенство логики и діалектики, бывшее причиною того, что Платонъ приводитъ иногда такія доказательства, даетъ такія опредѣленія понятіямъ, которыя нынѣ кажутся пустымъ словосплетеніемъ; c) аллегоріи и мифы, которыми онъ старался угождать вкусу своихъ современниковъ и своей піитической склонности къ мечтательности и мистицизму, малополезны. Если сообразить всѣ сіи обстоятельства, то никому конечно не покажется удивительнымъ, что многіе пункты его ученія до се-

го времени не совсѣмъ ясны, — тѣмъ болѣе, что дошедшія до насъ сочиненія Платона едва ли представляютъ систему его въ подлинномъ ея видѣ: поелику сообразуясь съ примѣромъ своихъ предшественниковъ и съ духомъ времени, Платонъ имѣлъ и Философію для всѣхъ открыто преподаемую и догматы сокровенные *δόγματα ἀπόῤῥητα.*

Какъ около солнца обращаются прочія планеты: такъ всѣ философскія положенія Платона движутся около славнаго его ученія объ идеяхъ. Высокіе образцы нравственности, представляемые Сократомъ, безъ всякаго сомнѣнія внушили Платону первоначальныя понятія о тѣхъ основныхъ, вѣчныхъ мысляхъ или умоначертаніяхъ, которыя существуютъ независимо отъ человѣческаго умоображенія, открываются въ человѣческомъ духѣ и однакожъ имѣютъ дѣйствительную предметность, несвязуемую условіями пространства и времени. Разумъ есть главный источникъ нашего познанія, въ коемъ a priori находятся прирожденныя понятія, составляющія основаніе всѣхъ нашихъ мыслей и побудительное начало нашихъ поступковъ. Къ симъ вѣчнымъ образцамъ всего истиннаго, добраго и изящнаго посредствомъ мыслей мы относимъ безконечное разнообразіе частныхъ предметовъ, такъ что познаніе не производится а токмо развивается опытомъ.

Примѣч. Идеи Платона превосходно объясняетъ Цицеронъ (Orat. c. 2) въ слѣдующихъ словахъ: Nec vero ille artifex Phidias, cum faceret Iovis formam, contemplabatur aliquem e qvo similitudinem duceret, sed

Орлы парятъ подъ облаками; но неходятъ прямолинейно по земли, какъ люди: Платонъ постоянно высокъ; но не его піитической изобрѣтательности предоставлено точнымъ образомъ разрѣшить цѣлость Философскаго ученія на свои части. Дабы и многократное чтеніе Платоновыхъ сочиненій въ подлинникахъ не осталось безполезнымъ, историкъ Философіи обязанъ представить его мысли въ ученой связи и порядкѣ. Всю Философію Платона можно раздѣлить на его 1) Діалектику, содержащую въ себѣ Θеорію познанія и Метафизику и его 2) нравственное ученіе и Политику. Главныя положенія Платоновой Физики можно отнести къ его Діалектикѣ, хотя онѣ, по понятію сего Философа, и не имѣютъ Метафизической несомнѣнности, а принадлежитъ къ области познаній правдоподобныхъ.

---

ipsius in mente insidebat species pulchritudinis eximia qvaedam, qvam intuens in eaqve defixus, ad illius similitudinem artem et manum dirigebat. Ut igitur in formis et figuris est aliqvid perfectum et excellens, cujus ad cogitatam speciem, imitando referuntur ea, qvae sub oculos ipsa cadunt; sic perfectae eloqventiae speciem animo videmus, effigiem avribus qvaerimus. Has rerum formas appellat ideas Plato, easqve gigni negat, et ajit semper esse, ac ratione et intelligentia contineri; caetera nasci, occidere, fluere, labi, nec diutius esse uno et eodem statu. Qvidqvid est igitur, de qvo ratione et via disputetur, id est ad ultimam sui generis formam speciemqve redigendum. И въ другомъ мѣстѣ; (Acad. qvaest 1. 8) mentem volebant Academici rerum esse judicem, qvia sola cerneret id, qvod semper esset, simplex, et unius modi et tale qvod esset id est idem. Мнѣніе Цицерона занято изъ самаго Платона Repub. IV pag. 116 edit Biponti. Впрочемъ многія техническія слова Греческихъ Философовъ Цицеронъ переводитъ весьма худо.

Діалектика и Физика.

§ 29. 1) Платонъ различаетъ два рода познаній: опытныя и чисто умственныя. Первыя получаетъ духъ нашъ посредствомъ наблюденій. Внѣшнія вещи дѣйствуя на органы чувственные, производятъ въ насъ ощущенія и созерцанія предметовъ чувственныхъ. Полученныя такимъ образомъ представленія хотя не всѣ, сберегаетъ въ духѣ *память*. Она подобна воску, коего различная доброта изъясняетъ неодинаковость сей способности въ различныхъ недѣлимыхъ. Въ памяти представленія хранятся не замѣтнымъ образомъ и воззываются отъ времени до времени въ сознаніе *воспоминаніемъ*. Воспоминаніе о созерцанныхъ предметахъ возбуждается созерцаніемъ предметовъ подобныхъ или даже не подобныхъ, во время чувственнаго наблюденія въ связи съ наблюдаемыми вещами. Иногда душа воспоминаетъ сама собою, независимо отъ внѣшнихъ напоминаній. Съ такимъ созерцаніемъ и представленіемъ образовъ чувственныхъ предметовъ не надобно смѣшивать познанія опытнаго: первыя суть только условія послѣдняго. Съ дѣятельностію чувственныхъ органовъ сопряжена дѣятельность не только воображенія, но и разсудка, который опредѣляетъ свойства предметовъ созерцанія. Разсудокъ, какъ опытная сила сужденія, имѣетъ нужду въ словахъ, такъ какъ и вообще все мышленіе есть ни что иное, какъ внутренній разговоръ. Изъ сужденія о чувственномъ созерцаніи и соединеннаго съ онымъ представленія, вос-

производимаго воображеніемъ, составляется опытное познаніе предмета чувственнаго, и послѣдующее за симъ откровеніе онаго предмета сознанію есть *явленіе*. Сужденіе, нами при семъ произносимое, есть ни что иное какъ отвѣтъ на вопросъ, который мы сами себѣ предлагаемъ: что такое созерцаемый нами и воображеніемъ представляемый предметъ, и какое его къ намъ отношеніе? Вопросъ сей есть *размышленіе*, которое слѣд. какъ актъ мышленія, предуготовляющій сужденія, отличенъ отъ него, какъ результата. Въ кругу познаній опытныхъ духъ нашъ дѣйствуетъ несвободно, но связанъ тѣлесною организаціей. Предметомъ сихъ познаній служитъ индивидуальное, преходящее бытіе. Свойства и состоянія, усматриваемыя въ чувственныхъ предметахъ, никогда не бываютъ продолжительно равны сами себѣ; но измѣняются въ каждое мгновеніе, и не имѣютъ того чистаго совершенства, какое сообразно съ ихъ природою; но всегда въ нихъ есть примѣсь свойствъ противоположныхъ и множество недостатковъ. Итакъ опытъ не представляетъ намъ ничего твердаго и прочнаго; въ немъ нельзя найти ни одного существа, которое бы вѣрно и точно соотвѣтствовало своему назначенію, изчерпывало всѣ совершенства, возможныя по его натурѣ. По сей причинѣ и познанія опытныя не имѣютъ характера познаній несомнѣнныхъ. Въ опытной сферѣ истинное сужденіе отличается отъ ложнаго: первое бываетъ тогда, когда образъ вещи, возобновленный воспоминаніемъ и примѣта, приписываемая ей силою сужденія, согласны

съ примѣтами вещи дѣйствительной, падающей подъ чувства; послѣднее произходитъ въ противномъ случаѣ. Но поелику познаніе опытное касается бытія временнаго и пространственнаго, непрестанно измѣнзющагося, отъ одной противоположности непрерывно переходящаго къ другой, котораго по сему нѣтъ возможности охарактеризовать твердо и надежно; то не льзя его назвать знаніемъ въ строгомъ смыслѣ. Это не болѣе какъ убѣжденіе, хотя не чисто субъективное; но временное и шаткое.

2) Кромѣ опытныхъ познаній, есть въ насъ познанія *умственныя*. Это суть помыслы, которые духъ нашъ раскрываетъ, въ себѣ самомъ независимо отъ участія тѣла, самодѣятельно т. е. посредствомъ углубленія въ самаго себя; помыслы, въ которыхъ мы созерцаемъ окомъ ума, и достаточно познаемъ, простую, чистую, неизмѣнную, себѣ самой всегда равную сущность вещей, бытіе подлинное. Сія вѣчная подлинная сущность вещей есть всеобщее, коему частное и измѣнчивое подобно и сопменно; оно есть совокупность свойствъ необходимыхъ и вѣчныхъ, какія мы исчисляемъ въ опредѣленіи каждаго родоваго понятія о предметахъ природы, ихъ силахъ, свойствахъ и отношеніяхъ. Напр. мы различаемъ поступки добрые, справедливые, благородные, вещи разныя, тѣла круглыя, многоугольныя и проч. но подлинно добраго, праведнаго, благороднаго мы въ опытѣ невидимъ. Это открываетъ намъ чистое мышленіе. Въ мірѣ явленій нѣтъ ничего, чтобъ вполнѣ и въ точности

соотвѣтствовало общему понятію; и однакожъ понятіе сіе служитъ маштабомъ, помощію котораго измѣряемъ и оцѣниваемъ сопменныя ему недѣлимыя вещи и дѣйствія, и опредѣляемъ степень ихъ превосходства. Изъ сего видно, что мы получаемъ его не изъ опыта. Познаніе общихъ понятій и истинъ, посредствомъ углубленія въ самихъ себя, Платонъ называетъ воспоминаніемъ. Человѣческая душа, по его мнѣнію, существовала прежде своей земной жизни и находилась въ состояніи совершеннѣйшемъ: наслаждалась непосредственнымъ созерцаніемъ непреходящей сущности вещей. По соединеніи съ тѣломъ, она приходя отъ дѣйствія на нее внѣшняго міра въ сознаніе самой себя, и встрѣчая предмѣты, по содержанію подобные тѣмъ первообразамъ, припоминаетъ и сіи послѣдніе. И чѣмъ болѣе углубляется она въ себя, и размышленіемъ помогаетъ своей памяти, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе возвращаетъ себѣ прежнее свое достояніе. Доказательствомъ сему служитъ и то, что сознаніе общихъ представленій и истинъ легко развить можно во всякомъ человѣкѣ посредствомъ однихъ вопросовъ. Сего невозможно было бы сдѣлать, если бы оцѣ ненаходились заранѣе въ душѣ его. (*)

3) Два рода общихъ и чистыхъ понятій: понятія

(*) Phaed. p. 73. a. In Men. p. 82. b. seq. Сократъ подзываетъ къ себѣ раба Менона, и въ присутствіи Платона посредствомъ однихъ вопросовъ пробуждаетъ въ немъ ясное сознаніе, или, воспоминаніе объ одной Геометрической теоремѣ.

математическія и *идеи*. Онѣ различаются между собою своею формой и употребленіемъ. *Формой*: ибо каждое число, каждую фигуру отвлеченную можно представить въ сознаніи безчисленно различнымъ образомъ, и всѣ сіи представленія въ сущности своей равны одно другому; идея напротивъ есть представленіе единичное, однообразное. *Употребленіемъ*: математика утверждается на основоположеніяхъ, хотя очевидныхъ и вѣрныхъ, но предполагающихъ нѣчто высшее - основаніе всякаго вѣдѣнія и бытія. Не выводя ихъ изъ сего основанія, она идетъ отъ нихъ далѣе и далѣе (progressiue) цѣпью слѣдствій, до самонижайшаго заключенія. При семъ въ Геометріи, для большей ясности и удобнѣйшаго удержанія въ памяти мыслимыхъ свойствъ пространства, употребляются чертежи, зримые внѣшнимъ окомъ, и помощію ихъ доказываются ѳеоремы. Не таково свойство идей. Ихъ нельзя почитать высочайшими основоположеніями науки, а сію развитіемъ ихъ посредствомъ умозаключеній. Онѣ суть подлинныя подположенія, ступени, по которымъ восходимъ къ тому, что не предполагаетъ ничего высшаго, къ безусловному, винѣ всего и каждаго, отъ коей уже обратнымъ путемъ надобно производить рядъ всего отъ ней зависимаго. Тутъ нельзя употребить чертежей, а надобно дѣйствовать въ сферѣ чистаго понятія. Сего-то рода изслѣдованіе, объемлющее всѣ высшіе предметы познанія, непредполагающее какого либо сторонняго, невходящаго въ его область вывода, должно осуществить вѣдѣніе, т. е. Философію.

4) Логическое значеніе идей, по которому онѣ суть представленія чистой и неизмѣняемой сущности вещей, есть слѣдствіе метафизическаго ихъ значенія. Въ семъ отношеніи онѣ суть вѣчные первообразы какъ всего міра, такъ и всѣхъ индивидуальныхъ существъ, подчиненныхъ законамъ необходимости и свободы. Силамъ природы, равно какъ и человѣческой волѣ, предначертана система правилъ и формъ. Необозримое множество и разнообразіе измѣняемыхъ веществъ, свойствъ и дѣйствій, немогло бы составить такой Гармоніи въ мірѣ; ряды предметовъ преходящихъ и измѣняемыхъ, разсматриваемые въ цѣломъ, не могли бы оставаться неизмѣнными, не могли бы, при видимомъ движеніи и измѣненіи всего, повторяться тѣже образы, тѣже или подобныя явленія, если бы царство дѣйствительности не управлялось правилами образованія и порядка; еслибъ разнообразіе его не сообразовалось съ ними, сколько по своей природѣ можетъ сообразоваться. Изъ сего слѣдуетъ: Система идей есть начало міра, служащее основаніемъ равномѣрности, единообразію и постолнству измѣняемаго. Сему началу противоположно другое, въ которомъ заключается основаніе разнообразія и измѣняемости вещей. Допустивъ сію противоположность, мы должны по необходимости допустить абсолютное основаніе міра, ни отъ чего не зависящее и все содержащее. Ибо само собою очевидно, что ни идеи, ни все разнообразіе вещей не имѣютъ бытія самостоятельнаго, безусловнаго, и первыя не могли произвести послѣдняго, ни послѣд-

нее первыхъ; немогли они произойти и отъ взаимнаго соединенія между собою.

5) Въ самобытной винѣ всяческихъ, отъ коей, какъ условія, зависятъ оба оныя противоположныя начала, различаются *два свойства* или двѣ силы, изъ которыхъ можно объяснить бытіе міра. Сіи силы суть тѣ самыя (только безпредѣльно совершенныя), какія мы усматриваемъ въ душѣ своей и почитаемъ основными силами ея жизни и дѣятельности, такъ, что Богъ въ семъ отношеніи является подъ видомъ жизненной силы и совершеннаго ума или духа. Ибо душа, поколику она противоположна тѣлу, есть съ одной стороны познающая и желающая, съ другой самодвижущаяся сила: между тѣмъ какъ сила тѣлесная работаетъ безъ сознанія, и не можетъ начать дѣйствія безъ внѣшняго возбужденія. Первой силѣ соотвѣтствуютъ *идеи* — чистые, первобытные, первообразные помыслы, произведенія и проявленія высочайшей безпредѣльной силы познаванія и хотѣнія, — Божескаго ума, мыслящаго въ оныхъ — высочайшее, вѣчно себѣ равное изящество и благо, и хотящаго, чтобы оныя открывались въ мірѣ. Имъ противоположно *разнообразіе измѣняемыхъ* вещей — продуктъ Божеской вседвижущей и измѣняющей силы, произведшей и самый субстратъ сего разнообразія: ибо Богъ есть послѣднее основаніе всего сущаго. (*) Поелику Богъ, первоисточникъ всякой

(*) Многіе держатся мнѣнія, будто Платонъ допускалъ какое-то независимое отъ Бога, самостоятельное, отъ вѣчности существовавшее

жизни, всякаго мышленія и всѣхъ измѣненій, хочетъ, чтобъ міръ, предметъ его дѣятельности, всегда существовалъ, благоволитъ открывать въ немъ свои совершенства столько, сколько могутъ оныя открываться въ зависимомъ бытіи: то сія послѣдняя высочайшая цѣль міра можетъ быть достигнута однимъ только способомъ, тѣмъ самымъ, который Божія премудрость признала наилучшимъ, и всемогущество приводитъ въ исполненіе. Отъ сего въ цѣломъ господствуетъ неизмѣнная необходимость,

---

вещество, которому Богъ сообщилъ только форму міра. Съ симъ мнѣніемъ имѣетъ связь другое: будто, по системѣ Платона, Богъ и міръ его идей существовали сперва отдѣльно отъ вещества, и міръ получилъ бытіе тогда уже, когда сіи два начала соединились. — Оба сіи мнѣнія несогласны съ духомъ Платонова ученія. Мѣста, которыя по видимому говорятъ въ пользу оныхъ, никакой разсудительный читатель не будетъ разумѣть въ собственномъ смыслѣ. При томъ ненадобно забывать, что Платонъ имѣлъ въ виду объяснить строеніе міра генетически. Послѣ сего весьма естественно, что онъ разсуждаетъ о произхожденіи міра во времени, который представлялъ себѣ вѣчно зависимымъ отъ безусловнаго существа. — Къ числу мѣстъ, въ которыхъ Платонъ прямо выражаетъ свои мысли о семъ предметѣ, относится и находящееся въ Филебѣ, гдѣ говорится, что верховная вина есть зиждительница какъ обоихъ оныхъ взаимно противоположныхъ началъ, такъ и того, что изъ сихъ началъ составилось. По увѣренію Плутарха περι της εν τιμαιφ ψυχογονιας pag. 1013 a. и Ь. древнѣйшіе Платоники, Ксенократъ и Кранторъ были того мнѣнія, что Платонъ почиталъ міръ вѣчнымъ, но разсуждалъ о началѣ его потому, что нельзя было бы объяснить связи между составными его частями и образа дѣйствованія Верховной силы и силъ подчиненныхъ, не предположивъ перваго пункта, съ котораго всѣ оныя силы - условія міра начали дѣйствовать.

утверждающался на неизмѣняемости Божія мышленія и хотѣнія. Способъ сей требуетъ различія и связи между опредѣляющими формами и опредѣляемымъ по онымъ веществомъ. То и другое должно быть противоположно между собою, должно быть двумя крайними - конечными точками всего зависимаго отъ Бога, дабы ихъ соединеніе обнимало все возможное и претворяло въ живую существенность. Изъ сихъ началъ легко можно объяснить существованіе зла въ мірѣ, отсутствіе въ ономъ совершенства, предобразуемаго Божескими идеями. Изъясняемое разнообразіе вещей, противоположное правиламъ порядка и вѣчнымъ идеаламъ, по необходимости стремится къ измѣненію и разрѣшенію всего получившаго правильный образъ, и производитъ безпорядокъ и спутанность, а слѣдственно Физическое и нравственное зло: ибо чрезъ это доставляетъ идеямъ случай и возможность раскрыть свою силу. Сіи непрерывно ограничиваютъ оное начало, обуздываютъ и приводятъ въ безпорядокъ; и это ихъ вѣчное противудѣйствіе сохраняетъ и питаетъ въ мірѣ жизнь и дѣятельность первообразующей силы и всѣхъ силъ, зависящихъ отъ ней. Богъ, въ слѣдствіе необходимости, налагаемой на него собственнымъ его умомъ, неможетъ уничтожить измѣняемости разнообразія: ибо иначе ему надлежало бы уничтожить одно начало бытія вещей зависимыхъ. Онъ неможетъ отнять у сего начала способности противиться порядку и правильности: ибо иначе въ мірѣ Физическомъ, равно какъ умственномъ и нравственномъ, прекратилась бы жизнь, предполагающая

развитіе силъ, и слѣд. требующая ихъ боренія и раздраженія. Итакъ онъ можетъ и благоволитъ въ извѣстной только высшей степени ограничивать злую такъ сказать душу міра т. е. силу начала, противоборствующаго единству, порядку и гармоніи. (*)

6) Изъ двухъ оныхъ противоположныхъ началъ Богъ произвелъ двѣ главныхъ степени зависимаго бытія, изъ которыхъ нижняя служитъ основаніемъ для высшей. Сію нижную степень составляютъ *тѣла*. Чистая сущность тѣлъ заключается въ идеяхъ. Вѣчныя ея свойства и обличія отпечатлѣваются въ измѣняемомъ началѣ вещей, и тѣмъ опредѣляютъ роды и виды тѣлъ отдѣльныхъ. Чтобъ правильно понимать различіе и отношеніе между идеальною сущностію тѣлъ и началомъ измѣняемымъ, не надобно представлять послѣднее тѣлесною массою, подлежащею чувствамъ. Еслибъ оно подлежало чувствамъ, имѣло какое либо качество, то не было бы началомъ, способнымъ ко всякому измѣненію, неопредѣленнымъ, но въ какомъ нибудь отношеніи было бы уже опредѣлено. Оно ни что иное есть, какъ нѣчто чисто-способное получать всѣ образы, формы и свойства въ непрерывной послѣдовательности, и опять разрѣшать оныя; оно не

(*) Богъ сотвореннымъ отъ него богамъ, т. е. тѣламъ небеснымъ, говоритъ, что они безсмертны и неразрушимы, не сами по себѣ, но по его неизмѣняемому и вѣчному дѣятельному изволенію: ибо начало измѣненія и уничтоженія и въ нихъ постоянно дѣйствуетъ, и противоположное ему начало можетъ только подчинять его себѣ, а не уничтожить. Politik. p. 273. b.

имѣетъ никакого качества, ни обличія, и поколику всеобъемлюще, наполняетъ собою все пространство, или лучше вмѣщаетъ его въ себѣ, и недоступно для чувственнаго наблюденія. Тѣлесному міру суждено подлежать чувствамъ. Два главныхъ свойства всего подлежащаго чувствамъ: видимость и осязаемость. Видимымъ ничто неможетъ быть безъ свѣта; — осязаемымъ — безъ твердости. Итакъ по необходимости надлежало быть огню и землѣ *элементами* міра тѣлеснаго. Но огонь и земля, какъ крайности, взаимно противоположны; не могутъ соединиться непосредственно и составлять одно цѣлое, не могутъ превратиться одно въ другое, — между тѣмъ, какъ однакожь, по началу гармоніи, въ мірѣ надлежитъ быть единству, и по началу измѣняемости, въ элементахъ должна содержаться возможность — перемѣненія одного въ другое. Для удовлетворенія тому и другому требованію, надлежало быть чему-либо среднему, посредствующему между огнемъ и землею. Если бы падающее подъ чувства имѣло только длину и ширину, а не глубину или высоту, то довольно было бы одного средняго члена для примиренія двухъ оныхъ крайностей. Но міру надобно было имѣть три намѣренія, и потому одного посредствующаго элемента мало. Итакъ между тѣми двумя противоположными стихіями, надлежало помѣститься еще двумъ — водѣ и воздуху, и въ слѣдствіе сего произошло между элементами такое отношеніе: огонь содержится къ воздуху, какъ воздухъ къ водѣ, а какъ воздухъ содержится къ водѣ, такъ вода къ землѣ. Такимъ

образомъ посредствомъ сгущенія огонь можетъ превращаться въ воздухъ, воздухъ — въ воду, вода — въ землю, и обратно посредствомъ разрѣженія — земля въ воду и пр. Отъ сего происходитъ въ вещахъ чувственныхъ круговращеніе, которымъ поддерживается бытіе элементовъ, и весь тѣлесный міръ связуется въ одно полное и совершенное цѣлое. Элементы образовались по четыремъ геометрическимъ тѣламъ. Земля соотвѣтствуетъ кубу, огонь — пирамидѣ, воздухъ — осьмиугольнику, вода — подобоугольнику.

7) Зиждительная сила первой вины открываетъ себя въ тѣлесномъ мірѣ несовершенно: ибо міръ сей есть конечно мыслимое и движимое нѣчто, но не смыслящее и движущее. Высочайшая цѣль вѣчнаго міротворенія — откровеніе самосущаго въ зависимомъ отъ него бытіи вещей — столь полное, сколько сей полноты можетъ вмѣстить зависимая природа, — достигается тогда, когда міръ есть живое и совокупность живыхъ существъ, самодѣятельныхъ и способныхъ постигать Божескія идеи въ зримомъ ихъ выраженіи. Тѣлесный міръ есть ничто иное, какъ чистая опредѣленность начала измѣняемаго по идеальной сущности тѣлъ. Въ тѣлахъ нѣтъ единства между различнымъ и идейнымъ. Они носятъ на себѣ отпечатокъ идей, неполный, но растяженный по преходящимъ, непрестанно измѣняющимся явленіямъ. Напротивъ душа, или зависимая сила въ жизни міра, есть слiяніе Божескихъ идей и измѣнлемаго; въ ней сіи два начала сочe-

таваются въ одно существо, въ одну субстанцію, занимающую средину между ними и причастную природѣ того и другаго въ равной мѣрѣ. По сему сила самодвиженія и мышленія, которая въ тѣлесномъ мірѣ является подъ образомъ устрояющаго начала, составляетъ неотъемлемую принадлежность души, и душа есть непосредственное откровеніе Божества, между тѣмъ какъ міръ тѣлесный есть только посредственное. Изъ сего слѣдуетъ, что душа существуетъ отъ вѣчности и вѣчно существовать будетъ, какъ міръ идей и все разнообразіе, хотя также зависимо и несамобытно.

8) Сила жизни во первыхъ проникаетъ и одушевляетъ *цѣлый міръ* тѣлесный. Тѣсное соединеніе души съ тѣломъ, котораго Богу никогда неугодно будетъ разторгнуть, составляетъ сущность міра, который по сему, какъ цѣлое, полное и гармоническое, имѣющее всѣ совершенства, какія можетъ имѣть по своей природѣ, есть цѣлое органическое, живое, мыслящее. Единство его объемлетъ все, что Богъ могъ произвести посредствомъ двухъ оныхъ противоположныхъ началъ; внѣ его нѣтъ ничего, ни даже пустаго пространства. Въ цѣломъ онъ всегда себѣ равенъ, несмотря на свое непрерывное движеніе и непрестанно происходящія въ немъ измѣненія. Ни объемъ, ни содержаніе его не могутъ ни увеличиться, ни умѣньшиться. Его измѣненія находятся въ вѣчномъ круговращеніи, въ коемъ изъ разрушенія одного существа возникаетъ рожденіе другаго. Для сохра-

нія міра не требуется никакого содѣйствія, кромѣ Божія. Онъ имѣетъ фигуру шара; поелику сія фигура всѣхъ совершеннѣе, объемлетъ собою всѣ прочія, и есть видимое изображеніе его правильности и единства внутренняго. И движеніе его есть наилучшее: оно совершеннѣйшимъ образомъ представляетъ единство и равенство въ измѣненіи, и есть чистѣйшее чувственное изображеніе дѣятельности разсудка. Не перемѣняя своего мѣста переходомъ взадъ или впередъ, онъ вращается однообразно вокругъ своего средоточія.

9) Органическое единство живаго цѣлаго мірозданія не исключаетъ множества организмовъ *частныхъ*. Напротивъ то единство есть самое совершенное, наилучшее, какое только можетъ быть достигнуто сотвореніемъ, которое составляетъ систему безчисленныхъ, одушевленныхъ тѣлъ, премудро и прекрасно устроенную. Каждое изъ сихъ *тѣлъ*, которыя мы называемъ небесными, получило фигуру такую же, какую міръ и, какъ сей, неизмѣняемо, и вообще имѣетъ столько свойствъ его, сколь можно сообщить части міра, находящейся въ неизвѣстномъ отношеніи къ цѣлому и къ сподчиненнымъ тѣламъ небеснымъ. Онѣ въ двоихъ сферахъ подражаютъ дѣятельности первой вины міра: образуютъ, носятъ на себѣ и питаютъ живыя недѣлимыя. Хотя послѣднія какъ произведенія образовательной силы небесныхъ тѣлъ, преходящи, и тѣла ихъ, послѣ кратковременнаго существованія, должны разрѣшиться на свои составныя элементы:

однакожъ ихъ строеніе и организація носятъ на себѣ черты высочайшей правильности и сообразности съ цѣлію. Звѣзды раздѣляются на *два* главныхъ *круга*, изъ коихъ внѣшній служитъ представителемъ начала единообразія въ разнообразномъ, — внутренній — начала разнообразія въ единообразіи. Первый содержитъ въ себѣ неподвижныя звѣзды, изъ которыхъ каждая вращается только вокругъ средоточія міра; послѣдній — планеты, которыя, сверхъ круговращенія около сего средоточія, имѣютъ особое поступательное и возвратное движеніе. Планетный кругъ снова дѣлится на семь сферъ. Земля составляетъ средоточіе сего круга и всего міра. Чрезъ средоточіе земли проходитъ ось міра. Ближе всѣхъ къ ней луна, потомъ солнце, за симъ Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Солнце больше земли, и всѣ звѣзды имѣютъ чрезвычайную величину. Массы ихъ образованы изъ огня, большею частію, тончайшаго изъ всѣхъ элемента. Планеты имѣютъ и другое назначеніе — показывать отношенія *времяни*. Между всегда себѣ равнымъ и никогда нестарѣющимся бытіемъ Бога и началъ, и между движеніемъ міра въ пространствѣ и измѣненіями индивидуальныхъ вещей должно находиться что нибудь среднее, или посредствующее звѣно между тѣмъ, что неизмѣнно въ самомъ себѣ, и тѣмъ, что измѣняется. Это посредствующее есть время. Оно, какъ вѣчный законъ для непрерывной преемственности измѣненій, связуетъ неизмѣнное бытіе съ измѣняющимся. Такимъ образомъ Богъ производитъ измѣ-

нія во времени, неподлежа самъ времени и измѣненію.

10) Звѣзды суть живыя существа перваго или высшаго порядка. Что касается до живыхъ существъ втораго порядка, которыя обитаютъ на тѣлахъ небесныхъ, то изслѣдованію Философскому подлежатъ только тѣ изъ нихъ, которыя находятся на земли. *Душа человѣческая* не во времени и не на земли получила бытіе: она, подобно душѣ міра и каждой звѣздѣ, существуетъ отъ вѣчности, и образовалась изъ тѣхъ же началъ, изъ какихъ и первыя, только стоитъ на нижшей степени совершенства. Когда она вступаетъ въ земную жизнь, то въ слѣдствіе ея соединенія съ тѣломъ-сею необходимою опорою и органомъ ея дѣйствованія на земли, присоединяется къ ней посредствующая между духомъ и тѣломъ, изъ земной силы возникшая и преходящая способность — субстратъ извѣстныхъ сердечныхъ и чувственныхъ движеній и ощущеній, которая дотолѣ существуетъ, пока душа находится въ тѣлѣ. Она предназначена къ тому, чтобъ доставить и доставлять душѣ все нужное для сохраненія и защищенія ея въ семъ состояніи. Для означенія сей способности у Платона нѣтъ особаго слова; онъ называетъ ее также душею, только *смертною* и *неразумною*. Сія душа дѣлится на двѣ силы: высшую и нижшую. — Первая, которая имѣетъ въ виду охраненіе и защищеніе земной жизни, есть способность инстинктообразнаго *мужества*, любопрѣнія и подобныхъ движеній

духа, противоположныхъ тихости и уступчивости. Ея мѣсто между выей и грудопреградною перепонкой. Вторая, служащая къ сохраненію и продолженію оной жизни, есть способность *пожеланій*, требующая удовлетворенія органическимъ потребностямъ тѣла. Онажъ ищетъ наслажденій чувственныхъ и средствъ, ведущихъ къ нимъ. Жилище ея между грудопреградною перепонкою и пупомъ. Престолъ разумной, безсмертной души находится въ головѣ; она отсюда повелѣваетъ обѣими подчиненными душами и всемъ тѣломъ. Существованія *животныхъ* Платонъ не могъ иначе объяснить Богословски, какъ допустивъ, что въ сіи, хотя для растительно-чувственной жизни прекрасно устроенныя тѣла, заключаются человѣческія души, въ наказаніе за преступленія, учиненныя ими въ предшествовавшемъ состояніи. Изъ различія поступковъ, онъ производитъ различіе родовъ животныхъ. Вмѣсто простаго и правильнаго, и потому въ возможной мѣрѣ совершеннаго движенія звѣзднаго, человѣку и прочимъ животнымъ дано неправильное и произвольное, котораго шесть видовъ: движеніе впередъ и взадъ, вправо и влѣво, вверхъ и внизъ. Наконецъ *растѣнія* составляютъ особый родъ недѣлимыхъ, которыя живутъ своею жизнію, отличною отъ прочей органической земной жизни. Имъ въ удѣлъ дана нижшая изъ двухъ силъ смертной души. Они стремятся къ самосохраненію и продолженію своего рода, но лишены чувствованій, равно какъ и произвольнаго движенія. Ихъ назначеніе — служить пищею для людей и животныхъ.

Нравственное ученіе и Политика.

§ 30. 1) Нравственная часть Платоновой философіи вся утверждается на началахъ его Метафизики и Психологіи. Съ математическою послѣдовательностью выводитъ Платонъ изъ понятій о душѣ человѣческой и первой Винѣ всякаго бытія и познанія, существенныя свойства нравственности, а изъ сей такимъ же образомъ свойства наилучшаго учрежденія, законодательства и управленія государственнаго. Здѣсь надобно сдѣлать *общее* замѣчаніе, что подъ философствованіемъ Платонъ разумѣлъ занятіе, объемлющее всю дѣятельность человѣка — не одно исканіе абсолютной истины не одно знаніе общаго, необходимаго и существеннаго во всѣхъ вещахъ, но и практическое раченіе объ облагороженіи своего сердца и поведенія. Философъ, по его мнѣнію, есть тотъ, кто непрестанно старается объ освобожденіи души своей отъ узъ тѣла, и радостно взираетъ на смерть, какъ на переходъ къ лучшей жизни. Предметъ философскихъ изысканій есть мудрость, выраженіе истиннаго, благороднаго и праведнаго дѣятельною жизнію, выраженіе, руководимое разумнымъ познаніемъ.

2) Мы разсмотримъ сперва *нравственное ученіе* Платона. Слѣдуя Сократу, Платонъ высшее благо человѣка поставляетъ въ соединеніи добродѣтели съ заслуженнымъ ею счастіемъ. Но изъ понятія о добродѣтели изключилъ понятіе о счастіи, и чрезъ сіе возвысился до

чистаго идеала нравственности. Основная мысль, на которой созидаетъ Платонъ свою систему нравственныхъ правилъ, есть та, что усматриваемое въ мірѣ отношеніе между повинующимся и повелѣвающимъ есть выраженіе высочайшаго ума и характеръ всего благаго въ бытіи вещей. Отраженіемъ сего порядка въ человѣкѣ должно быть то состояніе, изъ котораго происходитъ здравіе души его. Но замѣчено было, что, по мнѣнію Платона, три главныхъ способности, въ которыхъ развивается жизнь души: способность разумнаго познаванія и хотѣнія, — влеченіе ко гнѣву — раздражительность, и способность чувственныхъ пожеланій. Сіи три способности находятся въ слѣдующемъ между собою отношеніи. Уму принадлежитъ первенство и власть управленія: поелику онъ одинъ разумѣетъ и разсуждаетъ, и, потому, можетъ пещись о благѣ цѣлаго; раздражительность должна быть исполнительницею приказаній ума, помощницею, или, лучше, орудіемъ его. Только по его мановенію она должна воспламеняться. Ея назначеніе — отдалять внутреннія и внѣшнія затрудненія и препятствія, противудѣйствующія предначертаніямъ ума. Наконецъ пожелательная чувственная способность должна давать себѣ воли не болѣе, какъ сколько позволяетъ разумъ, сколько онъ находитъ нужнымъ ея содѣйствіе для сохраненія тѣла. Надъ ея обузданіемъ умъ съ своею непосредственною помощницею упражняетъ и укрѣпляетъ свои силы. Такимъ образомъ всѣ силы душевныя находятся въ гармоніи и составляютъ благоустроенную систему. Пока ни что не разстрои-

ваетъ ее, каждая сила дѣйствуетъ точно такъ, какъ дѣйствовать должна, и въ своемъ собственномъ кругу. Тогда въ душѣ обитаетъ добродѣтель или нравственное благо. Противоположное состояніе, когда способности душевныя выходятъ изъ предназначенныхъ имъ сферъ, — каждая вторгается въ кругъ дѣйствованія другихъ силъ, и потому самовольно и неслѣдуя никакому закону, дѣлаетъ то, чего неслѣдовало, или не дѣлаетъ того, что слѣдовало ей дѣлать, — сіе состояніе есть немощь, болѣзнь души, или нравственное зло.

3) Чтобъ рѣшаться самостоятельно на поступокъ, согласный или несогласный съ симъ порядкомъ, человѣку надобно имѣть *свободную волю*. Платонъ предполагаетъ въ немъ сію способность, невходя въ дальнѣйшія о ней изслѣдованія. Изъ понятія о нравственномъ добрѣ само собою слѣдуетъ, что счастіе неразлучно съ добродѣтелію. Такъ и должно быть: иначе добродѣтель не будетъ составлять собою цѣли, вполнѣ удовлетворяющей человѣка. Ибо всѣ желаютъ себѣ счастія. Знаніе само по себѣ безъ удовольствія, равно какъ и удовольствіе безъ знанія, неможетъ быть послѣднею цѣлію нашихъ усилій. Нельзя жить при однихъ свѣдѣніяхъ, сколько бы онѣ велики ни были, не имѣя вовсе способности чувствовать горести и радости. Напротивъ та (Аристиппова) добродѣтель, которая водится одними расчетами пользы и удовольствія, которая требуетъ пожертвованій для того, чтобъ пріобрѣсть оными большія,

продолжительнѣйшія выгоды, есть добродѣтель рабская, одинъ призракъ нравственности. Правильное сочетаніе чисто разумной дѣятельности и удовольствія составляетъ высшее благо человѣка въ сей жизни, — такое сочетаніе, въ которомъ допускаются удовольствія, только основывающіяся на вѣрной оцѣнкѣ вещей, и совмѣстныя съ здоровьемъ тѣла и души. А удовлетворяютъ ли удовольствія симъ требованіямъ, это можетъ рѣшить одинъ умъ. Итакъ подъ его только верховнымъ надзоромъ бываетъ правильно и соразмѣрно это соединеніе. Бытіе нравственнаго порядка въ мірѣ усматривается изъ того, что одни добродѣтельные, хотя и имъ извѣстны горести, — могутъ быть истинно счастливы и дѣйствительно наслаждаются счастіемъ. Внѣшнія блага тогда только имѣютъ цѣну, когда люди пользуются ими согласно съ предписаніями разума. Здоровье, красота, сила и богатство для человѣка честнаго - блага очень важныя, а для развратнаго поводъ и средство къ большему развращенію. Неблагопріятство счастія для злаго зло, поелику не исправляетъ, а напротивъ нерѣдко болѣе развращаетъ его, — а для добраго добро; поелику укрѣпляетъ нравственную силу его, и тѣмъ, посредственно, возводитъ на высшую степень счастія. Несомнѣнно то, что праведникъ любезенъ Богу, а потому все, что случается съ нимъ, клонится къ его благу. Чтобъ вполнѣ постигнуть значеніе сей утѣшительной истины, надобно отъ преходящей земной жизни обратить взоръ свой къ вѣчности. Тамъ, а не здѣсь - истинное отечество нашего духа. Если бы лю-

ди понимали это, то ихъ понятія о наслажденіяхъ и лишеніяхъ вовсе измѣнились бы. Если же духъ нашъ *безсмертенъ*, (*) то надобно пещись о немъ не для сего только краткаго продолженія времени, называемаго жизнію, но для вѣчности. Нѣтъ ничего пагубнѣе пренебреженія сего важнаго долга. Состояніе порочнаго по смерти дѣлается еще хуже, соразмѣрно съ состояніемъ его духа въ сей жизни. Напротивъ, кто здѣсь заботился о чистотѣ души своей, тотъ не долженъ страшиться возвращенія въ свое отечество: онъ можетъ быть увѣренъ, что тамъ насладится полнымъ обладаніемъ того блага, для пріобрѣтенія коего здѣсь находится.

4) Платонъ находитъ въ добродѣтели, взятой вообще, четыре главныхъ направленія. Человѣкъ, въ которомъ душевныя силы дѣйствуютъ стройно, имѣетъ 1, *мудрость*, поелику разумное познаніе управляетъ всѣми его чувствованіями, мыслями, дѣяніями; 2, *мужест-*

(*) Изъ приводимыхъ Платономъ доказательствъ безсмертія души человѣческой самое сильное то, которое заимствуется отъ ея Богоподобія. Чтобъ вполнѣ чувствовать силу сего доказательства, надобно, по увѣренію Платона, разумную душу человѣка строго отличать отъ чувственности, принадлежащей тѣлу-сему временному, земному жилищу души. Прекрасное описаніе превосходства сей, собственно человѣческой души находится въ его Республикѣ. Богъ, какъ субстанція идей, есть вѣчный корень бытія душъ, соединенныхъ съ его идеями. Богъ, какъ Благій и правосудный виновникъ формъ составляющихъ разнообразіе міра, долженъ наградить тѣхъ, которые ему въ сей жизни подражали и наказать тѣхъ, которыя находились подъ вліяніемъ злаго начала.

во, (нравственную силу), поелику въ немъ раздражительность, руководимая умомъ, страшится и отвращается только того, что подлинно страшно и отвратительно — порока и поводовъ къ нему, а угрозамъ или обольстительнымъ приманкамъ — препятствіямъ на пути къ добродѣтели пуотивустоитъ и побѣждаетъ оныя: 3, *воздержность*, ибо твердою рукою мудрости обуздываетъ всѣ свои пожеланія; и наконецъ 4, *правду* — слѣдствіе всѣхъ выше изчисленныхъ свойствъ. Ею обладаетъ человѣкъ тогда, когда каждая способность души дѣлаетъ свое дѣло; когда онъ всякому воздаетъ должное, и себѣ усволяетъ только то, на что имѣетъ право.

5) Всѣ нравственные законы, коихъ обязательную силу признаетъ разумъ, суть повелѣнія Божіи. Они суть мысли и хотѣнія того существа, которое открываетъ себя въ бытіи и жизни міра. Слѣд. основаніе ихъ незыблемо; и потому не нужно и неможно выводить ихъ изъ какого нибудь высшаго начала. Итакъ нравственное ученіе Платона оканчивается тѣмъ пунктомъ, которымъ начинается его умозрѣніе, такъ что его Философскія изслѣдованія образуютъ собою полный кругъ, въ который входитъ и его политика: поелику она вся утверждается на его ученіи о добродѣтели. Кто надлежащимъ образомъ выразумѣлъ значеніе идей, тотъ конечно понимаетъ, что онѣ суть вѣчные, въ умѣ Божескомъ пребывающіе образцы праведнаго, благаго и благороднаго, которые, отражаясь въ нашемъ умѣ, становятся правилами для его нравст-

веннаго мышленія и дѣйствованія. Они суть не земнаго и опытнаго происхожденія начала, которыя мы читаемъ въ своей совѣсти. Метафизически вѣрно то, что идеалы духовнаго совершенства существуютъ независимо отъ нашего мышленія; намъ открыты они въ образцѣ нашей дѣятельности самимъ Верховнымъ Разумомъ, который къ міру духовному въ такомъ же находится отношеніи, въ какомъ солнце къ міру чувственному. По сему безусловная вина бытія и мышленія есть вмѣстѣ безусловное благо, Святый, Творецъ и Охранитель нравственнаго порядка въ мірѣ, законодатель и воспитатель всего человѣческаго рода. Такимъ образомъ наша увѣренность, что къ счастію одинъ путь добродѣтель, утверждается на непоколебимомъ основаніи, и по сему-то добродѣтельному, въ какихъ бы онъ обстоятельствахъ ни находился, всегда сопутствуетъ успокоительная мысль, что любящему Бога и слѣдовательно любимому Богомъ все споспѣшествуетъ во благое.

6) *Государство*, по мнѣнію Платона, есть тоже самое въ большемъ видѣ, что въ меньшемъ каждый отдѣльно человѣкъ, и тоже назначеніе его и тѣже внутреннія и внѣшнія условія достиженія сего назначенія. Посему предпринявъ разкрыть сущность добродѣтели, Платонъ счелъ самымъ лучшимъ средствомъ къ тому, — представить черты ея въ образѣ идеальнаго Государства. Десять книгъ его Республики есть выполненіе этой мысли. Онъ думалъ, что генетическое объясненіе понятія о добро-

дѣтели, разкрытіе вліянія, какое она имѣетъ на человѣческое благосостояніе, подъ сею Формою большее обратитъ вниманіе читателей, — болѣе займетъ ихъ и доступнѣе будетъ ихъ зарумѣнію. Здѣсь не мѣсто изчислять подробно всѣ черты идеальнаго государства и распространяться въ описаніи политическаго законоположенія, о которомъ онъ разсуждаетъ въ своихъ 12-ти *книгахъ о законахъ* примѣнительно къ даннымъ, — земнымъ условіямъ человѣка, — къ дѣйствительному его состоянію. Для насъ довольно означить общія основныя мысли Платоновы о сущности и строеніи государства. Причину, побудившую людей соединиться въ гражданскія общества, надобно, по мнѣнію Платона, отличать отъ цѣли сего соединенія. *Причина* заключается въ томъ, что ни одинъ человѣкъ, въ отдаленности отъ прочихъ, не имѣетъ достаточныхъ силъ удовлетворить всѣмъ своимъ высшимъ и нижнимъ потребностямъ; и такъ можно сказать, что нужда взаимной помощи основала Государства. Цѣль гражданскаго общества есть водвореніе между людьми правды и добродѣтели, и слѣдствіе онаго счастіе каждаго. Государство состоитъ изъ *трехъ частей* или трехъ классовъ гражданъ. Обязанности и занятія ихъ соотвѣтствуютъ функціямъ трехъ силъ душевныхъ. Во первыхъ въ государствѣ долженъ быть классъ гражданъ, занимающій въ жизни сего органическаго цѣлаго мѣсто чувственной способности пожеланій. Его обязанность пещись о заготовленіи всѣхъ житейскихъ потребностей. Это классъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ; и въ степени государственной за-

нимаетъ послѣднее мѣсто. Ко второму классу, который служитъ представителемъ раздражительной способности души и тѣлесной силы, принадлежатъ тѣ граждане, которые охраняютъ и защищаютъ государство отъ внѣшнихъ враговъ, и надзираютъ за соблюденіемъ законовъ внутри онаго. Это классъ воиновъ. Они суть непосредственные служители и исполнители повелѣній третьяго высшаго класса гражданъ, который, какъ представитель ума въ гражданствѣ, управляетъ всѣмъ цѣлымъ. Тщательное испытаніе рѣшитъ, какіе граждане способнѣе быть защитниками государства; а изъ сихъ отличнѣйшіе поступаютъ въ классъ правительствующій. О воспитаніи нараждающихся сочленовъ, нисшаго класса ненужно государству заботиться. — Публичному надзору подлежать должно физическое и умственное образованіе будущихъ членовъ двухъ только высшихъ состояній. Воиновъ надобно обучать свободнымъ искуствамъ и Гимнастикѣ, а предназначенныхъ къ управленію государствомъ, — всѣмъ благороднымъ искуствамъ и занятіямъ и наконецъ Философіи. Впрочемъ сіи классы не должны отдѣляться одинъ отъ другаго, подобно кастамъ; но надобно заблаговременно дѣлать разборъ между дѣтьми, и, смотря по ихъ дарованіямъ, перемѣщать ихъ изъ одного состоянія въ другое. Если всѣ состоянія вѣрно исполняютъ свои обязанности, то въ государствѣ процвѣтаютъ мудрость, мужество, воздержность, а слѣд. и правда. Государство есть нравственное лице: оно открываетъ въ мірѣ явленій идею добродѣтели въ возможно высшей степени. Изъ се-

го отношенія между составными частями государства слѣдуетъ, что та форма управленія есть наилучшая, единственно истинная, соотвѣтствующая здравому состоянію души, когда кормило государства находится въ рукахъ мужей наилучшихъ, мудрѣйшихъ, или, что тоже, Философовъ. — Ее можно назвать аристократіею въ благороднѣйшемъ смыслѣ сего слова. Въ ней верховное управленіе дѣлами можетъ принадлѣжать или одному лицу изъ нравственнаго сословія, или многимъ. Въ первомъ случаѣ бываетъ *Монархія*, а во второмъ *аристократія* въ обыкновенномъ значеніи сего слова. Видовъ неправильнаго государственнаго учрежденія четыре, изъ которыхъ каждое, относительно лучшее, при дальнѣйшемъ отступленіи отъ идеала, превращается въ непосредственно за нимъ слѣдующее худшее. Ближе всѣхъ къ совершенному учрежденію *тимократія*. Въ ономъ мудрость не въ томъ находится отношеніи къ мужеству, въ какомъ бы надлежало ей находиться: она повинуется ему, вмѣсто того, чтобы повелѣвать имъ. Слѣдствіемъ сего бываетъ то, что члены высшихъ классовъ поступаютъ съ членами нижшаго класса не какъ съ гражданами, сочленами одного и того же государства, но какъ съ рабами. Тогда гимнастика предпочитается свободнымъ искуствамъ, искуство военное Философіи. Если въ такомъ государствѣ лишится своей силы воздержность, — а сіе очень можетъ случится, когда мудрость занимаетъ подчиненное мѣсто: то произойдетъ *олигархія*. Здѣсь деньги - средство къ пріобрѣтенію чувственныхъ удовольствій, опре-

дѣляютъ достоинство гражданъ, и власть находится въ рукахъ богачей. Поелику же въ семъ случаѣ никакая нравственная сила не обуздываетъ пожеланій и страстей народныхъ: то сіи незамедлятъ возобладать. Бѣдные начинаютъ неуважать богатыхъ властелиновъ, возстаютъ, противъ нихъ и тогда разность состояній изчезаетъ, всѣ усвояютъ себѣ право законодательства и управленія общественными дѣлами. Отсюда раждается *Демократія*. Неограниченная свобода высочайшее благо ея. Но свобода, неуправляемая высшимъ, дающимъ ей прочное бытіе, закономъ, становится буйнымъ своеволіемъ, необузданностію, и разторгаетъ всѣ узы, связующія цѣлое и части. Такое положеніе дѣлъ неможетъ быть продолжительно. Скоро кому нибудь одному удастся ласкательствомъ и другими низкими средствами пріобрѣсть уваженіе и расположеніе народное, и поелику его честолюбивымъ замысламъ непротивопоставляетъ преграды сила, неруководимая мудростію, то различными путями, довольно ясно обозначенными Исторіею, достигаетъ онъ до неограниченнаго господствованія. Ежели несомнѣнно, что чемъ далѣе уклоняется государственное устроеніе отъ предназначеннаго оному идеала, тѣмъ болѣе отъ того происходитъ вреда для гражданъ: то по сей постепенности переходовъ его отъ лучшаго къ худшему можно судить, сколь пагубны могутъ быть для нихъ послѣдствія отъ недостаточной формы правленія. Чтожъ касается до законодательства, то главною цѣлію, для которой законы даются, должно быть споспѣшествованіе правдѣ и доб-

родѣтели. Посему высочайшею законодательною властію и въ государствѣ надобно почитать умъ не человѣческій, но Божій, открывающій первому волю свою.

7) Красота есть чувственное изображеніе духовнаго и тѣлеснаго совершенства. Истина и добродѣтель составляютъ съ нею одно цѣлое, которое производитъ чистую любовь, чуждую всякаго чувственнаго наслажденія.

Заключеніе.

§ 31. а) Возвышенный взглядъ на міръ, чистота нравственныхъ началъ, связность и полнота Платоновой системы, въ соединеніи съ благороднымъ и привлекательнымъ изложеніемъ, должны были имѣть сильное дѣйствіе на слушателей сего великаго мужа. Посему нисколько неудивительно, что изъ учениковъ его одинъ только рѣшился идти своимъ путемъ. Это Аристотель, геніальный не менѣе своего учителя. Прочіе сберегали и передавали другимъ полученное отъ своего наставника. До Арцезилая Академики, кажется, въ весьма немногихъ и самыхъ неважныхъ пунктахъ отступили отъ Платона. Не касаясь основанія и связи цѣлаго, они пытались только давать точнѣйшія опредѣленія Философскимъ понятіямъ, предъуготовленныя впрочемъ Платономъ, но не прямо имъ выраженныя. При семъ особенное обращали вниманіе на отношеніе идей къ числамъ, и ученіе о первыхъ старались согласить съ Пиѳагоровымъ ученіемъ о послѣднихъ. Другіе труды ихъ маловажны.

b) Изъ учениковъ Платона отличнѣйшій, кажется, былъ *Ксенократъ* Халкидонянинъ, если, исключить Аристотеля, какъ мыслителя самостоятельнаго. Непосредственнымъ впрочемъ преемникомъ Платона въ званіи главы Академіи былъ *Спевзиппъ*, другъ его и родственникъ.

c) Спевзиппъ по причинѣ слабаго здоровья вскорѣ передалъ свое мѣсто *Ксенократу*. За Ксенократомъ слѣдовали: *Палемонъ* Аѳинянинъ, *Кранторъ* Сицилианинъ, и *Кратесъ* Аѳинянинъ. Преемникъ послѣдняго ученикъ Палемона *Арцезилай* (родомъ изъ Питалы Эолійской) преобразовалъ ученіе своихъ предшественниковъ; отъ чего произошла, существовавшая довольно долгое время, школа, которую, для отличія отъ древней, называютъ *новою*.

d) Разсматривая Платона въ отношеніи къ предшествовавшимъ ему Философамъ, мы неможемъ не видѣть въ немъ умѣнья уяснять истины уже открытыя. Его умъ по своему преобразовалъ все, что онъ заимствовалъ отъ своихъ предшественниковъ и въ особенности отъ Пиѳагорейцевъ. Онъ умѣлъ совокупить различные опыты Философіи, въ направленіяхъ своихъ противоположные, въ одну систему, стройную по единству и направленію всѣхъ побужденій дѣятельности умозрительной и практической. Изъ безчисленныхъ услугъ, оказанныхъ Платономъ Философіи, должно указать 1. на то, что что онъ первый начерталъ законы мышленія, правила предложеній, заключеній и доказательствъ, правила же-

тода аналитическаго и покушался основать языкъ Философскій: 2. на то, что онъ изобразилъ Бога существомъ всеблагимъ и опредѣленнымъ образомъ вывелъ Божественныя свойства. Признавая Бога Творцемъ и Исполнителемъ закона нравственнаго, онъ пытался основать Теодицею, т. е. такое ученіе о Богѣ по которому Богъ не отвѣтствуетъ за зло, происходящее въ мірѣ, тѣмъ паче, что онъ расположилъ всѣ вещи такъ, что зло можетъ быть побѣждаемо; и 3. наконецъ на то, что онъ опредѣленнымъ образомъ училъ о духовности душъ и доказывалъ ихъ безсмертіе.

е) Пиѳагорейцы и Элеатики писали стихами; Платоновы разговоры хотя писаны прозой, впрочемъ исполнены воодушевленія стихотворнаго; они имѣютъ форму драматическую; въ нихъ видно все богатство роскошнаго воображенія, всѣ прелести краснорѣчія и духа Аттическаго. До насъ дошло 35 разговоровъ или 36, ежели считать его творенія о республикѣ и законахъ. Къ нравственнымъ разговорамъ Платона относятся Федръ, Протагоръ и нѣкоторыя мѣлкія его сочиненія; къ Діалектическимъ Тестетъ, Софистъ и Государственный человѣкъ; къ ученымъ Тимей, Республика и Законы. Горгій составляетъ переходъ отъ нравственности къ Діалектикѣ, а Федонъ и Филебъ отъ Діалектики къ учености. Хотя Сохеръ, Астъ, Риттеръ и другіе изъ различія слога и заключаютъ, что нѣкоторые разговоры, приписываемые Платону написаны другими лицами: но различіе

слога говоритъ единственно о различныхъ лѣтахъ жизни сочинителя, о различныхъ степеняхъ его прилѣжанія и философской собранности, о различныхъ направленіяхъ его духа. Философія Платонова есть идеализмъ; но благодаря мудрости и хорошему вкусу, которые руководили живое воображеніе сего великаго человѣка, этотъ идеализмъ чуждъ всѣхъ нелѣпостей, коимъ подвергались элеатики.

f) Платона упрекаютъ тѣмъ, что онъ допускаетъ въ своей республикѣ пьянство въ честь Бахуса, общее употребленіе женъ, и изгоняетъ изъ своего общества Поэтовъ потому, что въ ихъ сочиненіяхъ много соблазнительнаго.

g) Для яснѣйшаго понятія система Платона представляется въ слѣдующей таблицѣ:

Л О Г И К А.

Несомнительная. Идеи.	Частію подлежащая сомнѣніямъ. Отвлеченныя понятія.	Правдоподобная. Ощущенія.

М Е Т А Ф И З И К А.

Богъ существо самобытное необходимое, вѣчная субстанція идей и причина формъ.	Душа міра происходящая отъ Бога и соединяющаяся съ матеріею.	Матерія, начало премѣняемаго и относительнаго.

П С И Х О Л О Г І Я.

Область познанія и любви соотвѣтствующая идеямъ. Духъ.	Область познанія и любви соотвѣтствующая общимъ понятіямъ. Разумъ.	Область познанія и любви соотвѣтствующая ощущеніямъ. Чувство.

ФИЗІОЛОГІЯ.

Глава какъ органъ того, что находится возвышеннѣйшаго въ духѣ.	Сердце какъ органъ τὸ θυμος.	Органы внутреннихъ движеній души.

НРАВСТВЕННОСТЬ.

Любовь чистая и совершенная.	Любовь смѣшанная.	Любовь чувственная.

ПОЛИТИКА.

Каета философовъ созерцателей истины.	Каета посредствующая между философами и рукодѣлателями.	Каета рукодѣлателей какъ то ремесленниковъ и земледѣльцевъ.

Теперь займетъ насъ другой Философъ, менѣе, можетъ быть, возвышенный, но болѣе обильный этаго. Система Аристотелева составлена по другому методу, и имѣетъ другое направленіе. Философія Аристотелева основана на Сенсуализмѣ; но правильный и твердый его разумъ предохранилъ его отъ тѣхъ заблужденій и излишествъ, въ которыя увлечены были Физики Іонійскіе.

АРИСТОТЕЛЬ.

§ 32. Аристотель родился 384 года до Р. Х., въ Стагирѣ, городѣ Македонскомъ. Отецъ его Никомахъ, изъ фамиліи Асклипіадовой, былъ Медикомъ. (*) Въ юности своей онъ занимался врачебною наукою; и сія нау-

(*) Асклипій или Эскулапъ первый познакомилъ Грецію съ врачебною наукою, и за такое благодѣяніе былъ причисленъ къ богамъ; его свѣдѣнія были долгое время сохраняемы и предаваемы потомками его, кои именовались Асклипіадами.

ка безъ сомнѣнія сообщила ему расположеніе къ Естественной Исторіи, которую онъ въ послѣдствіи усовершилъ. Будучи 17-ти лѣтъ онъ отправился въ Аѳины, и въ продолженіи 20-ти лѣтъ былъ ученикомъ Платона, который назвалъ его умомъ своей школы, имѣющимъ однакожъ нужду въ обузданіи. По смерти сего Философа, онъ провелъ нѣсколько времени у Ермія, Государя Атарнскаго въ Мизіи, на сестрѣ, или дочери котораго онъ въ послѣдствіи времени женился. Послѣ нещастной смерти Ермія, Аристотель отправился въ Митилену, откуда Филиппъ, Царь Македонскій вызвалъ его для воспитанія тринадцатилѣтняго своего сына Александра и благодарный воспитанникъ въ послѣдствіи признавалъ себя болѣе обязаннымъ наставнику, нежели отцу. По восшествіи этаго принца на престолъ, Аристотель удалился въ Аѳины; а по мнѣнію нѣкоторыхъ сопутствовалъ ему въ Египтъ, и явился въ Аѳинахъ не прежде 331 года до Р. Х., съ матеріалами для своей исторіи о животныхъ. Тамъ онъ основалъ училище, (*) въ зданіи называемомъ Лицеемъ, подлѣ храма Аполлона Ликійскаго; и въ ономъ преподавалъ уроки двухъ родовъ; одни, къ слушанію которыхъ были допускаемы всѣ, имѣли предметомъ познанія, необходимыя въ жизни обыкновенной; а другіе были преподаваемы однимъ его ученикамъ.

(*) Это училище было названо перипатетическимъ или потому, что Аристотель училъ прохаживаясь περιπατον или потому, что классъ его находился въ залахъ εν περιπατοις Лицея.

По причинѣ этаго раздѣленія уроковъ въ послѣдствіи времени самыя сочиненія Аристотелевы, были раздѣлены на внутреннія или учебныя, и публичныя-внѣшнія. По смерти Александра Великаго Аристотель отъ гоненія принужденъ былъ удалиться въ Халцикъ Евбейскій, гдѣ онъ умеръ, какъ думаютъ, отъ яда на 63-мъ году своей жизни. Съ начала кажется, что нѣтъ ничего общаго между Философіею Платона, и Философіею Аристотеля; (дѣйствительно Историки много говорили о несогласіяхъ, бывшихъ между ними, и нѣтъ обыкновеннѣе мнѣнія, что эти великіе Философы совершенно между собою противны): впрочемъ можно утвердительно сказать что между сими Философами находится болѣе сходства, нежели сколько предполагаютъ. Каждый изъ нихъ, повинуясь своему влеченію, не выходилъ изъ границъ предписываемыхъ разумомъ; а отселѣ сколько въ идеализмѣ перваго, столько въ сенсуализмѣ втораго соблюдены благоразуміе и умѣренность Сократовы, которыя предостерегаютъ ихъ отъ заблужденій, обыкновенно неизбѣжныхъ для той и другой системы; каждый изъ нихъ обнимая весь кругъ Философіи, могъ составить полную систему. Различіе между сими Философами слѣдующее: Платонъ есть поэтъ; Аристотель наблюдатель: Платонъ блистаетъ слогомъ и воображеніемъ; Аристотель Логикою: Платонъ есть геній изобрѣтатель; Аристотель Геній классификаторъ: Платонъ болѣе идеалистъ; Аристотель болѣе эмпирикъ: Платону болѣе приличенъ синтезъ; Аристотелю анализъ.

Послѣдователи основателя Академіи, не находя въ Стагиритскомъ философѣ того, что имѣетъ ихъ учитель, почитаютъ его представителемъ и основателемъ Эмпирической философіи; а философы, старающіеся основать системы только на чувственномъ наблюденіи, и признающіе Аристотеля своимъ учителемъ, силятся представить Платона мечтателемъ, который теряясь въ мірѣ идей первообразныхъ, весьма мало занимается приспособленіемъ философскихъ началъ къ природѣ и человѣчеству. Обѣ стороны равно ошибаются, и равно несправедливы. Изъ предыдущаго видно, что философія Платонова не всегда заоблачна. Его нравоученіе, политика, Ѳеодицея, Логика достаточно показываютъ, что его высокій умъ не презиралъ положительныхъ слѣдствій, и не всегда вдавался въ отвлеченныя созерцанія. Мы вскорѣ увидимъ, что и Аристотель въ этомъ отношеніи также неправъ, какъ и учитель его.

Впрочемъ, если обратить вниманіе на слѣдствія сенсуализма Аристотелева и идеализма Платонова; то никакъ нельзя согласить этихъ двухъ философовъ; а особенно, если взять въ расчетъ долгое время продолжавшееся раздѣленіе ихъ послѣдователей. Академики и Перипатетики, какъ это почти всегда бываетъ, возвышали системы своихъ учителей, и не имѣли такого благоразумія и умѣренности, какими обладали ихъ учители; такого глубокомыслія, чтобы содѣлаться совершенными; посему между ними не могло существовать согла-

сіе, а тѣмъ болѣе продолжительная связь. Но надобно признаться, что Аристотель стяжалъ себѣ славу тѣмъ, что онъ удержался отъ гибельныхъ слѣдствій, къ коимъ почти всегда влечетъ сенсуализмъ; а Платонъ тѣмъ, что сохранилъ крѣпость просвѣщеннаго разума даже въ нѣдрахъ идеализма.

Такъ Аристотель, усматривая въ нашей душѣ и въ природѣ тѣ начала и тѣ законы, о которыхъ мы уже не одинъ разъ говорили, и которые, по свойствамъ своимъ — необходимости и всеобщности, не могутъ быть доказаны опытностію, или доказываемы умствованіями, признаетъ ихъ произведеніемъ высшаго разума, отлично имъ уважаемаго; душа человѣческая, въ которой замѣчаются этѣ безусловныя начала, по его мнѣнію, имѣетъ Божественную природу; а посему онъ признаетъ ее безсмертною.

Даже Аристотель сдѣлалъ болѣе Платона; онъ изучилъ, изчислилъ, раздѣлилъ на роды и разложилъ по категоріямъ тѣ самыя идеи, которыя Платонъ допустилъ, не упомянувъ о числѣ ихъ. Такое высокое усиліе ума есть одно изъ самыхъ смѣлыхъ предпріятій, каковыми не можетъ похвалиться и самый превыспренній идеализмъ.

Но здѣсь-то и начинаются несогласія между Платономъ и Аристотелемъ. Эти несогласія, бывъ въ началѣ слабыми, дѣлались часъ отъ часу важнѣе и значительнѣе. Идеи стоятъ на границахъ двухъ міровъ. Платонъ, бу-

дучи поражепъ ихъ высотою, стремится къ ихъ вѣчному Творцу, и безпрестанно возвышается за границы видимаго міра; напротивъ Аристотель вмѣсто того, чтобы при посредствѣ этихъ идей, возвыситься чрезъ отвлеченіе къ ихъ невидимому источнику, старается слѣдовать за ними въ ихъ дѣйствительности и настоящемъ положеніи. Его тихій, положительный геній, врагъ отвлеченности, изучаетъ явленія міра, идетъ ощупью въ его глубинахъ. Впрочемъ свѣдѣніе объ этихъ отрѣшенныхъ началахъ, открытыхъ геніемъ Платона, было важнымъ пріобрѣтеніемъ для Философіи; Аристотель, обративъ проницательный взоръ на природу, искуства, науки и способности человѣческія, доставилъ ей чрезвычайный успѣхъ. Прежде его знаніе заключалось въ огромномъ собраніи, которое не могло быть обнято силами одного человѣка; его могущественная рука отторгла отъ этой кучи разныя части и обозначила ихъ свойства. Онъ положилъ основаніе Метафизикѣ, Логикѣ, Политикѣ, Естественной Исторіи, Физикѣ, Реторикѣ и Грамматикѣ. Отъ этаго постепенно распространялась область Философіи и разширялся безпрестанно кругъ ума человѣческаго. Безъ сомнѣнія Философія Платона была возвышеннѣе, нежели его; но Аристотель выигрываетъ своею обширностію то, что теряетъ Платонъ своимъ возвышеніемъ.

Аристотель раздѣляетъ познанія на посредственныя и непосредственныя, Первыя, по словамъ его, мы получаемъ изъ предварительнаго познанія, при помощи како-

го нибудь средства, а другіе раждаются сами по себѣ. Въ дѣйствительности послѣднихъ мы увѣряемся тѣмъ, что ихъ нельзя ни откуда выводить, и что для нихъ нѣтъ средствъ — онѣ заимствуютъ свою силу отъ самихъ себя. Первыя начала, говоритъ онъ, не могутъ быть доказаны по ихъ свойству; и вотъ почему, желавшіе доказательства для всякаго предмета, будучи въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи найти основаній, должны были почитать всякое знаніе не возможнымъ. И такъ не должно спорить о началахъ. Аристотель также строго раздѣляетъ между собою знаніе и мнѣніе. Предметами послѣдняго суть хотя истинные предметы, но измѣняемые т. е. кои могутъ быть иногда истинными, а иногда ложными; а предметомъ знанія могутъ быть только общія начала. Онъ допустилъ три рода истинъ: I истины, познаваемыя чрезъ доказательства, истины выводимыя; II истины общія, служащія основаніемъ для доказательства, и происходящія отъ разума; III истины частныя, которыя происходятъ отъ опыта. Истины втораго рода, или истины общія были въ свою очередь подробно изложены; онѣ подведены подъ десять категорій, (*) которыя суть не что иное, какъ объясненная и приве-

(*) Мы увидимъ въ послѣдствіи, что категоріи Аристотеля были возобновляемы подъ различными видами: Лейбницемъ подъ именемъ вѣчныхъ истинъ, Англинскою школою подъ именемъ составительныхъ законовъ природы человѣческой, Кантомъ подъ именемъ идей чистаго разума, а въ наше время подъ именемъ отрѣшенныхъ истинъ, онѣ сдѣлались предметомъ высшаго анализа Г. Кузеня, который пока-

денная въ порядокъ теорія идей Платоновыхъ. Онѣ составляли важный и существенный вопросъ Метафизики, а чрезъ оную и всей Философіи.

Но не взирая на то, что Аристотель этимъ опытомъ распредѣленія по родамъ обнаружилъ свое искусство раздроблять; онъ въ приложеніи не извлекъ всѣхъ слѣдствій, каковыхъ можно было ожидать. Даже допущеніе этихъ началъ, подведенныхъ подъ категоріи, не согласно съ основнымъ положеніемъ Аристотелевой Философіи, по коему утверждалось, что посредствомъ опытности должно восходить отъ частныхъ понятій, τα καθ'εκαστα къ общимъ началамъ τα καθόλου. Аристотель не объясняетъ удовлетворительнымъ образомъ того, какъ эту всеобщность и необходимость можно производить отъ чувствъ и опытности, которыя всегда представляютъ одно случайное; изъ этого можно объяснить, почему Философія, которая хочетъ все почерпать изъ опыта (a posteriori) сближается съ умозрѣніемъ, производимымъ отъ разума (a priori); почему Аристотель не употребилъ опытнаго метода во всей его силѣ; и поче-

завъ недостатки классификаціи предшественниковъ, подвелъ сіи начала подъ два: подъ начало винословности и подъ начало субстанціи. Десять категорій praedicamenta Аристотелевыхъ суть слѣдующія: субстанція, качество, количество, отношеніе, мѣсто, время, положеніе, владѣніе, дѣйствіе, страданіе; отъ этихъ категорій Аристотель отличаетъ категоремы praedicabilia которыя относятся къ первымъ и ихъ считается 5: родъ, видъ, различіе, существенное и случайное.

му ему трудно, и даже совершенно невозможно было опровергнуть теорію идей, которую онъ самъ принималъ, какъ бы не зная того, только подъ другимъ именемъ, подъ другою формою. Эмпирическій умъ Аристотеля по тойже причинѣ видимымъ образомъ подлежитъ вліянію идеализма, по коей идеальный умъ Платона подчинился владычеству Сократова ума.

По мнѣнію Аристотеля, Логика есть орудіе, или пособіе для всего знанія, или Философіи, но токмо относительно формы: опытъ долженъ доставить матерію, которая приводится въ порядокъ по общимъ началамъ. Это важное разграниченіе было сдѣлано въ послѣдствіи времени; особенно въ средніе вѣки оно было неизвѣстно; Аристотелевымъ формуламъ, и въ особенности силлогизму, котораго законы онъ раскрылъ, усвояли совсѣмъ не принадлежащую силу. Начало, на которомъ основывается Аристотелева Логика, есть начало противорѣчія, которое впрочемъ есть правило, а не основаніе истины въ умствованіяхъ. Первую часть Логики Аристотель обременяетъ такими замѣчаніями о понятіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто въ общей грамматикѣ: во второй части сужденія раздѣляются на простыя и сложныя, утвердительныя и отрицательныя, общія и пр. Третія часть содержитъ умозаключенія. Діалектика основывающаяся на Логикѣ, есть наука о правдоподобномъ.

Главныя положенія его Физики суть слѣдующія: природа *φυσις*, непрестанно измѣняющаяся, не дѣлаетъ

ничего безъ цѣли; эта цѣль есть бытіе въ опредѣленномъ видѣ. Говоря о случаѣ всегда должно предполагать причины и дѣйствительныя законы, хотя мы ихъ не знаемъ; всякое измѣненіе необходимо предполагаетъ матерію и форму, измѣненіе есть осуществленіе возможнаго, поколику оно возможно; это осуществленіе возможнаго извѣстно подъ именемъ, еще доселѣ необъясненной Энтелехіи. Съ того времени, какъ возможная матерія принимаетъ форму, и открывается извѣстнымъ образомъ, она дѣлается опредѣленною, и уже лишается другаго образа, слѣдовательно матерія, форма и лишеніе составляютъ начала измѣненія. Измѣненію прилично мѣсто, а субстанціи качество, количество и мѣсто; время безпредѣльно, тѣла и пространство имѣютъ границы, хотя ихъ можно дѣлить до безконечности; движеніе вообще, подобно времени, не имѣетъ ни начала ни конца. Впрочемъ долженъ быть первый движитель въ себѣ недвижимый; этотъ движитель долженъ быть вѣченъ и неизмѣняемъ; Его бытіе состоитъ въ дѣятельности и жизни вѣчной и чистой; таковый движитель есть Богъ.

Аристотель раздѣляетъ способности души на способности ума и способности воли. Въ Психологическихъ сочиненіяхъ онъ разсматриваетъ способности ума; способности воли составляютъ предметъ его нравственныхъ разсужденій. Понятіе его о душѣ согласно съ теоріею его Метафизики. Онъ раздѣлялъ во всякой субстанціи матерію и форму; матерія души, говоритъ онъ въ своемъ

разсужденія о душѣ, похожа на воскъ, а форма подобна печати, изображенной на ономъ. Матерія къ формѣ относится также, какъ возможность къ силѣ которая соединившись съ первою, дѣлается дѣйствительностію; матерія сама по себѣ есть ничто, форма сообщаетъ ей опредѣленный видъ чрезъ энтелехію. Душа хотя различна отъ тѣла, — впрочемъ соединена съ нимъ, какъ форма съ матеріей; душа есть энтелехія, или начало органической, чувственной и разумной жизни въ человѣкѣ и до тѣхъ поръ, пока не дѣйствуетъ, она есть сила дѣйствительная, но только усыпленная; а съ тѣхъ поръ, какъ она обнаруживаетъ свое дѣйствіе, она дѣлается силою совершенною. Это опредѣленіе силы, какъ бы посредствующей возможности, между могуществомъ и дѣйствіемъ допустилъ Лейбницъ; но онъ, какъ мы увидимъ послѣ, далъ ей значеніе обширнѣйшее. Опредѣливъ свойства разумнаго начала, Аристотель съ удивительною точностію раскрываетъ главныя способности: чувственность, воображеніе, память, волю и воспитаніе. Его размышленія объ общемъ чувствѣ, о совѣсти, о которой онъ первый разсуждалъ съ ясностію, весьма занимательны, но разсужденія о единствѣ мыслящаго начала, въ тождественномъ существѣ, и опроверженія множества душъ не удачны. Приписывая душѣ неразрушимость, онъ не поставлялъ ея безсмертія въ памятованіи и сознаніи земнаго ея бытія послѣ смерти.

Теперь слѣдуетъ показать нравственныя положенія,

коихъ держался основатель Лицея, на основаніи своихъ началъ. Здѣсь мы увидимъ, что хотя его умъ, образованный въ школѣ Платона, долженъ былъ сознаться во многихъ истинахъ умозрительныхъ, впрочемъ приспособляя оныя къ опыту, онъ весьма часто соглашался только на тѣ истины, въ коихъ удостовѣряютъ опытность и чувственное наблюденіе. Главнымъ предметомъ правоученія Аристотелева служитъ идея о высшемъ благѣ и конечной цѣли. Конечная цѣль есть счастіе т. е. совокупность удовольствій, проистекающихъ отъ совершеннаго дѣйствія разума; Счастіе, бывъ возведено до возможной степени совершенства, имѣетъ непрекаемое достоинство; Совершенное дѣйствіе разума есть добродѣтель. Итакъ добродѣтель есть совершенство разума какъ созерцательнаго, такъ и практическаго. Отсюда добродѣтель дѣлится на умственную и нравственную. Первая во всей своей полнотѣ принадлежитъ одному Богу, и составляетъ высочайшее счастіе, или совершенное блаженство; вторая возможна для человѣка, и состоитъ въ постоянномъ и свободномъ усовершенствованіи разумной воли. Онъ первый объяснилъ психологическое свойство свободы; законъ ея состоитъ въ томъ, чтобы держаться средины между излишествомъ и недостаткомъ. Этотъ законъ есть произвольный законъ; ибо кто опредѣлитъ надлежащую мѣру человѣческихъ дѣйствій? Впрочемъ онъ предполагаетъ бытіе другаго закона возвышеннѣйшаго и постояннаго.

Началомъ политики Аристотелевой служитъ поль-

за т. е. сообразность средствъ съ ихъ назначеніемъ. Аристотель, на основаніи этаго начала, защищаетъ рабство. По его мнѣнію, одни люди назначены для рабства, другіе для свободы и самовластія; послѣдніе должны повелѣвать, а первые повиноваться; и въ семъ заключается ихъ величайшая польза. Изъ смертныхъ одни бываютъ царями по праву природы, и для пользы всѣхъ. Этотъ царь по праву природы, по словамъ Кузеня, столь сходенъ съ Александромъ великимъ, что не возможно не предполагать, чтобы учитель здѣсь не думалъ о своемъ ученикѣ — Героѣ. Но основательнѣе можно думать, что такое мнѣніе есть слѣдствіе точности его ума и вышепоказаннаго начала, по которому общество во первыхъ раздѣляется на рабовъ и господъ, потомъ одному изъ послѣднихъ даются въ управленіе прочіе, и онъ подчиняетъ страсти всѣхъ ихъ; политика Платона благопріятствуетъ республикѣ, впрочемъ Аристократической; а политика Аристотелева болѣе благопріятствуетъ монархіи. Она вящала страхъ болѣе къ безпорядку, нежели къ тираніи.

Его теорія изящныхъ искуствъ въ половину эмпирическая, не похожа на теорію Платонову о изящномъ идеальномъ; искуство, по его мнѣнію, состоитъ въ подражаніи природѣ. Риторика и Піитика одолжены ему своею учебною формою, и по отношенію къ нимъ онъ по сіе время почитается законодателемъ. Къ этому титлу должно еще присоединить титло изобрѣтателя натуральной Исторіи. Его исторіею животныхъ, и другими по-

добными сочиненіями можно оправдать все то, что онъ говоритъ въ пользу опытности. Здѣсь то онъ показалъ неутомимую наблюдательность, собралъ богатые матеріалы, (*) описалъ явленія, раздѣлилъ ихъ и сравнилъ съ удивительною точностію. Его исторіи о животныхъ и понынѣ ученые удивляются, не взирая на неимовѣрные успѣхи наукъ естественныхъ.

Одинъ новѣйшій писатель услуги Аристотеля для Философіи заключаетъ въ пяти его дѣйствіяхъ. 1) Въ раздѣленіи наукъ по ихъ родамъ. 2) Въ распространеніи ихъ области посредствомъ натуральной Исторіи, эконо-

(*) Удивительно, что изъ всѣхъ новѣйшихъ народовъ, одни только Испанцы, перевели на свой языкъ всѣ его творенія; но переводъ остался въ Мадритской библіотекѣ въ рукописи. Переводчикъ употребилъ десять лѣтъ на сей трудъ.

Думаютъ, что Александръ употребилъ болѣе 1000 человѣкъ, издержалъ многіе милліоны для того, чтобы доставить своему наставнику предметы, входящіе въ составъ натуральной исторіи и для его записокъ.

Много сочинялъ Аристотель, но мало издавалъ въ свѣтъ. Его рукописи достались ученику его Ѳеофрасту, отъ Ѳеофраста перешли къ Нелею, а наслѣдники Нелея, опасаясь, чтобы цари Пергамскіе, не похитили такое сокровище, зарыли ихъ въ сырую землю, въ которой они гнили 190 лѣтъ. Ихъ купилъ Аппеликонъ и перенесъ въ Аѳины а Силла по взятіи Аѳинъ, отправилъ въ Римъ и позволилъ всѣмъ желающимъ списывать съ нихъ копіи. Одна изъ таковыхъ копій снятая Тираннioномъ, отпущеникомъ Мецената досталась въ руки Андроника Родосскаго, который сочиненія Аристотеля пересмотрѣлъ и привелъ въ порядокъ.

мія и пр. 3) Въ опредѣленіи и обогащеніи Философскаго языка. 4) Въ соединеніи Философской исторіи съ изученіемъ Философіи. 5) Въ благоразумномъ употребленіи сомнѣнія при изслѣдованіи истины. Ему можно поставить въ вину: 1) явное желаніе унизить Философовъ, ему предшествовавшихъ. 2) Чрезвычайную темноту и сухость слога. 3) Чрезмѣрное притязаніе на систематическую связь. 4) Злоупотребленіе техническихъ выраженій, раздѣленій и разграниченій.

АКАДЕМИКИ.

§ 33. Философія Платонова состояла изъ двухъ отдѣльныхъ частей, отъ соединенія которыхъ образовалась прекрасная его система, разсуждающая о Богѣ, человѣчествѣ и мірѣ. Первая часть, которой держались нѣкоторые избранные ученики его, преимущественно состояла изъ науки объ идеяхъ и созерцаніи отрѣшенныхъ началъ, кои въ высшей степени просвѣщаютъ человѣческій разумъ, и объ отношеніи коихъ къ Пиѳагорову ученію о числахъ мы уже говорили. Другая часть, предметъ преподаванія публичнаго, была болѣе діалектическая, нежели догматическая, и опредѣляла болѣе область человѣческаго знанія. Отъ этого двоякаго ученія произошли двѣ системы совершенно различныя; одной досталась въ удѣлъ высокая теорія, а другая вмѣщала то оружіе, которое Платонъ употреблялъ противъ человѣческаго разума, оставленнаго самому себѣ. Отсюда произошелъ догматизмъ первой Академіи, и Скептицизмъ новой Академіи; каж-

дый изъ нихъ, день отъ дня увеличивался въ своемъ объемѣ, болѣе и болѣе отдѣлялъ одну Академію отъ другой. Первая Академія, управляемая непосредственными преемниками Платоновыми, была совершенно Пиѳагорейская и Идеалистическая; въ ней болѣе и болѣе раскрывалась Философія Платона. Спевсиппъ, племянникъ основателя Академіи, написалъ много сочиненій, которыя впрочемъ до насъ не дошли. Онъ допускалъ два признака истины, изъ коихъ одинъ относится къ вещамъ, подлежащимъ чувствамъ, а другой къ предметамъ, принадлежащимъ къ области знанія. Онъ весьма мало перемѣнилъ ученіе Платона впрочемъ въ его системѣ можно замѣтить наклонность къ Пиѳагорову ученію; — въ сочиненіяхъ Ксенократа, знаменитѣйшаго философа этой школы, явно обнаруживается идеальное направленіе. Онъ возобновилъ единицу и двоицу и терминологію системы Пиѳагоровой, называлъ душу числомъ самодвижущимся, въ особенности распространилъ Психологію Пиѳагорову, и усиливался, по правоученію Платона, возвышать только добродѣтель, а все прочее унижать. Потомъ Академіею управлялъ Полемонъ Аѳинскій, а ему наслѣдовалъ Кратесъ: они оба подтверждали свое ученіе жизнію, за что и были въ великомъ уваженіи у своихъ современниковъ. По причинѣ тѣсной связи ихъ во время жизни они были погребены въ одной могилѣ. Наконецъ ученіе основателя школы поддерживалъ Кранторъ Солійскій, другъ и ученикъ Ксенократовъ; онъ нѣсколько измѣнилъ ученіе народное и практическое.

ПЕРИПАТЕТИКИ.

§ 34. Для ученія Аристотелева послѣдователи его дѣлали тоже самое, что и Академики для ученія Платонова. Ученики Платоновы первоначально занимались нравоученіемъ; а Перипатетики болѣе физикою. Феофрастъ, замѣчательнѣйшій изъ учениковъ Аристотелевыхъ, извѣстный по натуральной исторіи, называетъ Божественнымъ какъ ученіе о разумѣ, которое собственно принадлежитъ Аристотелю, такъ и Астрономическую его систему. Эвдемъ только разкрылъ мнѣнія Θеофраетовы; а въ нравоученіи добродѣтель заключилъ въ счастіи. Дицеархъ и Аристоксенъ старались опредѣлить энтелехію, но безъ успѣха, и приняли то мнѣніе, впрочемъ отвергнутое Аристотелемъ, по которому душу заключали въ тройной гармоніи; эта гармонія, по мнѣнію ихъ, зависитъ отъ организаціи тѣла: душа есть иное, нежели тѣло; она есть матерія, по своей сущности единая и простая, составныя части коей такъ распоряжены и уравнены между собою, что могутъ производить жизнь и чувство.

Стратонъ Лампсакійскій, Физикъ, съ ученіемъ о Богѣ сдѣлалъ тоже, что предшествовавшіе Философы сдѣлали съ ученіемъ о душѣ. Вопреки ученію Аристотелеву о первой причинѣ, онъ не находилъ разума и мудрости въ порядкѣ явленій міра; природа, говоритъ онъ, сама по себѣ имѣетъ извѣстную силу жизни и дѣятельности; она не имѣетъ ни чувствованія, ни формы; все происходитъ

само собою безъ посредства Творца; эта система колеблется, какъ видно, между Атеизмомъ и Пантеизмомъ. Психологія его не отличается отъ психологіи системы совершенно сенсуалистической; по его мнѣнію, дѣйствіе мысли состоитъ изключительно въ чувствованіи, и онъ первый эту гипотезу усилилъ.

Между учениками Θеофраста замѣчателенъ еще Димитрій Фалерейскій, ораторъ. Онъ въ продолженіи десяти лѣтъ мудро и благоразумно управлялъ Аѳинами, и по удаленіи въ Египетъ, при Птоломеѣ Сотерѣ собралъ славную Александрійскую библіотеку, и былъ главнымъ при переводѣ 70 толковниковъ. Сочиненія, написанныя имъ въ уединеніи, преимущественно относятся къ нравственной Философіи. О прочихъ послѣдователяхъ Аристотелевыхъ историки говорятъ только то, что они въ особенности занимались разсужденіями о высшемъ благѣ.

ШКОЛА ЭПИКУРОВА.

§ 35. Мы видѣли, что непосредственные послѣдователи Платона и Аристотеля, не имѣли силъ обнять вдругъ всѣ части Философіи, и потому ограничились изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ открытій, сдѣланныхъ этими двумя великими мужами, и увидимъ, что они долго будутъ заниматься исключительно изслѣдованіемъ частныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы слѣдовать за смѣлымъ полетомъ Платона, нужно имѣть нравственное воодушевленіе, а оно рѣдко между людьми; но чтобы слѣ-

довать за Аристотелемъ во многочисленныхъ его номенклатурахъ, нужны неутомимое стремленіе къ познаніямъ, обширныя положительныя свѣдѣнія и особенная прозорливость, а этими дарованіями совокупно весьма рѣдкіе обладаютъ. Посему послѣ нихъ необходимо должны были явиться системы, болѣе вразумительныя, и болѣе приспособленныя къ состоянію умовъ. Удовлетворить этому требованію взялись двѣ школы, кои занялись тою частію философіи, которая болѣе близка къ общимъ потребностямъ жизни, ко взаимнымъ отношеніямъ, соединяющимъ членовъ общества т. е. правоученіемъ и публичнымъ правомъ. Первая была основана Эпикуромъ, и извѣстна подъ его именемъ; а другую основалъ Зенонъ Циттійскій, ученики коего назывались Стоиками.

Эпикуръ, изъ селенія Гаргетты, лежащаго близъ Аѳинъ, происходилъ отъ бѣдныхъ родителей: его отецъ Самоскій поселенецъ, питался отъ должности школьнаго учителя, а мать была ворожеею. Еще въ молодыхъ лѣтахъ въ немъ пробудился философскій геній — отъ чтенія сочиненій Демокритовыхъ; потомъ въ Аѳинахъ онъ слушалъ уроки, впрочемъ поверхностно, академика Ксенократа, Феофраста и другихъ. На 32-мъ году своей жизни онъ самъ открылъ школу въ Лампсакѣ, и спустя пять лѣтъ перевелъ ее въ Аѳины. Здѣсь въ своемъ саду онъ училъ философіи, которая отличалась снисходительностію къ требованіямъ чувствъ, отвращеніемъ отъ всякаго суевѣрія и тонкимъ вкусомъ и благоприличіемъ. Нѣтъ фи-

лософа, который бы былъ предметомъ столь противоположныхъ мнѣній, и который бы равно былъ хвалимъ и порицаемъ; впрочемъ несправедливо было бы приписывать его характеру тѣ недостатки, которымъ подвержено его ученіе. Изъ новыхъ Философовъ Гассендій защитилъ отъ нарѣканій память Эпикура; но онъ немогъ предотвратить гибельныхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ системы этаго Философа. Его можно обвинить за гордость, съ каковою онъ часто унижалъ труды другихъ философовъ; а въ особенности онъ былъ несправедливъ къ Демокриту, у котораго, по словамъ Цицерона, онъ многое заимствовалъ.

Эпикуръ, какъ открытый врагъ умозрѣнія, не вѣрилъ, будто наукамъ можно учиться для нихъ самихъ; онъ искалъ цѣли болѣе положительной и частной. Философія, по его мнѣнію, состоитъ въ познаніи и указаніи средствъ къ счастію человѣческому; препятствія къ этому счастію онъ находилъ въ предразсудкахъ, въ обольщеніи, въ заблужденіяхъ и въ невѣденіи. Это невѣденіе состоитъ или въ незнаніи законовъ, которыми управляется міръ; отъ него раждается суевѣріе и пустой страхъ, смущающій душу; а отсюда явствуетъ необходимость физики, какъ руководства къ нравоученію; или въ неумѣніи человѣка употреблять свои способности; отсюда явствуетъ необходимость прежде всего узнать въ точности разумъ человѣческій. Эпикуръ эту часть философіи, которую онъ почитаетъ введеніемъ въ свою теорію о счастіи, назвалъ каноникою. Унего проще всего теорія человѣческаго поз-

панія. Тѣла, изъ которыхъ слагается вселенная, произошли изъ атомовъ, и безпрерывно извергаютъ изъ себя нѣкоторыя части. Эти атомы, прикасаясь къ чувствамъ производятъ чувствованія αἰσθήσις. Всякое чувствованіе можетъ быть разсматриваемо по отношенію къ его предмету, или по отношенію къ имѣющему оное. Далѣе всякое чувствованіе бываетъ всегда справедливо, оно не можетъ быть ни утверждаемо, ни опровергаемо; и само по себѣ очевидно. Всѣ наши общія идеи мы почерпаемъ изъ чувствованій, изъ идей чувственныхъ потому, что чувствованія заключаютъ въ себѣ per anticipationem предварительно корни общихъ идей.

Неизвѣстно, что разумѣлъ Эпикуръ подъ этими anticipationes или предвѣдѣніями προλήψεις, отъ коихъ онъ производилъ общія идеи: что касается до ихъ свойства, то онъ положительно говоритъ, что онѣ ни безусловны, ни необходимы; онѣ суть произведеніе человѣческаго разума, и по сему не изъяты отъ погрѣшностей. Ошибка не заключается ни въ чувствованіи, ни въ идеи чувствованія, но въ родовыхъ понятіяхъ, которыя мы изъ оныхъ извлекаемъ. Нѣтъ ничего смѣшнѣе и безполезнѣе, по словамъ его, сбивчивой науки, и ничтожныхъ формулъ, выдуманныхъ діалектиками; умозаключенія самыя отвлеченныя, по своему свойству, не отличаются отъ умозаключеній общаго смысла. Вся Логика состоитъ въ томъ, что бы имѣть ясныя и раздѣльныя понятія, отличать съ осторожностію то, что изъ оныхъ слѣдуетъ

отъ того, что не слѣдуетъ, и умѣть надлежащимъ образомъ устремлять вниманіе на предметы.

Физика Эпикурова неотлична отъ физики Демокритовой. Эпикуръ только усовершилъ и раскрылъ гипотезу объ атомахъ; онъ этими атомами изъясняетъ систему міра, не прибѣгая къ первому движителю, къ первому разуму. Впрочемъ онъ признаетъ Боговъ, но тѣлесныхъ, потому, что чистые духи по теоріи атомической не возможны. Боги эти похожи на призраки, дѣйствующіе на насъ во снѣ и производятъ въ умѣ человѣческомъ неизъяснимое впечатлѣніе, подъ именемъ религіознаго чувства. Это среднее между духомъ и матеріею, которымъ Эпикуръ объяснилъ загадочную природу боговъ, послужило ему основаніемъ ученія о природѣ души. Демокритъ прямо утверждалъ, что душа есть тѣло, состоящее изъ тонкихъ атомовъ огненнаго свойства, а Эпикуръ прибавилъ, что для изъясненія чувствованія недостаточно атомовъ, и что должно прибѣгнуть къ другому основанію. А это основаніе есть средина между душою матеріальною и душою нематеріальною; или лучше сказать, матеріальный элементъ, подобный духамъ животнымъ XVII столѣтія, или нервной жидкости XVIII.

Разсмотримъ теперь нравоученіе Эпикурово. На томъ основаніи, что главнымъ дѣйствіемъ души человѣческой суть чувствованія, ею испытываемыя, первымъ закономъ, которому она должна повиноваться, должно быть удаленіе отъ непріятныхъ чувствованій, и исканіе пріят-

ныхъ. Это же нравоученіе естественнымъ образомъ вытекало изъ матеріальной системы Демокрита, и на немъ же Аристиппъ основалъ свою систему. Но Эпикуръ раздѣляетъ пріятныя чувствованія и удовольствія на роды; онъ разсуждаетъ объ ихъ продолжительности, силѣ и слѣдствіяхъ, и требуетъ, чтобы разумъ разбиралъ ихъ. Безъ сомнѣнія, живыя удовольствія и испытываемыя нами весьма содѣйствуютъ раскрытію нашей нравственности, или физической дѣятельности; но не имѣютъ ли онѣ иногда худыхъ послѣдствій? Почему должно наслаждаться оными съ умѣренностію, стараться объ истинномъ счастіи, состоящемъ въ душевномъ покоѣ. Когда душа не имѣетъ спокойствія, тогда не можетъ быть счастія; въ такомъ случаѣ существуетъ одно только удовольствіе. Но этаго спокойствія нельзя пріобрѣсть безъ добродѣтели; безъ нее нѣтъ продолжительныхъ удовольствій, нѣтъ истиннаго счастія; при добродѣтели и мудрости не можетъ быть безпокойныхъ удовольствій потому, что въ нихъ заключается спокойствіе и счастіе души.

Такимъ образомъ Эпикуръ признаетъ необходимость добродѣтели, онъ ее безпрестанно хвалитъ; но онъ отнимаетъ отъ нее всю обязательную силу, признавая ее только необходимымъ средствомъ къ счастію. Наконецъ эту добродѣтель, высоко имъ цѣнимую, онъ унижаетъ, если смотрѣть на нее въ отношеніи къ ближнимъ нашимъ. Такъ онъ ищетъ прежде всего спокойствія душевнаго; но можемъ ли мы обладать имъ, когда испол-

няемъ должности, возлагаемыя на насъ обществомъ? Чтобы не нарушить этаго внутренняго счастія, не надобно быть ни супругомъ, ни отцомъ, ни гражданиномъ, ни начальникомъ, ни воиномъ, однимъ словомъ, должно расторгнуть всѣ связи семейственныя и общественныя; но тогда чѣмъ это безстрастіе ἀταραξια будетъ отличаться отъ совершеннаго Эгоизма? Словомъ сказать, ученіе Эпикура, основанное на чувствованіи, по неизбѣжному слѣдствію сенсуализма, сначала впадаетъ въ матеріализмъ, потомъ въ атеизмъ, а наконецъ допускаетъ такое нравоученіе, которое въ высшей степени благопріятствуетъ Эгоизму.

Но, къ счастію человѣчества, не многіе Философы въ образѣ жизни держались своихъ теорій. Эпикуръ, основавшій Философію счастія, которая вела къ Эгоизму, могущему довесть и доведшему въ самомъ дѣлѣ поздѣйшихъ послѣдователей его ученія до преступленій и разврата, заслужилъ своимъ пріятнымъ и благороднымъ характеромъ уваженіе, и былъ почти обожаемъ своими многочисленными учениками. Ему воздвигнуты были статуи, и въ его честь отправлялись церемоніи; точно также неукоризненъ характеръ первыхъ Эпикурейцовъ. Изъ нихъ славны: Метродоръ, почитаемый вторымъ Эпикуромъ, достойный уваженія по своимъ добродѣтелямъ, и многимъ сочиненіямъ противъ Софистовъ и Діалектиковъ; Гермахъ Митиленскій, котораго самъ Эпикуръ назначилъ своимъ преемникомъ, мужъ, сдѣлавшійся изъ раба Эпикурова любимымъ его ученикомъ и славнымъ Философомъ; Идоменій,

отъ коего Сенека, по собственному его признанію, научился строгости въ сужденіи; и многіе другіе, о которыхъ историки говорятъ съ похвалою. Школа Эпикурова существовала долгое время безъ перемѣны. Послѣ она болѣе раскроется, и вступитъ въ споръ съ Школою Стоиковъ.

ЗЕНОНЪ И СТОИКИ.

§ 36. Счастіе и добродѣтель неразлучны; съ исполненіемъ обязанностей всегда соединяется внутреннее удовольствіе, которое служитъ наградою. Разбирая дѣйствія душевныя очень ясно можно видѣть подтвержденіе этаго въ сознаніи человѣческомъ; но погрѣшимъ, если на основаніи отношенія, ихъ соединяющаго, будемъ принимать ихъ одно за другое. Эпикуръ, принявъ за основаніе своей философіи удовольствіе, почиталъ все остальное постороннимъ; а отселѣ необходимо вытекало такое положеніе, что добродѣтель есть дѣло стороннѣе, и что ее можно оставлять въ томъ случаѣ, когда мы можемъ достигнутъ безъ нее конечной цѣли настоящей жизни, т. е. удовольствія. Зенонъ впалъ въ противную крайность: отвергая главное начало философіи Эпикуровой, онъ училъ добродѣтели строгой и суровой, даже вопреки закона, начертаннаго въ нашей совѣсти, которымъ возвѣщается намъ, что счастіе должно быть слѣдствіемъ исполненія обязанностей; и что родъ человѣческій не созданъ для добродѣтели лишенной всякаго удовольствія.

Онъ родился въ Циттіи на островѣ Кипрѣ, отъ бо-

гатаго купца. Говорятъ, что онъ былъ выброшенъ въ Аѳины кораблекрушеніемъ, и что это происшествіе, которое онъ почиталъ счастливѣйшимъ въ жизни, рѣшило его на занятіе философіею. Онъ учился у Циника Кратеса, у Мегарійцевъ Стильпона и Діодора, у Академиковъ Ксенофана и Полемона. Такимъ образомъ онъ имѣлъ случай согласить разногласія Сократовой школы. Въ портикѣ ϛόα въ Аѳинахъ онъ составилъ школу, извѣстную по множеству философовъ, приверженныхъ къ добродѣтели, по своему вліянію на общество и на дѣятельную жизнь и по борьбѣ съ порокомъ и деспотизмомъ. Говорятъ, что Зенонъ послѣ жестокаго ушиба заставилъ себя убить 260 года до Р. Х. Эпикуръ умеръ прежде его.

По мнѣнію стоиковъ, цѣль человѣка есть совершенство, для достиженія котораго необходимы три условія: здравый разумъ, точное познаніе вещей и безпорочная жизнь. Посему философія у нихъ раздѣляется на три части: на Логику, Физіологію и Ѳеику.

Логика Зенона и его послѣдователей гораздо обширнѣе Логики Аристотелевой; частною цѣлію ея, вопреки народнымъ мнѣніямъ, было основаніе знанія твердаго и непоколебимаго, знанія, достойнаго мудреца; основныя начала ея суть слѣдующія: послѣ, произведеннаго на душу внѣшними предметами, впечатлѣнія т. е. послѣ чувствованія αἰσθησις, душа представляетъ образъ предмета; этотъ образъ у Стоиковъ называется φαντασμα, visum. Кромѣ этаго познанія, совершенно опытнаго, есть еще

общія идеи, непроисходящія отъ чувственности. Ихъ образуетъ разумъ изъ представленій, произведенныхъ чувствами. —

Философы этой школы точно не опредѣляютъ двухъ началъ познанія человѣческаго, можетъ быть, потому, что самъ основатель не говорилъ о нихъ раздѣльно. Но Хризиппъ допускалъ въ душѣ человѣческой бытіе способности образовать общія понятія, чрезъ сравненіе и соединеніе идей частныхъ; а разумъ вся эта школа почитала способностію высшею и управляющею. Правиломъ для познанія истины она почитала здравый разумъ ὀρθὸς λόγος, который понимаетъ предметъ надлежащимъ образомъ.

Точно таковы же основанія Физіологіи Зеноновой. Онъ допускалъ въ мірѣ два начала: одно страдательное — матерію ὑλη πρωτη, а другое дѣйствующее, разумное — Бога. Богъ существуетъ не отдѣльно отъ міра, онъ имъ управляетъ и составляетъ душу его, а вселенная есть цѣлое одушевленное, органическое тѣло, коего всѣ части между собою соединены и дѣйствуютъ другъ на друга. Богъ на міръ дѣйствуетъ по непремѣннымъ и постояннымъ законамъ, которые составляютъ родъ вещественной формы. Разсуждая о происхожденіи существъ органическихъ, стоики называютъ оныя λογοι σπερματικοι rationes seminales. На этомъ понятіи основывается ихъ умозрѣніе о причинахъ. Древніе говорили: *изъ ничего не бываетъ ничего*; а Зенонъ говоритъ: *ничего не бываетъ безъ причины.* Связь между причинами и дѣйствіями без-

предѣльна. Настоящее заключаетъ въ себѣ начало будущаго; а само есть слѣдствіе предыдущаго. Этотъ вѣчный, общій порядокъ, въ слѣдствіе коего все случающееся должно случиться, составляетъ Стоическую судьбу, главный законъ необходимости, управляющій всѣми явленіями, который не есть законъ механическій потому, что происходитъ отъ причины разумной, отъ всемогущества и премудрости Божіей. Настоящіе Стоики допускаютъ провидѣніе, а не рокъ. Въ ихъ ученіи нѣтъ пантеизма, какъ нѣкогда ихъ упрекали, но допускается дуализмъ (два начала), и въ слѣдствіе Богоученія явно проповѣдуется, хотя еще не полно, совершенство міра (оптимизмъ). Ежели Богъ существуетъ, и является въ мірѣ по законамъ, поставленнымъ для него Имъ же самимъ; то міръ, особенно по своему устройству и по своему порядку есть прекрасное твореніе, есть наилучшій, разумный. Безъ сомнѣнія это ученіе о совершенствѣ міра не одинаково съ ученіемъ Христіанскимъ и Лейбницовымъ: но ученію Стоической Философіи доставляетъ славу и то, что она нѣсколько близка къ этимъ ученіямъ.

Таковой метафизикѣ соотвѣтствовало и правоученіе. Когда разумъ есть основная сила человѣчества, законъ природы и правило дѣйствія для самаго Бога; то слѣдуетъ, что практическій законъ преимущественно состоитъ въ жизни, сообразной съ разумомъ. Изъ этаго основнаго правила нравственности выводятся слѣдующія заключенія: ежели разумъ есть единственное правило всѣхъ

дѣйствій человѣческихъ, то слѣдуетъ, что только дѣйствія, сообразныя съ разумомъ, суть добрыя, а несообразныя съ нимъ суть злыя. Далѣе ежели разумъ составляетъ достоинство человѣка; то сообразность нашихъ дѣйствій съ разумомъ есть единственная и главная цѣль всѣхъ нашихъ дѣйствій, единственная цѣль для человѣка и верховное благо его потому, что верховное благо существа состоитъ въ сообразности съ закономъ и цѣлію его бытія т. е. съ его природою. Итакъ верховное благо εὐδαιμονία заключается въ сообразности дѣйствій человѣка съ разумомъ. По этому же правилу надобно судить о злѣ, и для сужденія о немъ нѣтъ другаго правила.

Удовольствій и неудовольствій нельзя назвать ни добрыми ни худыми; въ нихъ нѣтъ ни добра ни зла; физическія послѣдствія дѣйствій ни какого неимѣютъ значенія. Итакъ, по ученію Зенона, должно добромъ почитать только то, что добро, не зависимо ни отъ какихъ обстоятельствъ, слѣдовательно одну добродѣтель, подобно какъ зломъ должно щитать одинъ порокъ. Нравственность, какая требуется отъ людей, состоитъ въ возвышеніи его до безстрастія и презрѣнія всѣхъ страстныхъ побужденій, въ освобожденіи отъ гибельнаго плѣнничества страстей, и подчиненіи разуму всѣхъ побужденій, въ признаніи тѣхъ только дѣйствій достойными мудраго, кои предписываетъ разумъ, въ предпочтеніи честнаго полезному, въ безпрестанномъ устремленіи вниманія къ образу совершенства, составляющему конецъ всѣхъ благъ

человѣческихъ, въ просвѣщеніи разума познаніемъ законоположенія вѣчнаго, всеобщаго, даровавшаго вицовникомъ всѣхъ существъ и напечатлѣннаго на всѣхъ его дѣлахъ, въ рѣшимости жить добродѣтельно, на основаніи долга и обязательства, независимо отъ личныхъ выгодъ, въ соединеніи между собою всѣхъ добродѣтелей, въ постоянствѣ, мужествѣ и пожертвованіи всѣмъ для нея. Зенонъ, по словамъ Цицерона, имѣлъ въ виду одну нашу душу, какъ бы мы совсѣмъ не имѣли тѣла. Платонъ возвысилъ человѣческій умъ; Аристотель старался оковать его правилами; Эпикуръ, его унизилъ; Стоики имѣли вліяніе не столько на умственныя способности, сколько на характеръ человѣка.

Такова хорошая сторона нравоученія Стоическаго. Оно въ самомъ дѣлѣ достойно тѣхъ похвалъ, кои ему воздаются. Но заблужденія, въ которыя оно впало, и о которыхъ мы будемъ далѣе говорить, покажутъ, что нельзя безнаказанно противиться началамъ общаго смысла.

Всѣ дѣйствія, по словамъ Стоиковъ, суть сообразныя, или несообразныя съ разумомъ. Всѣ дѣйствія, сообразныя съ разумомъ, соединяются между собою тѣмъ, что онѣ сообразны съ разумомъ. Отселѣ происходитъ равенство всѣхъ дѣйствій добрыхъ. Всѣ дѣйствія злыя соединяются между собою въ несообразности съ разумомъ; слѣдовательно онѣ равны между собою, въ отношеніи къ несообразности съ разумомъ: отселѣ нѣкоторые Стоики, а особенно Стоики Римскіе допустили

смѣшную нелѣпость, что всѣ дѣйствія злыя равны между собою, т. е. будтобы лгать и убивать суть дѣйствія равныя.

Далѣе, что препятствуетъ человѣку поступать всегда сообразно съ разумомъ? Страсть. Итакъ страсть есть врагъ, котораго человѣкъ обязанъ сразить; отселѣ нравственная сила, великодушіе, постоянство весьма хорошо выражены въ двухъ повелѣніяхъ: *'ανεχϑ*, безропотно сноси несчастія настоящей жизни, и *'απεχϑ* воздерживайся. — Нравоученіе Стоическое предписываетъ человѣку всемъ жертвовать для того, чтобы не нарушить спокойствія души своей и внутренней чистоты. Для человѣка, преданнаго изключительно одному попеченію о своей душѣ, что можетъ быть полезнѣе уединенія и прекращенія всѣхъ отношеній къ міру? Такимъ образомъ Философія Стоиковъ началами противоположными началамъ Эпикуровой школы доводитъ до Эгоизма. Добродѣтели Стоиковъ были безполезны для міра; ихъ твердость и удивительное постоянство въ борьбѣ разума со страстями, составлявшей для нихъ единственный предметъ дѣятельности, не имѣли никакого вліянія на счастіе человѣчества. Главнымъ предметомъ ихъ попеченія была чистота души: отселѣ происходило, что когда эта чистота подвергалась опасности, и они отчаявались въ побѣдѣ, то они прибѣгали, подобно Катону, къ самоубійству *'αυτοχειρια*.

Клеантъ послѣдователь Зенона, очень мало приба-

вилъ къ ученію его: онъ овеществилъ еще болѣе понятія, коихъ учитель его не могъ съ ясностію отдѣлить отъ вещественныхъ условій; впрочемъ онъ оказалъ Философіи услугу изложеніемъ способа доходить до понятія о существѣ верховномъ, совершенномъ, изъ разсматриванія постепенныхъ совершенствъ въ системѣ существъ. Стобей сохранилъ намъ его гимнъ въ честь Юпитера, который по справедливости щитается изящнѣйшимъ произведеніемъ древней поэзіи.

Хризиппъ исправилъ опредѣленіе образа *фантазма*, испорченное Клеантомъ. Онъ раздѣлилъ предметъ, представляемый отъ предмета вымышляемаго воображеніемъ, и такимъ образомъ нѣсколько объяснилъ дѣйствіе понятія. Преимущественно же онъ славенъ по искуству, съ каковымъ защищалъ противъ новыхъ Академиковъ ученіе Стоическое, ниспровергаемое Арцезилаемъ. Дабы съ честію выдержать этотъ споръ, онъ старался усовершенствовать Зенонову логику; по этому сами Стоики почитаютъ его за основателя этой части ихъ Философіи. Они о его логикѣ имѣли весьма высокое мнѣніе. Ежелибъ Боги, говорили они, имѣли нужду въ логикѣ, то безъ сомнѣнія они воспользовались бы логикою Хризиппа.

Панетій Родосскій другъ Полибія, наставникъ Сципіона Африканскаго и спутникъ его въ путешествіяхъ, первоначально училъ въ Аѳинахъ, а потомъ Стоическую Философію перенесъ въ Римъ. Цицеронъ, превозносящій его похвалами, имъ руководствовался въ разсужденіи

своемъ о должностяхъ. По свидѣтельству Римскаго философа, его ученіе во многомъ сходствовало съ ученіемъ Платона, котораго онъ въ своихъ сочиненіяхъ назвалъ Божественнымъ Платономъ, мудрѣйшимъ и непорочнѣйшимъ изъ людей, Гомеромъ философіи. Онъ сочинилъ философскую исторію, объ утратѣ коей не льзя не жалѣть. Мнезаркъ и Поссидоній собственно старались о приведеніи въ порядокъ Стоической философіи. У послѣдняго учился Цицеронъ. Онъ не удовлетворялся одними умозрѣніями философскими, но занимался также другими науками, а особенно Геометріею и Географіею. Послѣ Аристотеля онъ первый старался соединить положительныя науки съ философіею.

СКЕПТИЦИЗМЪ НОВОЙ АКАДЕМІИ.

§ 37. Въ то самое время, какъ философія Стоическая питала надежду утвердить на незыблемомъ основаніи зданіе, ею построяемое, и обезопасить отъ нападенія Эпикуреизма нравоученіе, возстала противъ нее новая Академія. Платонова школа не могла смотрѣть равнодушно на усилія Эпикуровой и Стоической школы. Для ниспроверженія той и другой она воспользовалась Сократовою ироніею и Платоновою діалектикою.

Скептицизмъ составляетъ отличительное свойство новой Академіи. Основатель ея имѣлъ цѣлію ниспровергнуть догматизмъ Зеноновъ и Эпикуровъ; но какъ и самъ онъ основался на догматизмѣ, то и остерегался совер-

шенцаго скептицизма, отъ котораго пало и ученіе Платоново.

Арцезилай, авторъ этой системы, сначала посѣщалъ Лицеи во время Θеофраста и Полемона; вѣроятно, что онъ держался также и ученія Мегарянъ. Но Платоновы сочиненія плѣнили его; онъ былъ напитанъ чтеніемъ поэтовъ, особенно Гомера и Пиндара, и съ плѣнительнымъ краснорѣчіемъ соединялъ такую логику, что противники его принуждены были молчать. Его сограждане и современники, говоритъ Нуменій, не вѣрили тому, чего не утверждалъ Арцезилай. Будучи богатъ, щедръ, человѣколюбивъ, онъ былъ любимъ своими учениками столькоже, сколько плѣнялъ своихъ слушателей. Жизнь его была неукоризненна; она была образцомъ умѣренности и благоразумія.

Споръ его съ Стоическою Философіею весьма занимателенъ и поучителенъ въ Философіи ума человѣческаго. Ни въ древности, ни въ новѣйшія времена, даже до Декарта и Лейбница, вопросъ о достовѣрности и дѣйствительности познаній человѣческихъ, не обращалъ подобнаго вниманія, и не былъ изслѣдываемъ съ подобнымъ тщаніемъ и глубокомысліемъ.

Стоики учили, что образъ *φαντασμα*, раждающійся отъ чувствованія, сообразенъ съ своимъ предметомъ. Арцезилай возсталъ противъ сего ученія; и этотъ споръ возобновленъ послѣ, — сначала Карнеадомъ, который на немъ основалъ Академическій скептицизмъ; потомъ во

время схоластики Оккамомъ, далѣе, спустя уже долго, Арнольдомъ, наконецъ Беркелеемъ, Юмомъ и Шотландскою школою. У Секста можно видѣть сокращеніе Арцезилаева опроверженія Стоиковъ. Стоики, говоритъ онъ, раздѣляли между собою знаніе, мнѣніе и понятіе, καταληψια, занимающее средину между двумя первыми. Понятіе не можетъ занимать средину между познаніемъ и мнѣніемъ, и служитъ къ ихъ различію: ибо этимъ самымъ понятіемъ обладаетъ или мудрый или необразованный; если мудрый, то оно есть знаніе; а ежели необразованный, то оно не болѣе, какъ мнѣніе; слѣдовательно само по себѣ оно есть слово безъ значенія. Этаго понятія, при посредствѣ котораго будтомы соглашаемся на вещи, представляющіяся нашему зрѣнію, нигдѣ не существуетъ. Мы вѣримъ не образамъ, а только разуму потому, что люди утверждаютъ предложенія только точныя; а изъ образовъ нѣтъ ни одного, который бы не могъ быть сложнымъ, и вмѣстѣ истиннымъ. Итакъ ежели мудрый соглашается на основаніи этаго обманчиваго признака, поставленнаго Стоиками, то онъ владѣетъ въ самомъ дѣлѣ только простымъ мнѣніемъ. Арцезилай, по примѣру Сократа, считалъ сомнѣніе основаніемъ Философіи.

Въ то самое время, какъ Хризиппъ ограждалъ ученіе Стоиковъ, опредѣляя участіе разума въ дѣйствіи понятія, съ такою точностію, какой не видно въ его предшественникахъ, явился Карнеадъ, и опять возобновилъ споръ. Онъ пытался совершенно ниспровергнуть дѣло Хризиппа,

слѣдовалъ за нимъ во всѣхъ его умствованіяхъ, какъ тѣнь за тѣломъ, ежели можно такъ выразиться, и часто говаривалъ о себѣ самомъ, что безъ Хризиппа онъ не былъ бы таковымъ. Скептицизмъ его склонялся къ вѣроятности τὸ πιθανον, т. е. походилъ на слабый догматизмъ. Онъ не отвергалъ ни истинъ подлежательныхъ, ни бытія существъ дѣйствительныхъ и внѣшнихъ; онъ только настаивалъ въ томъ, что по измѣненіямъ нашего существа не льзя судить о предметахъ. Ежели вѣрить Нумепію; то этѣ занятія, въ которыхъ онъ поперемѣнно то утверждалъ, то отвергалъ однѣ и тѣже мнѣнія, противополагалъ сужденія самимъ себѣ, и старался все запутать хитрыми доводами, составляли его внѣшнее ученіе; онъ его употреблялъ только для опроверженія Стоиковъ, а тайно училъ своихъ учениковъ положительнымъ наукамъ, и излагалъ ихъ съ такоюже истиною и достовѣрностію, какія видны въ прочихъ Философахъ. Карнеада почитаютъ основателемъ третьей Академіи. Ему наслѣдовалъ Клитомахъ Карѳагенскій, который занимался только объясненіемъ мнѣній своего учителя.

Хотя главную цѣль Академиковъ составляло опроверженіе догматическихъ положеній Стоическихъ Философовъ; впрочемъ они должны были войти въ дальнѣйшія изслѣдованія, коихъ безъ сомнѣнія не предвидѣли, и, вопреки своимъ намѣреніямъ, усумнились въ дѣйствительности нашихъ познаній.

Академія, вступивъ въ соперничество съ Стоической

школою, не могла примѣтить, что противополагая своему противнику, одну Философію отрицательную, она принуждала людей не уважать себя и не вѣрить себѣ. По этому, безъ сомнѣнія, случаю Филонъ и Антіохъ рѣшились постепенно вводить языкъ положительный, и примирить Стоиковъ съ Скептиками. По новому направленію, сообщенному ими сей школѣ, нѣкоторые историки ихъ школу почитаютъ четвертою и пятою Академіею, а этихъ двухъ философовъ основателями оныхъ. Но мгновенное согласіе двухъ враждебныхъ системъ, доказывавшее миролюбіе самыхъ сочинителей, не могло совершенно измѣнить главныхъ расположеній человѣческаго духа къ невѣрію и сомнѣнію. Философія идеалистическая не могла остаться на долгое время скептическою; ея скептицизмъ обнаруживалъ догматическія покушенія, коихъ не льзя было скрыть.

СКЕПТИЦИЗМЪ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

§ 38. Энезидемъ былъ современникъ Цицерону. Онъ родился въ Критѣ, жилъ и училъ въ Александріи. Уже Философія Греческихъ школъ давно перенесена была на новую сцѣну, и быстро распространилась въ Александріи, Римѣ и во всей Римской Имперіи. Тогда какъ прочіе Философы, не примѣчая поводовъ ко враждѣ съ основателями Академіи, Лицея и Портика, всю славу свою поставляли въ изъясненіи ихъ, или въ соглашеніи ихъ умозрѣній, болѣе или менѣе удачномъ; Энезидемъ, не удовлетворившись плодами этихъ первыхъ опытовъ Эк-

лектизма, по особенной привязанности къ идеямъ Гераклита, вознамѣрился снова разкрыть сомнѣнія Пиррона. Онъ упрекалъ скептическую философію Академиковъ въ недостаткѣ всеобщности, а по этому въ противорѣчіи самой себѣ. Академики, говоритъ онъ, съ своимъ умомъ въ самой сущности суть истинные догматики. Они нѣкоторыя предложенія почитаютъ за несомнѣнныя, а другія за совершенно ложныя. Пирроники на противъ о всемъ вообще сомнѣваются; они не только не принимаютъ никакого догмата, но даже опасаются и утверждать оный, будутъ ли вещи вообще возможныя, или вообще непостижимыя. Они не согласны на принятіе вѣроятности или невѣроятности столько же, сколько на принятіе дѣйствительности или недѣйствительности; и не говорятъ рѣшительно даже и о своей нерѣшимости.

Удерживаться отъ рѣшительнаго сужденія, онъ повелѣваетъ на основаніи десяти причинъ, δεκα τροποι εποχης, изобрѣтеніе, которыхъ приписывается Пирропу, именно на основаніи: 1, различія животныхъ; 2, различія людей, какъ недѣлимыхъ; 3, физическаго устройства тѣла; 4, обстоятельствъ и измѣняемыхъ состояній предмета; 5, положенія, разстоянія и различныхъ мѣстныхъ условій; 6, на основаніи связи и запутанности, въ которыхъ намъ представляются вещи; 7, различныхъ измѣреній и различнаго образованія вещей; 8, взаимныхъ отношеній вещей; 9, на основаніи обыкновенности или необыкновенности чувствова-

вій; и 10, на основаніи вліянія воспитанія, гражданскихъ и религіозныхъ постановленій.

Но особенно скептицизмъ Энезидема отличается нападеніемъ на дѣйствительность понятія причины; онъ утверждалъ, что понятіе винословности есть пустое потому, что неизъяснимо отношеніе между причиною и дѣйствіемъ. Причина производитъ дѣйствіе, но какъ она производитъ? Производитъ ли она одна по себѣ и единою силою? Тогда она производила бы только одно дѣйствіе, всегда совершенно одинаковое. Но если скажемъ мы, что она дѣйствуетъ многими соединенными силами, тогда всѣ эти силы должны вдругъ дѣйствовать на всѣ вещи, и производить тоже дѣйствіе на каждую. Но такія послѣдствія опровергаются опытомъ. Отдѣлимъ ли причину отъ матеріи, на которую она дѣйствуетъ, она тогда не будетъ дѣйствовать, потому что не будетъ тогда условія дѣйствованія; соединимъ ли ее съ матеріею, тогда и та и другая вдругъ будутъ дѣйствіемъ и причиною, тутъ будутъ вмѣстѣ дѣйствіе и воздѣйствіе. Прикосновеніе и проницательность равно не могутъ изъяснить подлиннаго дѣйствія. Ежели на какую нибудь вещь дѣйствуютъ; то это бываетъ или посредствомъ убавленія или прибавленія, или посредствомъ измѣненія; но эти три дѣйствія суть равно не возможны. Естественнымъ слѣдствіемъ этаго доказательства есть то, что мы не знаемъ отношенія дѣйствія къ причинѣ. Но Энезидемъ заключалъ, что между ними отношенія совсѣмъ нѣтъ. Здравой Философіи не

слѣдовало бы выводить этаго заключенія, но мы далѣе увидимъ, что это же заключеніе служило основаніемъ умозрѣнія славнаго въ XVIII столѣтіи своимъ скептицизмомъ, философа Англійскаго Юма.

Впрочемъ, если вѣрить Дежерандо, то скептицизмъ Энезидема былъ только средствомъ къ усиленію философіи Гераклита, къ которой онъ былъ приверженъ; главнымъ образомъ онъ старался доказать непостоянство вещей, которое служило основаніемъ системы Гераклита. Слѣдовательно Энезидемъ относительно философіи этаго Ефесянина здѣлалъ тоже, что Арцезилай и Карнеадъ здѣлали относительно философіи Платона. Аристоклесъ, философъ Перипатетическій, пытался опровергнуть Энезидема семью причинами, кои всѣ можно привести къ двумъ: 1, противорѣчіемъ, въ которое впадаетъ скептицизмъ и 2, пагубными послѣдствіями скептицизма для практики.

Между преемниками Энезидема упомянемъ о Агриппѣ, который вмѣсто десяти означенныхъ причинъ къ сомнѣнію привелъ пять, именно: 1, разногласіе мышленій; 2, необходимость въ томъ, чтобы всякое доказательство было доказываемо само собою; 3, относительное свойство всѣхъ нашихъ идей; 4, условное свойство всѣхъ системъ; 5, неизбѣжный въ доказательствѣ философскомъ кругъ. Фаворита Арлейскаго, этаго перваго философа между Галлами, нѣкоторые сочинители ставятъ въ числѣ Академиковъ; но, по свидѣтельству Галіена, его должно отнести къ числу Скептиковъ. Онъ раскрылъ

начала Энезидема, и почиталъ правдоподобнымъ только то, что ничего нельзя знать несомнѣнно.

Почти всѣ эти философы, и многіе другіе имъ послѣдовавшіе, кои извѣстны намъ только по именамъ, были врачами, изъ школы Эмпириковъ и Методистовъ. Вѣря одному наблюденію, они отвергали умозрѣніе, принуждавшее ихъ доходить до причинъ болѣзней. Извѣстнѣе всѣхъ изъ нихъ Секстъ, прозванный Эмпирикомъ по врачебной школѣ, къ которой онъ принадлежалъ. Онъ родился въ Метиленѣ въ концѣ втораго вѣка нашего лѣтосчисленія, и учился у Скептика Геродота Тарскаго.

Имя Секста Эмпирика, по словамъ Беля, было въ школахъ почти неизвѣстно. Причины къ сомнѣнію, какія онъ выставлялъ, также мало были извѣстны, какъ и южная земля, когда Гассендій представилъ сокращеніе оныхъ. Нельзя не дивиться этому всеобщему и долговременному забвенію. Въ сочиненіяхъ Секста заключается не одно только полное описаніе Скептицизма; но онѣ содержатъ еще многочисленные, различные и драгоцѣннѣйшіе документы всей древней философіи. Этотъ необыкновенный человѣкъ изучалъ всѣ ученія, испытывалъ сближалъ, и сравнивалъ ихъ между собою; его точность ручается за достовѣрность его свидѣтельства; онъ смотритъ на существенные пункты каждой системы съ проницательностію и прозорливостію.

Секстъ назвалъ предположеніями Пирроновыми раз-

сужденіе, въ которомъ онъ Методически изложилъ всю свою систему. Онъ писалъ много разсужденій противъ учителей наукъ, противъ Геометровъ, Ариѳметиковъ, Астрологовъ, Логиковъ, Физиковъ, Моралистовъ, которыя называются общимъ именемъ aduersus Mathematicos, по той причинѣ, что первое разсужденіе дѣйствительно писано противъ Математиковъ.

Три признака, говоритъ Секстъ, criteria, т. е. средства къ отличенію истины отъ лжи, принимаютъ; первый относится къ разсуждающему т. е. человѣку, второй къ средству, при пособіи коего онъ судитъ: т. е. чувствамъ и познавательной способности; третій ко впѣчатленію, произведенному предметами въ душѣ; такія средства извѣстны подъ именемъ criterium a quo, per quod, secundum quod. Споры Философовъ объ этихъ средствахъ достаточно показываютъ, что совсѣмъ несуществуетъ такого средства: потому чтобы признать его таковымъ, нужно новое и высшее средство criterium. Секстъ одинаково судитъ какѣ о правдоподобности Академиковъ, такъ и о достовѣрности Догматиковъ. Начало причинности онъ оспариваетъ доказательствами Энезидемовыми. Въ пяти послѣднихъ книгахъ разсужденія aduersus Mathematicos, онъ разсматриваетъ вопросы болѣе важные, и занимается объясненіемъ недостовѣрности и неосновательности ихъ началъ, и противорѣчія умствованій объ нихъ. Отрицая всякую непосредственную достовѣрность, и видя противорѣчія Философовъ, онъ требуетъ доказательства для

всякой истины, и потомъ доказываетъ невозможность онаго, и ложность началъ, такъ называемыхъ не сомнѣнными. Этимъ онъ низпровергаетъ всѣ ученые труды человѣческаго разума, невыключая даже самыхъ Математиковъ.

Секстъ, взаимно противополагая чувственныя идеи, и понятія разума, посредствомъ этаго противорѣчія, предостерегаетъ отъ рѣшительнаго сужденія. Это составляло теоретическую цѣль скептицизма, а практическою цѣлію его было безпристрастіе; по этому любимымъ правиломъ Секста было: *ουδεν μαλλον* т. е. никакую вещь недолжно предпочитать другой.

Изъ этаго краткаго обозрѣнія Скептицизма школы Эмпирической видно, что онъ отличается отъ скептицизма Софистовъ и Пирронова только своею обширностію и систематическимъ порядкомъ. А методъ, цѣль и слѣдствія всѣхъ этихъ родовъ Скептицизма однѣ и тѣже: Философія Скептическая, явившись въ слѣдствіе споровъ Идеализма и сенсуализма, вникала въ нихъ и съ пользою возставала на несообразности той и другой системы. Но, доказавъ ихъ ложность и преувеличенія, ей не должно было преступать справедливой критики, не надлежало подражать имъ, а тѣмъ болѣе превосходить ихъ своими требованіями и отрицать съ догматическою достовѣрностію истины, ими содержимыя. Всякая система имѣетъ сторону невѣрную и ложную, — вотъ обыкновенное заключеніе, котораго нельзя недопустить послѣ точнаго и основательнаго разбора системъ; но скептики почли всѣ

системы ложными, не нашли въ нихъ ничего истиннаго и вѣрнаго. Мудрость внушала, послѣ множества системъ и дерзновенныхъ попытокъ рѣшить важнѣйшіе и трудные вопросы, благоразуміе въ выборѣ ихъ и недовѣріе къ нимъ; но ложная мудрость внушала совершенное невниманіе къ нимъ, и осудила умъ человѣческій на совершенную недѣятельность и пагубную холодность, которая подавляетъ всякую попытку, и дальнѣйшіе успѣхи дѣлаетъ не возможности. Но не легко обуздать разумъ человѣческій и сократить его полетъ. Его дѣятельность усиливается въ слѣдствіе препятствій, противополагаемыхъ ему. Послѣ Софистовъ явился Сократъ; послѣдователи Пирроновы не удержали полета, сообщеннаго умамъ Философами Академіи, Портика и Лицея. Точно также Философія не падаетъ отъ усилій Секста и Энезидема.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Къ сей части для объясненія Исторіи Философіи прилагается сводная таблица главныхъ системъ философскихъ.

И.

...КЕПТИЦИЗМЪ.	МИСТИЦИЗМЪ ФИЛОСОФСКІЙ.
...ОФИСТЫ. ...НЕЗИДЕМЪ. ...ЕКСЪ ЭМПИРИКЪ. ...ЕЛЬ.	ПЛОТИНЪ. ГУГО ДЕ СЕНЪ ВИКТОРЪ. ГЕРСОНЪ.
...Остроумная критика ...робностей; но колеба... ...и нерѣшительность въ ...ріяхъ.	Обоготворяетъ цѣлую природу въ разнообразныхъ явленіяхъ, по видимому, символически представляющую Божественное, къ которому душа съ любовію стремится.
...ыскиваетъ со тщаніемъ ...бныя повѣрья, необык... ...нныя факты; обьясня... ...важнѣйшія событія ма... ...жными причинами. Са... ...ческое описаніе нра... ...в; увеличенная картина ...ѣшностей и слабос... ...ума человѣческаго.	Первоначально поддѣлывается подъ факты, которые могутъ представить нѣкоторую чудесную видимость, утверждающую въ той мысли, что человѣкъ можетъ въ восторгѣ наслаждаться зрѣніемъ Божества.